Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Утверждено
Министерством внутренних дел Республики Беларусь
в качестве учебника
для обучающихся учреждений высшего образования
Министерства внутренних дел Республики Беларусь
по специальностям 6-05-0421-01 Правоведение,
6-05-0421-03 Экономическое право,
6-05-1037-01 Судебные криминалистические экспертизы,
6-05-0414-02 Государственное управление и право

Под общей редакцией
доктора юридических наук, профессора
В.В. Марчука

Минск
Академия МВД
2024

УДК 343.23
ББК 67.408
К32

Авторы:

В.В. Марчук (введение, параграфы 1.1–1.8 гл. 1, параграф 2.1 гл. 2),
Ю.Ф. Машталер (параграф 2.2 гл. 2), А.Н. Дрозд (параграф 2.3 гл. 2),
С.М. Свило (параграф 2.4 гл. 2, параграф 3.1.2 гл. 3),
Ю.Е. Духовник (параграф 3.1.1 гл. 3), Н.И. Козелецкая (параграф 3.1.3 гл. 3),
А.А. Примаченок (параграф 2.2 гл. 2, параграф 3.1.4 гл. 3),
А.В. Ковальчук (параграфы 3.2, 3.3 гл. 3), В.А. Кашевский (параграф 3.4 гл. 3),
В.С. Яловик (параграф 3.5 гл. 3), О.И. Бахур (параграфы 3.6, 3.7 гл. 3),
В.Р. Меерсон (параграф 3.7 гл. 3), А.Л. Савенок (параграфы 3.8, 3.10 гл. 3),
С.В. Казак (параграф 3.9 гл. 3), В.А. Караваева (параграф 3.10 гл. 3)

Рецензенты:

кафедра уголовного права и криминалистики учреждения образования
«Полоцкий государственный университет»;
кандидат юридических наук, доцент *Р.Н. Ключко*;
криминальная милиция Министерства внутренних дел Республики Беларусь

Квалификация преступлений : учебник / В.В. Марчук
К32 [и др.] ; под общ. ред. В.В. Марчука ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2024. – 294, [2] с.
ISBN 978-985-576-433-6.

Изложены основные методологические подходы, принципы, общие и специальные правила квалификации преступлений, а также особенности уголовно-правовой оценки отдельных видов преступлений.

Предназначен для курсантов и студентов, изучающих специальный курс «Квалификация преступлений», магистрантов, адъюнктов, преподавателей учреждений образования юридического профиля, а также практических работников.

УДК 343.23
ББК 67.408

ISBN 978-985-576-433-6 © УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава 1. Понятие, правовое значение и правила квалификации преступлений 7

1.1. Понятие квалификации преступлений 7
1.2. Правовое значение правильной квалификации преступлений 11
1.3. Специальные принципы квалификации преступлений 15
1.4. Значение состава преступления для квалификации преступления 28
1.5. Этапы квалификации преступлений 39
1.6. Методические требования для определения уголовно-правовой нормы в процессе квалификации преступления. Правила квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм 44
1.7. Правила квалификации по элементам состава преступления 51
1.8. Правила квалификации преступлений, предусмотренные уголовным законом 61

Глава 2. Использование отдельных положений Общей части Уголовного кодекса Республики Беларусь при квалификации преступлений 64

2.1. Квалификация неоконченного преступления 64
2.2. Особенности квалификации преступлений, совершенных в соучастии 72
2.3. Квалификация множественности преступлений 86
2.4. Особенности правовой оценки содеянного при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния 96

Глава 3. Особенности квалификации отдельных видов преступлений 113

3.1. Особенности квалификации преступлений против человека 113
3.1.1. Особенности квалификации преступлений против жизни и здоровья 114
3.1.2. Особенности квалификации преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы 124
3.1.3. Особенности квалификации преступлений против личной свободы, чести и достоинства 136
3.1.4. Особенности квалификации преступлений против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних 153
3.2. Особенности квалификации преступлений против собственности 164
3.3. Особенности квалификации преступлений против порядка осуществления экономической деятельности 181
3.4. Особенности квалификации отдельных преступлений против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования 197

3.5. Особенности квалификации преступлений против общественной безопасности и здоровья населения 201
3.6. Особенности квалификации отдельных посягательств на общественный порядок и общественную нравственность 224
3.7. Особенности квалификации преступлений против компьютерной безопасности 238
3.8. Особенности квалификации отдельных преступлений против порядка управления 253
3.9. Особенности квалификации ряда преступлений против правосудия 270
3.10. Особенности квалификации некоторых преступлений против интересов службы 280

ВВЕДЕНИЕ

В правоприменительной практике квалификация преступления образует основополагающее звено в применении уголовного закона. Для того чтобы правильно применить уголовно-правовую норму к конкретному событию, лицо, ее применяющее, должно обладать глубокими и системными знаниями об основных принципах, правилах, приемах и особенностях квалификации преступления.

В доктрине существует два подхода к исследованию вопросов квалификации преступления. Первый подход характеризуется изучением вопросов квалификации отдельных преступлений либо группы однородных преступлений (квалификация кражи, квалификация хищений, квалификация преступлений против собственности и т. д.). Эти вопросы отражены в научных публикациях (статьях, диссертациях, монографиях и др.) и учебной литературе по уголовному праву. Второй подход основывается на изучении общих закономерностей, правил и методов, используемых при уголовно-правовой оценке любого преступного деяния. В исследовательском аспекте второй подход является более сложным, поскольку предполагает более высокий уровень обобщения, который должен заканчиваться научными выводами, имеющими универсальный характер.

Общетеоретические вопросы квалификации преступления рассматривались в специальных исследованиях Н.А. Бабия, Е.В. Благова, Л.Д. Гаухмана, А.А. Герцензона, Н.Г. Кадникова, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Б.А. Куринова, Г.А. Левицкого, В.И. Малыхина, В.В. Марчука, В.А. Навроцкого, А.В. Наумова, А.И. Рарога, Р.А. Сабитова и других авторов. В рамках теории квалификации преступления разработаны основные положения, касающиеся применения уголовного закона, сформулированы общие правила квалификации преступления, отражены особенности квалификации отдельных видов преступлений.

Успешное усвоение учебной дисциплины «Квалификация преступлений» основывается не только на знании курса уголовного права. Понимание основ и нюансов квалификации преступлений предполагает предварительное осмысление обучающимися основных положений философии, логики, теории государства и права, уголовного процесса, административного и других отраслей права.

Учебник подготовлен в соответствии с учебной программой учреждения высшего образования по учебной дисциплине «Квалификация

преступлений» для следующих специальностей: 6-05-0421-01 «Правоведение», 6-05-0421-03 «Экономическое право», 6-05-1037-01 «Судебные криминалистические экспертизы», 6-05-0414-02 «Государственное управление и право».

По итогам изучения учебной дисциплины «Квалификация преступлений» обучающиеся должны получить следующие обобщенные знания и умения:

– представления о сущности и содержании квалификации преступления и конкуренции уголовно-правовых норм;

– понимание общих и частных правил квалификации преступлений;

– понимание процесса применения уголовно-правовой нормы в контексте творческой деятельности правоприменительной практики;

– навык дачи уголовно-правовой оценки соответствующим преступлениям;

– способность устанавливать наличие или отсутствие в содеянном обстоятельств, исключающих преступность деяния;

– умение юридически грамотно формулировать и аргументировать правильность применения уголовно-правовых норм в процессе квалификации преступления.

Содержание учебника изложено с учетом последних изменений в уголовном законодательстве Республики Беларусь, сложившейся правоприменительной практики и результатов научных исследований в сфере уголовного права.

ГЛАВА 1
ПОНЯТИЕ, ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ПРАВИЛА КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

1.1. Понятие квалификации преступлений

Понятие «квалификация» (от лат. qualis – какой, какого качества и facere – делать) означает качественную характеристику определяемого предмета или явления. Одно из значений глагола «квалифицировать» в русском языке – оценить (-ивать), определить (-лять) каким-нибудь образом[1]. Иными словами, квалифицировать – значит дать оценку какому-нибудь явлению, процессу, познать его существенные черты через соотнесение с другим явлением, сущность которого уже определена. В юриспруденции о квалификации обычно говорят применительно к ситуациям выбора правовой нормы, распространяющей свое действие на соответствующее правонарушение. Что касается сферы уголовной юстиции, в ней чаще всего оперируют термином «квалификация преступления».

В отечественной доктрине и практике термин «квалификация преступления» стал использоваться только в XX в. В первых учебных пособиях Российской империи по уголовному праву данный термин не употреблялся. Хотя проблематика квалификации отдельных видов преступлений существовала всегда, на понятийном уровне этот вопрос ранее обозначался иными терминологическими оборотами. Достаточно вспомнить речи известных юристов того времени. Под сводами судебных залов царской России звучали другие суждения и речевые обороты. Например, присяжный поверенный В.Д. Спасович в своих выступлениях в защиту клиентов употреблял следующие выражения: «судится за преступление», «факт, который вменяется подсудимому», «направлено обвинение в том, что», «может быть подведен под статьи Уложения о наказаниях», «настоящее дело имеет предметом преступление»[2] и т. п.

В советский период понятие «квалификация преступления» использовалось в теории и практике достаточно часто. Так, Пленум Верховного Суда СССР уже с первых лет советской власти неоднократно выносил соответствующие постановления, в которых содержались указания по

[1] См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : Рус. яз., 1998. С. 265.

[2] Спасович В.Д. Избранные труды и речи / сост. И.В. Потапчук. Тула : Автограф, 2000. С. 168–314.

вопросам квалификации отдельных преступных деяний: «о квалификации заведомого сокрытия брака продукции», «о квалификации преступлений, связанных с проникновением частника в кооперацию», «о квалификации нарушений трудовой дисциплины работниками водного транспорта», «о квалификации повреждения посевов» и др.

Само рассматриваемое понятие первоначально не раскрывалось ни в теории, ни в практике. Поиск оптимальной дефиниции, отражающей суть этого правоприменительного процесса, начался только к концу 1950-х гг. А.А. Герцензон – первый автор, обозначивший важнейшие содержательные моменты, положенные впоследствии в основу учения о квалификации преступления, увидел сущность квалификации в том, что она «состоит в установлении соответствия данного конкретного деяния признакам того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом»[1]. Это определение было воспринято многими правоведами в уголовно-правовой литературе советского периода и воспроизводится сейчас во многих доктринальных источниках на постсоветском пространстве. В.Н. Кудрявцев в своих исследованиях расширил названную дефиницию и определил квалификацию преступления как «установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой»[2]. В данном определении В.Н. Кудрявцев помимо процесса установления соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления выделил еще одно значение квалификации – юридическое закрепление деятельности правоохранительных органов по установлению указанного соответствия, т. е. указание в соответствующем уголовно-процессуальном акте статьи (статей) Уголовного кодекса.

В настоящее время многие правоведы государств – участников СНГ в своих научных исследованиях или учебных пособиях опираются на дефиницию академика В.Н. Кудрявцева. Она использована и в некоторых белорусских доктринальных источниках. Законодатель Республики Молдова даже возвел это определение в ранг дефинитивного законоположения (ч. 1 ст. 113 Уголовного кодекса Республики Молдова).

Несмотря на широкое использование указанной дефиниции в современной доктрине уголовного права, термин «квалификация преступления» не употребляется в нормах Уголовного кодекса Республики

[1] Герцензон А.А. Квалификация преступления. М. : РИО ВЮА, 1947. С. 3.

[2] Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2004. С. 5.

Беларусь (УК). Однако он используется в действующем уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 35, 36, 301, 354, 360 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК)). Кроме того, в УПК идет речь о квалификации вменяемого в вину преступления (ст. 496), квалификации деяния (ст. 264, 396, 491), квалификации общественно опасного деяния (ст. 266), правовой квалификации деяния (ст. 469), уголовно-правовой квалификации (ст. 251). Эти формулировки, несмотря на возможность придания им соответствующих смысловых оттенков, в целом можно поставить в один синонимический ряд с термином «квалификация преступления».

Далеко не во всех правовых семьях термин «квалификация преступления» прописан в системе юридической терминологии. Так, в англо-саксонской правовой системе данный термин в сугубо уголовно-правовом значении не употребляется. Используется он в ряде стран Западной Европы. Однако на содержание квалификации преступления оказывают влияние формальное определение преступления и существующие в романо-германской правовой семье классификации уголовных правонарушений (преступлений). В частности, во французском уголовном праве квалификация преступления выражается в двух взаимосвязанных операциях: квалификация факта деяния и определение категории установленного уголовно-правового деяния. Например, тайное похищение определенного предмета является кражей, которая так и квалифицируется. Вместе с тем утверждение, что эта кража влечет применение исправительного наказания и тем самым образует уголовный проступок, является квалификацией преступного деяния. В уголовном праве Германии названный правоприменительный процесс в большей мере ориентирован на идентификацию фактических обстоятельств дела. Так, Г. Фристер пишет: «Учение о назначении наказания анализирует понятийные признаки уголовно наказуемых деяний, чтобы по этим признакам путем квалификации фактических обстоятельств дела точно определить применяемую к данному деянию норму уголовного закона»[1]. Кроме того, автор отмечает: «Только получив ясность в отношении того, из чего складывается объективная сторона деяния, можно приступить к юридической квалификации обстоятельств дела»[2].

В литературе помимо термина «квалификация преступления» иногда употребляют термин «уголовно-правовая оценка» деяния или содеянного. Многие рассматривают этот термин как синоним квалифика-

[1] Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть / пер. с нем. ; под ред. М. Кудратова. 5-е изд. М. : Инфотропик Медиа, 2013. С. 114.

[2] Там же. С. 137.

ции преступления и обычно употребляют его в целях избежания в тексте тавтологии. Синонимичность указанных терминов объясняется тем, что, во-первых, это согласуется с лексическим значением слова «квалифицировать» (т. е. оценивать) и, во-вторых, отграничение преступного от непреступного следует рассматривать в качестве составной части познавательного процесса, происходящего при квалификации преступления. При осуществлении мыслительной операции по сопоставлению соответствующих признаков квалификатор оценивает совершенное деяние, вычленяя его на основании уголовного закона в качестве преступления из совокупности различных поведенческих актов.

Наряду с термином «квалификация преступления» в литературе иногда используют термины «уголовно-правовая квалификация» либо «квалификация уголовно-правовых деяний». Многие авторы в контексте своих исследований приравнивают уголовно-правовую квалификацию к квалификации преступления. Именно в этом синонимичном смысле употребляется данный термин в ст. 251 УПК и иных нормативных правовых актах Республики Беларусь. Однако в последнее десятилетие некоторые правоведы уголовно-правовую квалификацию стали рассматривать в качестве родового понятия, включающего в себя собственно квалификацию преступления и квалификацию некоторых вариантов непреступного поведения. Основанием для выделения такого более общего и оценочного по своему характеру явления послужили высказанные еще в начале 1990-х гг. выводы ряда ученых относительно квалификации некоторых вариантов непреступного поведения[1].

Выделение уголовно-правовой квалификации в качестве родового понятия оценочной деятельности имеет право на существование. Это объясняется многозначностью самого понятия «квалификация»: оценивать, сопоставлять с определенным образцом можно не только противоправное, но и правомерное поведение. Следует также отметить, что при наличии разных подходов к содержанию уголовно-правовой квалификации сторонники этого направления оценочной деятельности в целом считают, что квалификация преступлений как негативная оценка преступного поведения является одним из видов уголовно-правовой квалификации. Отнесение квалификации преступления к «видовому существованию» не лишает ее возможности быть автономной теорией и самостоятельной учебной дисциплиной.

[1] См., например: Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков : Основа, 1991. С. 138 ; Михеев Р.И. Невменяемый: социально-правовой очерк. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1992. С. 103–117.

Квалификация преступления осуществляется при наличии фактического и юридического оснований. В качестве фактического основания квалификации преступления выступают установленные в уголовно-процессуальном порядке обстоятельства, указывающие на уголовно-противоправное деяние. Ст. 10 УК предусматривает четыре разновидности уголовно-противоправного деяния: оконченное преступление, приготовление к совершению преступления, покушение на совершение преступления, соучастие в совершении преступления.

Юридическим основанием квалификации преступления является уголовно-правовая норма, в которой описаны признаки преступления определенного вида. В теории уголовного права и правоприменительной практике эти признаки называют признаками состава преступления.

При производстве по уголовному делу орган уголовного преследования или суд осуществляет официальную (легальную) квалификацию. Официальный характер квалификации означает, что, во-первых, уголовно-правовая оценка содеянному дается уполномоченным на то органом (органом дознания, следователем, прокурором или судом) и, во-вторых, только эта уголовно-правовая оценка по конкретному уголовному делу имеет юридическое значение. Официальная квалификация, отражаясь в соответствующих процессуальных документах, имеет ряд важных юридических последствий: определяет орган, уполномоченный осуществлять предварительное следствие (Следственный комитет Республики Беларусь или следственные подразделения органов государственной безопасности), определяет подследственность и подсудность уголовного дела, обусловливает применение соответствующих мер процессуального принуждения, является основой для реализации санкции уголовно-правовой нормы.

1.2. Правовое значение правильной квалификации преступлений

В своей динамике квалификация преступлений представляет собой процесс, а в статике – результат этого процесса. Результат квалификации закрепляется соответствующим уголовно-процессуальным актом. Этот результат может быть правильным или неправильным.

Правильная квалификация представляет собой адекватность в идентификации признаков совершенного деяния с законодательной моделью соответствующего вида преступления, описанного в уголовно-правовой норме. Предпосылками правильной квалификации являются:

во-первых, знание системы юридических понятий, особенно признаков конкретного состава преступления и правил квалификации; во-вторых, точное установление и фиксация всех фактических обстоятельств дела.

Отступление от установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка собирания и оценки доказательств, несоблюдение принципов уголовного права и уголовного процесса неизбежно влекут неправильную квалификацию преступления.

Неправильная квалификация преступления, как правило, является результатом неверного установления в содеянном признаков состава преступления, описанного уголовно-правовой нормой (ошибки в квалификации преступлений). В теории квалификации преступлений такого рода ошибки классифицируют на субъективные и объективные. Некоторые авторы выделяют в отдельную группу объективно-субъективные ошибки (недостатки в работе правоохранительных органов, негативный морально-психологический климат в среде, в которой правоприменитель осуществляет свою деятельность)[1].

Причинами ошибок субъективного характера являются: правовое невежество, неполное установление должностным лицом органа уголовного преследования фактических обстоятельств дела в силу небрежного отношения к своим обязанностям, несоблюдение законов логики при уголовно-правовой оценке содеянного и др.

Основной причиной ошибок объективного характера является несовершенство уголовного закона и иных актов законодательства: проявление криминализационной избыточности в уголовной политике, недостаточная криминологическая обоснованность нормотворчества, несоблюдение принципов уголовного закона при конструировании статей УК, отсутствие четких пределов правового регулирования в отраслях законодательства, несоблюдение правил законодательной техники, наличие оценочных признаков в нормах УК.

Определенную дезориентацию в решение вопросов о квалификации преступлений вносит отсутствие в учебной и научной литературе единообразного подхода, касающегося проблем уголовно-правовой оценки отдельных видов преступлений.

Упразднение причин, порождающих ошибки в квалификации преступлений, должно осуществляться путем совершенствования нормотворческого процесса, соблюдения правил нормотворческой техники

[1] См., например: Колосовский В.В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2003. С. 7.

при принятии нормативных правовых актов, своевременного издания субъектами толкования правовых норм разъяснений по вопросам квалификации отдельных видов преступлений, интенсификации прокурорского надзора за качеством расследования уголовных дел, ответственного подхода ученых к доктринальной квалификации преступлений.

Как показывает следственная и прокурорская практика, в период досудебного производства довольно часто наблюдается явление, именуемое квалификацией с запасом. Оно выражается в уголовно-правовой оценке содеянного по совокупности преступлений, когда имеет место единичное преступление либо когда совершенное деяние заведомо квалифицируется по норме УК, предусматривающей более строгую ответственность. Квалификация с запасом свидетельствует о неуверенности должностного лица, осуществляющего уголовное преследование, относительно применения соответствующей уголовно-правовой нормы. В основе этой неуверенности лежит, как правило, незнание или плохое знание норм уголовного закона и правил квалификации преступления. Расчет должностного лица, осуществляющего уголовное преследование, на решение соответствующей правоохранительной инстанции, в рамках которого может быть уточнена квалификация преступления в соответствии с процессуальным правилом о недопустимости поворота к худшему, ведет к грубому нарушению принципа законности. Такого рода перестраховка является вариантом неправильной квалификации, которая может привести к существенному нарушению прав обвиняемого: может быть необоснованно применена более строгая мера пресечения, наложен арест на имущество, лицо может быть необоснованно отстранено от должности на период расследования и т. д.

Правильная квалификация преступлений имеет следующее правовое значение:

1. Верная уголовно-правовая оценка преступного деяния фиксирует первый результат реализации субъективных прав и обязанностей участников уголовно-правового отношения, порожденного фактом совершения преступления. На первоначальном этапе в рамках возникшего уголовно-правового отношения правом и обязанностью органов, ведущих уголовный процесс, является дача уголовно-правовой оценки происшедшему событию. Предполагается решение целой совокупности вопросов уголовно-правового характера: определение нормы УК, распространяющей свое действие на соответствующее общественно опасное деяние, установление момента юридического окончания преступления, возможное решение вопросов о соучастии в преступлении,

неоконченном преступлении, множественности преступлений и т. д. К числу субъективных прав лица, совершившего общественно опасное деяние, как участника уголовно-правового отношения относятся: право на то, чтобы к нему была применена та статья УК, которой предусмотрена ответственность за совершенное им деяние; право на учет при уголовно-правовой оценке обстоятельств, снижающих степень общественной опасности деяния и личности. Квалификация преступления свидетельствует о том, что конфликт, возникший между лицом, совершившим преступление, и государством (в лице его уполномоченных органов) помещен в правовой формат. Этот конфликт в последующем будет разрешаться в соответствии с принципами уголовной ответственности.

2. Квалификация преступления указывает на одно из оснований уголовной ответственности, которое предусмотрено ст. 10 УК: оконченное преступление, приготовление к преступлению, покушение на преступление или соучастие в преступлении.

3. Правильная квалификация преступлений обеспечивает соблюдение принципов уголовного права. В идеале правильная квалификация преступления должна отражать верную политическую и нравственную оценку совершенному преступлению.

4. Верная квалификация преступления оказывает влияние на решение ряда вопросов уголовно-процессуального характера: подследственность и подсудность уголовного дела, вид уголовного преследования, определение меры пресечения, применяемой к подозреваемому или обвиняемому, оказание международной правовой помощи по уголовным делам и др.

5. Указание в резолютивной части обвинительного приговора соответствующей статьи (пункта, части статьи) УК в определенной мере предопределяет содержание уголовно-исполнительного правоотношения. Например, осуждение по ч. 2 ст. 411 УК определяет круг обязанностей и правоограничений для лица, допустившего особо опасный рецидив, и, соответственно, требований, которые обязана и вправе предъявить администрация исправительного учреждения к такому лицу.

6. Квалификация преступления оказывает влияние на решение ряда вопросов криминалистического характера. Направление и тактика расследования уголовного дела, последовательность совершения оперативно-розыскных и следственных действий во многом зависят от того, по какой статье УК было квалифицировано соответствующее преступление. На этой основе классифицируются частные методики расследования в криминалистике (методика расследования убийств, методика расследования мошенничества, методика расследования незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и т. д.).

7. Результаты квалификации преступлений лежат в основе формирования статистических рядов, которые показывают динамику и тенденции преступности и судимости. Данные уголовно-правовой статистики лежат в основе принятия решений о предупреждении и профилактике правонарушений.

1.3. Специальные принципы квалификации преступлений

На институциональном уровне в теории квалификации преступлений в последнее время стали выделять специальные принципы, характеризующие эту стадию правоприменительной деятельности. Однако определенности относительно количества и содержания соответствующих принципов квалификации преступлений не наблюдается[1]. Обилие разных точек зрения объясняется тем, что вопрос о выделении на институциональном уровне принципов квалификации преступлений является относительно новым, до конца не разработанным. В частности, в литературе принципы квалификации преступления иногда отождествляют с правилами квалификации преступлений, под которыми понимают «конкретные предписания, отражающие закономерности уголовно-правовых институтов и устанавливающие порядок выбора уголовно-правовых норм для оценки преступных деяний»[2]. В отличие от принципа правило квалификации преступлений призвано решать более узкую, частную задачу квалификации преступления: преодоление конкуренции между нормами, отдельные правила квалификации неоконченного преступления, соучастия в преступлении, множественности преступлений и т. д.

В то же время специальный принцип квалификации преступления должен направлять деятельность правоприменителя при осуществлении профессиональных обязанностей по уголовно-правовой оценке совершенного преступления. Принципы квалификации преступления должны удерживать правоприменителя в русле процесса сличения (со-

[1] См., например: Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. С. 29–43 ; Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений : учеб. пособие. М. : Проспект, Велби, 2006. С. 14–18 ; Навроцький В.О. Основи кримінально-правової кваліфікації : навч. посібник. Київ : Юріком, 2006. С. 98–133.

[2] Цит. по: Шумихин В.Г. Правила квалификации преступлений : учеб. пособие. М. : МПСИ, 2003. С. 12.

поставления) интерпретируемых объектов квалификации преступления и привести его в конечном итоге к правильному выводу относительно уголовно-правовой оценки.

Специальным принципом квалификации преступлений следует признавать имеющее сквозное и самостоятельное для уголовно-правовой оценки совершенного преступления положение, которое характеризует порядок сличительного и интерпретационного процесса и соблюдение которого способствует правильному установлению правоприменителем статьи (статей) УК[1].

В контексте требований, характеризующих процесс сопоставления (сличения) и интерпретации, есть основания вести речь о следующих специальных принципах квалификации преступления: сопоставимость, достаточность, толкование неустранимых сомнений относительно обвиняемого и научность[2].

Принцип сопоставимости должен обеспечивать сравнимость соотносимых объектов квалификации преступления. Под объектами квалификации следует понимать совершенное в конкретной обстановке деяние и уголовно-правовую норму, описывающую признаки конкретного состава преступления.

По уровню соответствия предъявляемым требованиям объекты квалификации можно классифицировать на сопоставимые и несопоставимые. Объект квалификации преступления можно отнести к разряду сопоставимых, если он соответствует тем правовым требованиям, которые дают основание для проведения в дальнейшем отдельного и сравнительного анализа. Все приобщенные к материалам уголовного дела фактические данные должны быть допустимыми, достоверными, соответствовать процессуальным требованиям об их полноте. Если собранные фактические данные не соответствуют указанным требованиям, они не будут образовывать тот составной элемент, который входит в процесс сопоставления. Построение процесса квалификации преступления с использованием объекта, который не может быть положен в основу сравнения, будет свидетельствовать о нарушении принципа сопоставимости, что в конечном итоге неизбежно приведет к ложному выводу относительно уголовно-правовой оценки совершенного деяния.

Важным требованием в обеспечении принципа сопоставимости является адекватная интерпретация полученных фактических данных и

[1] См.: Марчук В.В. Теория квалификации преступления. Минск : Акад. МВД, 2014. С. 187.

[2] Там же. С. 187–193.

текста уголовно-правовой нормы. Уяснение обстоятельств, характеризующих реальное событие, предполагает истолкование конкретных фактических данных. При интерпретации текста уголовно-правовой нормы правоприменитель должен руководствоваться известными в юриспруденции приемами толкования.

Принцип достаточности должен удовлетворять потребности квалификации преступления не только в части обеспечения полноты формулы квалификации преступления, под которой следует понимать содержащееся в соответствующем уголовно-процессуальном акте указание на статью или совокупность статей УК либо комбинацию статей Общей и Особенной частей УК.

Несомненно, формула квалификации преступления несет информацию о полноте уголовно-правовой оценки. Однако в процессе квалификации преступления должны быть соблюдены и те требования, которые свидетельствуют о том, что собранных фактических данных хватает для установления признаков соответствующего состава преступления. Для того чтобы квалификация преступления была правильной, необходимо наличие исчерпывающего с точки зрения конкретного состава преступления количества фактических данных по соответствующему уголовному делу. В этом смысле принцип достаточности плотно соприкасается с принципом сопоставимости квалификации преступлений. Кроме того, в некоторых случаях процесс квалификации преступления должен удовлетворять дополнительным требованиям, без наличия которых дать уголовно-правовую оценку будет невозможно. Например, по делам частного обвинения сделать официальный вывод о квалификации преступления немыслимо без заявления потерпевшего, которое должно вовлечь свершившийся юридический факт – общественно опасное деяние – в орбиту конфликтного уголовно-правового отношения.

Положение о толковании неустранимых сомнений в пользу обвиняемого было сформулировано на уровне юридического постулата в римском праве и в рамках современной уголовной юстиции приобрело характер руководящего требования, определяющего правоприменителю направление в принятии вывода в случае возникновения у него неуверенности при интерпретации признаков соответствующего состава преступления или фактических данных, положенных в основу обвинения.

Возникающие сомнения должны быть неустранимыми, т. е. разрешить их в рамках совершения соответствующих процессуальных действий или существующих приемов толкования нормы правоприменителю не представляется возможным. Неустранимое сомнение является

итогом внимательного, всестороннего (порой сложного и несколько мучительного) анализа фактических обстоятельств дела или изучения текста уголовного закона.

Указанный принцип квалификации преступлений во многом обусловлен презумпцией невиновности. Эта презумпция объясняет толкование сомнений в обоснованности предъявленного обвинения в контексте установления виновности соответствующего лица. Однако сомнения могут появиться не только относительно вины или психического отношения лица к обстоятельствам или признакам, имеющим юридическое значение. Затруднения могут возникать и при уяснении смысла уголовно-правового запрета, понимании содержания оценочных признаков состава преступления, установлении коллизий в иных отраслях законодательства при толковании бланкетного признака состава преступления и т. д. Если бы законодатель при конструировании соответствующей уголовно-правовой нормы размышлял с позиции соблюдения требований о единстве и взаимообусловленности правил законодательной техники и квалификации преступлений, то применительно, например, к оценочным признакам состава преступления были бы избраны иные, более оптимальные средства и приемы законодательной техники. Однако при существующем положении дел данный принцип позволяет правоприменителю избежать применения неясных положений уголовного закона, которые порождены недостатками законодательной техники.

Важнейшим принципом квалификации преступлений является принцип научности, который прежде всего при квалификации преступления предполагает выполнение требований, обусловленных научно-категориальным аппаратом современной философии, а также закономерностей и методов, выработанных логикой (логические приемы толкования понятий и суждений, законы логики, порядок построения простого категорического силлогизма, соотношение понятий «истинность» и «ложность» и т. д.).

Теория квалификации преступления базируется на определенных динамических предпосылках методологического характера, которые выработаны не только системным взаимодействием наук криминалистического цикла, но и социальной философией. Ведущее значение в гносеологическом процессе применения уголовно-правовой нормы к конкретному случаю имеет диалектический метод познания. Использование этого метода в процессе квалификации преступления выражается не только в соотношении философских категорий единичного и общего. Так, значимым в процессе квалификации преступления является

исторический подход (философский принцип развития). В частности, при уяснении смысла уголовно-правовой нормы практическое значение приобретает понимание той исторической социально-экономической обстановки, в которой принималась соответствующая норма УК.

В процессе квалификации преступления, связанного с наступлением последствия, правоприменитель всегда руководствуется требованиями, обусловленными философским принципом детерминизма, который при установлении причинной связи характеризуется следующими основными чертами: последовательность во времени (общественно опасное деяние всегда предшествует общественно опасному последствию), отношение порождения (деяние генетически обусловливает возникновение последствия), необратимость (если деяние есть причина последствия, последствие не может быть причиной деяния), необходимость и всеобщность (одна и та же причина в одних и тех же условиях с необходимостью порождает одно и то же последствие).

Диалектический метод всегда предполагает системный подход. В контексте квалификации преступления это означает, что необходимо рассматривать в единстве и взаимосвязи все компоненты правовой реальности, учитывать влияние правопонимания в оценке конкретной уголовно-правовой ситуации, обеспечивать взаимосвязь правил криминализации и правил квалификации и т. д.

При квалификации преступления важное значение приобретает характер и значение смысловой определенности (философский принцип определенности), т. е. сведение возможного множества значений к единому концепту понимания. Реализация этого принципа предполагает стабильность в уголовно-правовом регулировании, что достаточно сложно обеспечить в контексте интенсивно развивающихся отношений современного общества. Смысловая определенность должна исключать возможность разного толкования нормы УК. Это в первую очередь касается качества терминологии уголовного закона. Единое понимание смысла нормы УК при ее применении может быть достигнуто только в том случае, если формирование (создание) соответствующей нормы будет основано на адекватном понимании ее терминов. Разумеется, обеспечению принципа определенности во многом способствуют и логические правила изложения нормативных суждений.

Базовые начала и положения диалектического метода отражают фундаментальные идеи бытия. В этом смысле их можно рассматривать в онтологическом аспекте квалификации преступления: правоприменитель воспринимает, исследует и интерпретирует имеющиеся фактические

данные о совершенном преступном деянии в их взаимосвязи и взаимообусловленности, приписывая соответствующим обстоятельствам уголовно-правовое значение. Понятый факт реальной действительности логически рационализируется в соотношении с принятой в конкретных исторических условиях уголовно-правовой нормой, устанавливающей общий запрет на соответствующее поведение.

Диалектическая методология познания имеет важное значение для квалификации преступления, особенно в период собирания и оценки фактических данных. Вместе с тем правоведы не могут игнорировать те изменения, которые происходят в методологии познания. Следует учитывать, что в настоящее время в философской теории познания, которая должна предопределять и методологию правопознания, происходит критическое переосмысление классической парадигмы. Происходит переоценка оснований познавательной деятельности, субъекта познания, расширяется сфера философской рефлексии в теоретико-познавательных системах, в том числе в философско-методологическом исследовании права. В частности, в неклассической методологии предлагаются различные методы изучения соответствующих компонентов правовой реальности: дискурс-анализ, концепция социальных представлений, метод включенного наблюдения, программа социального конструктивизма и др. Для уяснения смысла процесса квалификации преступления наибольший интерес представляет методологический опыт, накопленный в рамках философской герменевтики и феноменологии[1].

По своему содержанию процесс квалификации преступления является логическим процессом, который протекает с использованием как индуктивных, так и дедуктивных методов познания. Установление фактических обстоятельств дела осуществляется индуктивным путем. Итоговый вывод квалификации основан на дедуктивном методе. Дедуктивное умозаключение строится по форме простого категорического силлогизма. Заключение в таком силлогизме выводится из двух суждений: общеутвердительного (норма УК) и единично-утвердительного (конкретное событие).

Правильность (истинность) вывода квалификации преступления во многом зависит от соблюдения законов формальной логики. Основными из них являются: закон тождества, закон непротиворечия, закон исключенного третьего и закон достаточного основания.

[1] Подробнее см.: Марчук В.В. Герменевтически-феноменологический подход к познанию уголовно-правовой ситуации и его значение для квалификации преступления // Юридическая герменевтика в XXI в. : монография / М.В. Антонов [и др.] ; под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. СПб. : Алетейя, 2016. С. 309–342 ; Марчук В.В. Методологические основы квалификации преступления : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 107–167.

Закон тождества предполагает, что в процессе рассуждения всякая мысль должна быть тождественной самой себе. Это означает, что в процессе рассуждения о каком-либо предмете нельзя подменять этот предмет другим.

Нарушения закона тождества свидетельствуют о логических ошибках: подмене понятия или подмене тезиса. Практика квалификации преступлений показывает, что указанные логические ошибки являются достаточно распространенными.

При квалификации преступления подмена понятия выражается в том, что лицо, ведущее уголовный процесс, для оценки соответствующего события использует вместо требуемого понятия иное, как правило, сходное понятие. Например, в судебной практике нередки случаи, когда незаконная переноска наркотического средства рассматривается как незаконная перевозка. Так, действия Н. по переноске наркотического средства (метадон массой 0,0189 г) из квартиры дома к другому подъезду этого же дома, где был сбыт наркотик, суд Центрального района г. Минска квалифицировал как перевозку[1]. Вместе с тем Пленум Верховного Суда Республики Беларусь разъяснил, что незаконная перевозка наркотических средств представляет собой перемещение их в пространстве с использованием какого-либо транспортного средства[2]. Таким образом, незаконная переноска наркотического средства, хотя и предполагает его перемещение в пространстве, но не является перевозкой. Незаконная переноска не предусмотрена ст. 328 УК в качестве альтернативного преступного деяния. В рамках ст. 328 УК незаконную переноску наркотического средства следует рассматривать как частный случай незаконного хранения соответствующего предмета.

Подмена тезиса – логическая ошибка в процессе доказательства, когда доказывается или опровергается не выдвинутое положение, а другое, и вывод распространяется на это положение[3]. Так, Е. был осужден за заведомо ложный донос, совершенный из корыстных побуждений (ч. 2 ст. 400 УК). По данному делу суд правильно установил признаки основ-

[1] См.: О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и прекурсорами (ст. 327–332 УК) (по материалам обзора) // Суд. весн. 2003. № 2. С. 43.

[2] См.: О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст. 327–334 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 26 марта 2003 г. № 1: с изм. и доп. от 3 апр. 2008 г. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».

[3] См.: Тер-Акопов А.А. Юридическая логика : учеб. пособие. 2-е изд., стер. М. : Омега-Л, 2006. С. 126.

ного состава ложного доноса. Е., будучи предупрежденным об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, обратился в органы внутренних дел с заявлением о привлечении К. к ответственности за угон транспортного средства. Между тем суд установил, что Е. 22 июня 2002 г. добровольно передал право управления своим транспортным средством К., который совершил дорожно-транспортное происшествие и повредил транспортное средство, причинив Е. ущерб на сумму, эквивалентную 350 долл. США. Поведение Е. было обусловлено стремлением получения от родителей К. суммы ущерба, причиненного повреждением транспортного средства. Данных о том, что Е. при этом стремился извлечь для себя или близких выгоду имущественного характера либо намеревался избавить себя или близких от материальных затрат, судом не было установлено. В связи с этим в действиях Е. отсутствовал квалифицирующий признак заведомо ложного доноса, совершенного из корыстных побуждений[1]. В данном случае цель возмещения ущерба, которую преследовало виновное лицо, была подменена корыстным побуждением.

Закон тождества непосредственно связан с законом непротиворечия. Сущность закона непротиворечия в науке логике формулируется следующим образом: два суждения, из которых в одном утверждается нечто о предмете мысли, а в другом то же самое отрицается об этом же предмете мысли, не могут быть сразу истинными, если эти суждения высказаны о предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении[2]. В логике применение закона непротиворечия связывают с непременным соблюдением ряда условий:

– сравниваемые суждения должны относиться к одному и тому же предмету;

– эти суждения высказаны о предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении;

– сравниваемые суждения должны быть несовместимыми.

При применении формально-логического закона непротиворечия в процессе квалификации преступлений важно понимать, что противоположные суждения не могут быть одновременно истинными, однако они могут быть одновременно ложными. В этом их отличие от противоречащих суждений.

[1] См.: Постановление президиума областного суда (извлечение) // Суд. весн. 2003. № 3. С. 36.

[2] См.: Иванов Е.А. Логика : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2005. С. 297.

На необходимость соблюдения требований формально-логического закона непротиворечия обращает внимание законодатель во многих нормах УПК. Так, в ч. 3 ст. 1 УПК содержится следующее правило: «В случае противоречия между нормами настоящего Кодекса и Конституцией Республики Беларусь действуют положения Конституции». В целях устранения существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц ст. 222 УПК предоставляет следователю или дознавателю право провести очную ставку между двумя ранее допрошенными лицами, в показаниях которых имеются существенные противоречия. При наличии существенных противоречий между показаниями обвиняемого, данными при досудебном производстве, и показаниями, данными в судебном заседании, п. 1 ч. 1 ст. 328 УПК предусматривает возможность оглашения показаний обвиняемого, данных при досудебном производстве, а также воспроизведения звукозаписи его показаний, видеозаписи или киносъемки допроса. При проведении судебного следствия аналогичная возможность оглашения показаний в судебном заседании предусмотрена и п. 1 ч. 1 ст. 333 УПК, если усматриваются существенные противоречия между показаниями потерпевшего и свидетеля, данными при досудебном производстве, и показаниями, данными в судебном заседании. Согласно ст. 390 УПК приговор признается не соответствующим фактическим обстоятельствам уголовного дела, в частности, если при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда, в приговоре не указано, по каким основаниям суд принял одно из этих доказательств и отверг другие доказательства, либо выводы суда, изложенные в приговоре, содержат существенные противоречия, которые повлияли или могли повлиять на решение вопроса о виновности или невиновности обвиняемого, на правильность применения уголовного закона или определение меры наказания.

Закон непротиворечия связан с другим формально-логическим законом – законом исключенного третьего. Суть этого закона была сформулирована еще Аристотелем: «Равным образом не может быть ничего промежуточного между двумя членами противоречия, а относительно чего-то одного необходимо, что бы то ни было одно либо утверждать, либо отрицать»[1].

При квалификации преступлений закон исключенного третьего служит решению важной правоприменительной задачи: подпадает ли определенное поведение под признаки соответствующего состава пре-

[1] Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1975–1976. Т. 1 : Метафизика. 1975. С. 141.

ступления, описанного в уголовно-правовой норме. А.А. Тер-Акопов по этому поводу верно отметил: «Фактически процесс квалификации преступлений состоит из последовательного применения закона исключенного третьего на каждом этапе квалификации: является данное лицо субъектом данного преступления или нет, совершено преступление умышленно или нет… и т. д.? По этому закону строится, как видим, программа квалификации преступлений»[1].

На альтернативах «или-или» («либо-либо») основан, по сути, весь процесс квалификации преступлений. Следственная и судебная практика постоянно сталкиваются с дилеммами: было общественно опасное деяние или нет, находился на месте преступления подозреваемый или не находился, виновно или не виновно лицо, совершившее соответствующее деяние, имели место или нет иные обстоятельства, значимые для правильного разрешения уголовного дела. В соответствии со ст. 88 УПК орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Ничего третьего здесь не предполагается.

Применение закона исключенного третьего в процессе квалификации преступлений требует от правоприменителя глубоких знаний уголовно-правовых признаков соответствующих видов преступлений, а также критериев, позволяющих провести отграничение смежных преступлений от сходных. Пробелы в знаниях неизбежно влекут возникновение логических ошибок в выборе уголовно-правовой нормы, подлежащей применению.

Так, по приговору Гродненского областного суда Б. признан виновным в том, что после совместного распития спиртных напитков избил несовершеннолетнюю М. и, используя ее беспомощное состояние, изнасиловал. Непосредственно после изнасилования Б. подверг потерпевшую избиению руками, ногами и палкой, а затем затащил ее в реку, опустил голову в воду и, наступив ногой на шею, удерживал под водой до тех пор, пока потерпевшая не скончалась на месте преступления. Содеянное Б. суд квалифицировал по ч. 2 ст. 166 УК, п. 2, 6, 7, 8 ч. 2 ст. 139 УК. Квалифицируя совершенное Б. убийство как сопряженное с изнасилованием и с целью скрыть другое преступление (п. 7, 8 ч. 2 ст. 139 УК), суд мотивировал это тем, что убийство потерпевшей он совершил, как достоверно установлено по делу, непосредственно после изнасилования и с целью его сокрытия. Такую квалификацию действий Б. (п. 7, 8 ч. 2 ст. 139 УК) нельзя признать обоснованной, поскольку суд

[1] Тер-Акопов А.А. Юридическая логика : учеб. пособие. С. 129.

тем самым установил, что потерпевшая лишена жизни дважды: первый раз в процессе совершения изнасилования и второй раз – с целью сокрытия этого преступления[1].

В процессе квалификации преступлений особое значение приобретает формально-логический закон достаточного основания. В формальной логике сущность этого закона определяют следующим образом: всякая законченная мысль может считаться истинной только в том случае, если известны достаточные основания, в силу которых она считается истинной (т. е. всякая истинная мысль должна иметь достаточное обоснование)[2]. Требования формально-логического закона достаточного основания относительно обоснованности суждений и его функциональная направленность на поиск нужных оснований имеют непосредственное отношение к квалификации преступлений. Положения о доказанности, обоснованности, мотивированности выносимых решений закреплены УПК в качестве основополагающих начал уголовного процесса. Так, в соответствии со ст. 36 УПК следователь обязан принимать все меры по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела; осуществлять уголовное преследование лица, в отношении которого собраны достаточные доказательства, указывающие на совершение им преступления. Согласно ч. 7 ст. 105 УПК достаточными признаются доказательства, когда их совокупность позволяет установить обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. Следует отметить, что все сомнения в обоснованности предъявленного обвинения в соответствии со ст. 16 УПК толкуются в пользу обвиняемого.

Объем требований о «достаточном обосновании» формулируется уголовно-процессуальным законом по-разному для соответствующих стадий производства по уголовному делу. Так, п. 1 ст. 167 УПК в качестве основания к возбуждению уголовного дела называет наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу. Ст. 240 УПК основанием для вынесения постановления о привлечении соответствующего лица в качестве обвиняемого называет наличие достаточных доказательств, дающих основания для предъявления лицу об-

[1] См.: О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст. 327–334 УК) (по материалам обзора) // Суд. весн. 2007. № 1. С. 39.

[2] См., например: Малыхина Г.И. Логика : учеб. пособие. 4-е изд., испр. Минск : Выш. шк., 2007. С. 117.

винения в совершении преступления. Одним из важных вопросов, подлежащих разрешению прокурором по уголовному делу, поступившему для направления в суд, согласно п. 3 ч. 1 ст. 263 УПК является вопрос о том, обосновано ли предъявленное обвинение имеющимися в уголовном деле доказательствами. Требования об обоснованности расширяются при вынесении обвинительного приговора. Согласно ч. 2 ст. 350 УПК приговор признается обоснованным, если он постановлен на основании лишь тех представленных суду доказательств, которые всесторонне, полно и объективно исследованы в судебном заседании. В соответствии с ч. 1 ст. 356 УПК обвинительный приговор постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность обвиняемого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств. Приговор не может быть основан на предположениях.

Следует отметить, что процессуальные решения, выносимые органами, ведущими уголовный процесс, не всегда достаточно мотивированы, в них отсутствуют обоснование квалификации преступления и юридическая аргументация принятого решения. На этот негативный момент правоприменительной деятельности неоднократно обращалось внимание высшей судебной инстанцией Республики Беларусь[1].

Как показывает практика, закон достаточного основания часто нарушается при установлении и оценке фактических обстоятельств дела. Так, по делу Е. виновность Е. в убийстве Д. обосновывалась органами предварительного следствия показаниями потерпевшей М., свидетелей И., П., Ш., протоколами осмотра места происшествия, предметов, опознания, проверки показаний обвиняемой с выходом на место происшествия, заключениями судебно-медицинского эксперта. В то же время, как было установлено в суде, потерпевшая и свидетели в своих показаниях не изобличали осужденную в совершении противоправных действий в отношении Д., и из анализа их показаний нельзя было сделать вывод о виновности Е. в убийстве Д. Кроме того, показания Е. противоречили данным протокола осмотра места происшествия, а заключение судебно-медицинского эксперта не было оценено в совокупности с другими доказательствами[2].

[1] См., например: О повышении культуры судебной деятельности и улучшении организации судебных процессов [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 23 дек. 1999 г. № 14. Доступ из справ.-поисков. системы «ЭТАЛОН».

[2] См.: Постановление президиума Гомельского областного суда (извлечение) // Суд. весн. 2006. № 4. С. 27.

В процессе квалификации преступления важным является понимание юридически значимых признаков конкретных видов преступлений. Закон достаточного основания имеет свое применение и в процессе понимания, усвоения правоприменителем смысла уголовно-правовой нормы (норм). Особое значение в этом случае имеет толкование норм высшей судебной инстанцией, которое обосновывает для нижестоящих судов квалификацию соответствующего преступления. Например, в следственной и судебной практике возникал вопрос о том, следует ли причинение смерти по неосторожности при умышленном нанесении тяжкого телесного повреждения в состоянии аффекта квалифицировать по ч. 3 ст. 147 УК. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь по данному вопросу дал разъяснение, согласно которому такие действия подлежат квалификации только по ст. 150 УК. Обоснована эта позиция была тем, что положения ст. 31 УК не предполагают какой-либо дополнительной квалификации за причинение смерти по неосторожности, если виновное лицо действовало в состоянии физиологического аффекта[1].

Следует отметить, что сами по себе формально-логические законы не позволяют нам в процессе квалификации преступления определить, какие конкретно основания для соответствующего вывода являются достаточными, какое именно из двух противоположных или противоречивых суждений, формулирующих обвинение, истинно. Однако эти законы объясняют недопустимость подмены понятий в процессе квалификации преступления; исключают совмещение обстоятельств, свидетельствующих о разных несовместимых явлениях; определяют рамки, в пределах которых может быть установлено объективно истинное суждение; дисциплинируют мышление, направляя его на поиск достаточных оснований, которые обеспечивают обоснованность вывода о квалификации преступления.

На основе требований принципа научности должны разрабатываться и внедряться в правоприменительную практику правила квалификации преступлений. Эти правила должны быть научно обоснованы, основываться на обязательном использовании при их формулировании научно-практических положений, базирующихся на убедительных теоретических доводах и аргументах. Принципу научности должны соответствовать прежде всего те правила квалификации, которые выработаны многолетней судебной практикой и закреплены соответству-

[1] См.: О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 29 марта 2006 г. № 1. Доступ из справ.-поисков. системы «ЭТАЛОН».

ющими постановлениями высшей судебной инстанции. Разумеется, эти правила способствуют единообразному применению уголовного закона в практике.

1.4. Значение состава преступления для квалификации преступления

В рамках общего учения о составе преступления данное понятие большинство правоведов определяют как совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние в качестве преступления[1]. В этом учении традиционно признаки состава преступления классифицируют на четыре группы (элементы состава преступления): объект преступления, объективная сторона состава преступления, субъект преступления, субъективная сторона состава преступления. В курсе общей части уголовного права во исполнение задач образовательного процесса анализу подвергаются все элементы и отдельные признаки состава преступления, в том числе факультативные.

Однако в контексте квалификации преступления практическую значимость имеет разработанное в рамках упомянутого учения понятие «конкретный состав преступления», к которому относят предусмотренные соответствующей уголовно-правовой нормой юридически значимые признаки, характеризующие определенное общественно опасное деяние как преступление. В этом смысле конкретный состав преступления, описанный соответствующей уголовно-правовой нормой, можно рассматривать в качестве законодательной модели определенного вида преступления. Признаки конкретного состава преступления по своей сути раскрывают содержание уголовной противоправности соответствующего преступления.

Закрепленные законодателем в составе преступления основные сущностные свойства, отражающие пределы и специфику уголовной противоправности, позволяют произвести сличение этих признаков с фактом проявившегося в реальной действительности девиантного поступка. В этом и выражается суть процесса квалификации преступления. При совпадении полученных фактических данных о происшедшем событии с законодательной моделью преступления делается вывод о наличии в поведении соответствующего лица состава преступления. Этот вывод ложится в основу утверждения о том, что учиненное соответствующим

[1] См., например: Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М. : Госюриздат, 1957. С. 59–60.

лицом деяние является согласно ст. 10 УК основанием уголовной ответственности.

Процесс квалификации преступления нельзя рассматривать упрощенно, представляя его как некую механическую процедуру, которая характеризуется проецированием имеющейся матрицы либо применением «шаблона», «инструмента» (т. е. состава преступления) к факту совершенного деяния. Об этом можно говорить лишь в фигуральном смысле, имея в виду, что используемая матрица является мыслимой идеализированной формой, которая сконструирована сознанием. Квалификация преступления представляет собой творческий акт сличения составных частей реального поступка с идеализированным смыслом, правовым понятием о нем. Этот творческий акт обусловлен спецификой правового мышления, которое в процессе квалификации преступлений выступает в качестве особой схемы смыслополагания: от понимания к применению. Процесс квалификации преступления сопровождается многообразными факторами, в которых сливаются в единое целое познание, жизненный опыт и интуиция правоприменителя при установлении фактических обстоятельств дела, искусство толкования признаков конкретного состава преступления, юридические знания, правовая культура, правопонимание.

Правильное понимание и толкование признаков конкретного состава преступления имеют важное значение при проведении разграничения между смежными составами преступлений. Применительно к действующему УК этот вопрос особенно актуален в связи с тем, что в нем достаточно много конкурирующих между собой уголовно-правовых норм, содержащих множество совпадающих для различных составов признаков. Например, факт сокрытия имущества, приобретенного преступным путем, может подпадать и под признаки состава пособничества в совершении соответствующего вида хищения, и под состав легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем (ст. 235 УК), и под состав приобретения либо сбыта материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем (ст. 236 УК), и под состав укрывательства преступления (ст. 405 УК). Проведение разграничения между смежными составами преступлений в таких случаях является одной из важных задач, которую необходимо решить в процессе квалификации преступления.

При квалификации преступлений следует учитывать выведенную в теории классификацию признаков состава преступления по степени их устойчивости на постоянные и переменные[1]. К постоянным относят

[1] См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 108–122.

те признаки состава преступления, которые остаются неизменными в течение всего времени действия уголовно-правовой нормы и не зависят от условий совершения конкретного преступления. Постоянные признаки имеют стабильное значение на всей территории действия уголовного закона. Переменными называют те признаки состава преступления, содержание которых может измениться без корректировки текста уголовно-правовой нормы. К переменным относят бланкетные и оценочные признаки.

Бланкетными являются те признаки, содержание которых раскрывается в нормативном правовом акте не уголовно-правового характера. Бланкетные признаки порождают ряд проблем в квалификации соответствующего преступления. Во-первых, конкретизация уголовно-правового запрета в ином нормативном правовом акте создает формальное противоречие с положениями ст. 1 УК и ведет к расширению круга источников уголовного права. Во-вторых, многочисленность нормативных правовых актов, регламентирующих соответствующие правила поведения, при отсутствии их индивидуальной определенности в рамках бланкетного признака порождает непростую задачу по определению пределов уголовно-правового запрета. В-третьих, как показывает правотворческая практика последнего десятилетия, в эти нормативные правовые акты очень часто вносятся изменения и дополнения. Такого рода нормативные корректировки порождают «плавающие» границы уголовной противоправности.

В целях правильной квалификации преступления установление противоправности деяния в таких случаях должно осуществляться в следующем порядке:

– определить нормативный правовой акт не уголовно-правового характера, к которому отсылает соответствующая статья УК;

– решить вопрос о том, действовал ли этот нормативный правовой акт во время совершения общественно опасного деяния и, если действовал, то в какой редакции;

– установить конкретный пункт, статью или другую структурную часть нормативного правового акта, позволяющую идентифицировать соответствующее нарушение;

– уяснить сущность этого нарушения[1].

При понимании содержания соответствующего нарушения, обусловленного бланкетным признаком, можно столкнуться с коллизиями правовых норм, существующих в других отраслях законодательства.

[1] См.: Марчук В.В. Квалификация преступлений : учеб. пособие. Минск : Акад. МВД, 2013. С. 32.

Преодоление такого рода коллизий должно осуществляться в соответствии с правилами, установленными ст. 23 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах».

К оценочным признакам относят содержащиеся в уголовно-правовой норме признаки, которые не имеют в уголовном законе четкого выражения, определенности. Уяснение содержания оценочного признака во многом зависит от субъективных представлений лица, ведущего уголовный процесс. Это порождает риск ошибки в квалификации преступления[1].

Удельный вес оценочных понятий в объеме нормативного материала УК весьма значителен, особенно если учесть, что некоторые из них употребляются во многих статьях УК. В основном законодатель использует оценочную лексику при характеристике объективных признаков: предмета преступления (например: «важный документ» (ст. 125), «бланк особой важности» (ст. 377), «другие предметы, используемые в качестве оружия для причинения телесных повреждений» (ст. 339), «порнографические материалы или предметы порнографического характера» (ст. 343, 343[1])), потерпевшего (например: «беспомощное состояние» (ст. 139, 147, 154, 166, 167), «иная зависимость» (ст. 63, 64, 145, 163, 170)), преступного деяния или способа совершения преступления (например: «неожиданность посягательства» (ч. 4 ст. 34), «непринятие всех возможных мер» (ст. 137), «жестокое обращение» (ст. 145, 176, 371[1], 443), «неизгладимое обезображение» (ст. 147), «использование занятия проституцией» (ст. 171), «особая жестокость» (ст. 139), «тяжкое оскорбление» (ст. 141, 150), «косвенное нарушение» или «установление косвенных преимуществ» (ст. 190)), обстановки совершения преступления (например: «явное несоответствие характеру и опасности посягательства» (ч. 3 ст. 34, ч. 2 ст. 35), «психотравмирующая ситуация» (ст. 140, 141), «военная необходимость» (ст. 136), «серьезная опасность» (ст. 160)), времени совершения преступления («непосредственно после родов» (ст. 140)), общественно опасных последствий (например: «существенное нарушение прав и законных интересов» (ст. 194), «существенный вред» (ст. 190, 197, 203[1], 204, 349, 350, 352, 355, 424–426, 455),

[1] Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в отраслях права, в которых в правовом регулировании превалирует частное начало, функциональное предназначение оценочных понятий многие авторы определяют в основном не в связи с обозначением противоправного деликта, а в сфере осуществления прав и исполнения обязанностей участниками соответствующего правоотношения. В рамках диспозитивного метода правового регулирования примерное определение оценочными понятиями границ свободы реализации гражданских прав признается допустимым, объективно необходимым и в целом позитивным явлением.

«иной существенный вред» (ст. 334), «тяжкие последствия» (ст. 184, 203[2], 298, 354, 361, 373–375, 377, 392, 393, 395, 397, 408, 424–426, 438–441, 443, 450, 453, 459, 461), «иные тяжкие последствия» (ст. 130, 166, 167, 181–182, 208, 218, 279, 289, 290, 291, 292, 325, 340, 349, 360, 428, 456, 463, 465) и др.).

Реже оценочные понятия используются законодателем при описании субъективных признаков преступления. В основном это касается мотива как обязательного признака конкретного вида преступления (например: «иной социальной вражды или розни» (ст. 130), «иные низменные побуждения» (ст. 180), «иная личная заинтересованность» (ст. 424–427, 455) и др.).

В некоторых нормах УК удельный вес оценочных понятий весьма высок. Например, в ст. 339 «Хулиганство» УК правоприменитель сталкивается с необходимостью интерпретировать целый ряд признаков, определяющих уголовную противоправность: «грубо нарушающие общественный порядок», «выражающие явное неуважение к обществу», «исключительный цинизм», «другие предметы, используемые в качестве оружия для причинения телесных повреждений». Несмотря на ряд законодательных уточнений признаков хулиганства в УК, количество оценочных понятий для одной нормы зашкаливает. Превышение «критической массы» оценочных признаков в составе хулиганства создает предпосылки для применения аналогии уголовного закона. Состав хулиганства и в настоящее время для судебной практики выполняет роль резервной правовой площадки, на которой может разворачиваться расследование и рассмотрение уголовного дела в случае обнаружения правоприменителем очередной неисправности в механизме уголовно-правового регулирования[1].

По своей природе оценочные понятия образуют собой достаточно сложное и противоречивое явление в уголовном праве. Трудности в создании концептов оценочных признаков состава преступления обусловлены целым рядом факторов, к которым прежде всего следует отнести постоянно изменяющиеся жизненные условия, а также личные качества лиц, применяющих норму УК.

Субъективный фактор, неизбежно присутствующий при толковании оценочного признака, порождает возможность ошибок в квалификации преступления. Рассмотрим затронутую проблему на примере вопроса о толковании оценочного признака «иная личная заинтересованность» в судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы.

[1] См.: Марчук В.В. Методологические основы квалификации преступления : монография. С. 327–328.

Неопределенность уголовно-правового содержания этого признака и, соответственно, трудность в его понимании обусловлены тем, что личная заинтересованность прослеживается в поведении субъекта любых умышленных преступлений. В принципе это касается не только девиантного поведения. Любой сознательный и волевой поступок человека всегда имеет личностный характер. Однако в доктрине иную личную заинтересованность трактуют ограничительно, не как любые личные побуждения, а лишь те, которые направлены на извлечение какой-либо выгоды нематериального характера. Именно в этом контексте задает смысловую рамку понимания иной личной заинтересованности высшая судебная инстанция Республики Беларусь: «Иная личная заинтересованность может выражаться в стремлении, обусловленном такими побуждениями личного характера, как карьеризм, протекционизм, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, скрыть свою некомпетентность и т. п.»[1].

Анализ вступивших в законную силу обвинительных приговоров о преступлениях против интересов службы показал следующую картину. В целом судебная практика интерпретирует данный мотив в русле разъяснения, содержащегося в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (статьи 424–428 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» (далее – Постановление от 16 декабря 2004 г. № 12). Так, к иной личной заинтересованности в практике суды относят проявление семейственности, карьеризм, желание избежать нареканий, критики со стороны руководства. Карьеристское направление низменных побуждений в приговорах объяснялось такими формулировками, как «желание быть на хорошем счету у руководства», «желание поддержать хорошие личные отношения с руководством», «желание избежать конфликтов с вышестоящим руководством», «стремление угодить непосредственному руководителю», «стремление установления авторитета и обеспечения соблюдения дисциплины подчиненных ему работников», «желание остаться в занимаемой должности», «стремление получить положительную оценку своей деятельности», «добиться положительных отзывов о себе», «желание создать видимость достижения положительных результатов в своей служебной

[1] О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (статьи 424–428 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 16 дек. 2004 г. № 12. Доступ из справ.-поисков. системы «ЭТАЛОН».

деятельности». К этому же ряду относятся: «желание приукрасить действительное положение дел на предприятии», «желание избежать возможных неблагоприятных последствий по службе», «желание скрыть свою некомпетентность», «скрыть последствия своей неудовлетворительной работы», «стремление создать видимость добросовестного выполнения своих служебных обязанностей».

Следует полагать, что именно карьеристские побуждения лежали в основе злоупотреблений должностных лиц при совершении действий, чаще всего служебных подлогов, создающих видимость выполнения прогнозных показателей производства продукции животноводства, показателей по надою молока, посевной кампании, заготовки кормов, убранного зерна, по реализации мясной продукции, строительству жилья, привесу скота, посеву озимых культур, производству валовой продукции либо успешного выполнения или перевыполнения иных показателей: охраны государственного лесного фонда, плановых показателей по осветлению леса, плановых показателей по реализации готовой продукции, выполнения установленного плана заготовок грибов лисичек, показателей по приплоду молодняка крупного рогатого скота, работы по выявлению и пресечению правонарушений, желания увеличить количество лиц, привлекаемых к административной ответственности, и др.

Весьма распространенным в судебной практике является отнесение к иной личной заинтересованности желания избежать дисциплинарной ответственности, особенно в связи с фактами падежа скота, в том числе молодняка. Обоснованно к иной личной заинтересованности суды относили и оказание дружеской услуги. Достаточно часто эта услуга выражалась в подделке страховых свидетельств гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Вместе с тем в ряде приговоров содержались достаточно странные объяснения названного мотива: указывалось на желание должностных или иных уполномоченных лиц «избежать штрафных санкций в отношении предприятия за выявленное завышение им объемов выполненных работ», «скрыть заведомо незаконную продажу предприятием калийных удобрений», «скрыть факт поставки предприятием некачественной продукции», «скрыть убыточность предприятия». Представляется, что здесь идет речь о так называемых ложно понятых интересах службы. Именно таким образом – ложно понятыми интересами службы – объяснил иную личную заинтересованность в обвинительном приговоре суд Добрушского района Гомельской области при осуждении виновного по ч. 1 ст. 427 УК. Однако ложно понятые интересы службы не могут быть

отнесены к иной личной заинтересованности. В таких случаях соответствующее лицо хотя и поступает вопреки интересам службы, но его мотивация не имеет той антисоциальной и низменной по своему характеру направленности, которая свойственна личной заинтересованности. В подобных случаях виновный не извлекает для себя или своих близких какую-либо выгоду неимущественного характера. По этой причине необоснованным следует признать отнесение к иной личной заинтересованности в практике следующих побуждений: «желания избежать взыскания с предприятия пени за просрочку поставки котельного оборудования», «желания избежать ответственности предприятия за нарушение порядка проведения внешнеторговой операции», с целью получения подчиненным предприятием лицензии «на осуществление деятельности по заготовке древесины», «по проектированию и строительству зданий и сооружений», «на право осуществления деятельности в области автомобильного, внутреннего водного, морского транспорта», «с целью сокрытия фактов выбора поставщиков в нарушение требований законодательства», «желания получить на предприятие кредит для выплаты заработной платы». Вызывает сомнение отнесение к указанному мотиву «желания поддержать сложившиеся отношения с постоянным клиентом предприятия», «желания избежать необходимости составления дополнительных документов и уменьшения документооборота»[1].

Некоторые судебные решения показывают, что иная личная заинтересованность интерпретируется весьма широко. Так, по делу М. старший инспектор ГАИ выдал М. временное разрешение на управление транспортным средством при отсутствии на то законных оснований. На следующий день М. был задержан при управлении транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Сотрудник ГАИ был привлечен к уголовной ответственности за злоупотребление служебными полномочиями, совершенное им из иной личной заинтересованности (ч. 2 ст. 424 УК). В мотивировочной части приговора суд объяснил решение инспектора тем, что он поступил из жалости, реагируя на просьбу М., который был лишен права управления транспортным средством, но должен был как-то материально обеспечивать семью[2]. Конечно, жалость, сострадание являются побуждениями личного свойства, но они

[1] См.: Марчук В.В. Методологические основы квалификации преступления : монография. С. 329–337.

[2] См.: Архив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь : копия приговора суда Пинского района и г. Пинска Брестской области от 12.11.2008 г.

не предполагают извлечения виновным какой-либо выгоды неимущественного характера[1].

Использование законодателем в нормах УК оценочных понятий следует признать вынужденным приемом нормативной техники. Вопрос состоит даже не столько в проблеме формулирования признаков состава преступления, сколько в пресловутом кадровом вопросе. При квалификации преступления оценочные конструкты в нормах УК предполагают решение когнитивной задачи, направленной на установление концепта соответствующего признака конкретного вида преступления. Формирование этого концепта должно осуществляться квалификатором не только на основе всех обстоятельств дела, хотя они, несомненно, в конкретной уголовно-правовой ситуации также имеют значение. Познать смысл оценочного признака состава преступления способно лицо, которое обладает высоким уровнем профессиональных знаний, правовой культуры, правосознания и значительным практическим опытом. При схватывании смысла оценочного конструкта квалификатор должен руководствоваться уравнивающим и распределяющим аспектами социальной справедливости, функциями уголовного права, современными представлениями о правопонимании.

Правовая реальность показывает, что многие лица, уполномоченные применять уголовный закон, не обладают достаточными профессиональными знаниями и соответствующим уровнем правосознания и правопонимания, которые позволили бы выполнять, в частности, задачи по толкованию оценочных признаков в процессе квалификации преступления. В целях снижения интерпретационных рисков, могущих породить ошибку в социально-правовой оценке, определенные ориентиры в понимании оценочных признаков могут и должны быть даны в постановлениях Пленума Верховного Суда по соответствующим категориям уголовных дел. Такой опыт судебных разъяснений уже имеется, но его необходимо расширять на основе перечневого подхода. Даже примерное перечисление определенных обстоятельств, отражающих в видовых понятиях смысл определяемого оценочного признака, в целом будет способствовать формированию когнитивной направляющей в создании смысловых рамок оценочного понятия. Такой перечень должен создаваться не только на основе результатов обобщения практики по конкретным уголовным делам («живых примеров»), но и исходя из прогноза возможных правовых ситуаций[2].

[1] См.: Марчук В.В. Методологические основы квалификации преступления : монография. С. 340.

[2] Там же. С. 344–345.

Практическую значимость для квалификации преступлений имеет деление составов преступлений на определенные виды. Так, важной для квалификации преступлений является известная в уголовном праве классификация составов на родовые и видовые (специальные). Родовым признается состав, содержащий обобщенные признаки преступления. Видовой состав – это состав, который выделен из родового по одному или нескольким специальным признакам. Определение родового или видового состава имеет значение при решении квалификационного вопроса о преодолении конкуренции между общей или специальной нормой.

Однако, как показывает практика квалификации отдельных преступлений, вопрос об определении нормы, содержащей родовой состав, является весьма непростым. Так, состав причинения имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 УК) некоторые авторы рассматривают в качестве родового состава, и в соотношении с ним, например, составы уклонения от уплаты таможенных платежей и уклонения от уплаты налогов, сборов выступают в качестве видовых (специальных) составов преступлений[1]. Однако другие правоведы не видят оснований для такого рода соотношения[2].

Практически значимой для квалификации преступлений является классификация составов на простые (состоящие из минимального количества необходимых признаков) и сложные (образованные за счет включения в них нескольких однотипных признаков). В рамках данной классификации особое значение приобретает уяснение признаков сложных составов преступлений, которые бывают различных разновидностей (продолжаемые, составные, составы преступлений с двумя деяниями и др.).

На результат квалификации преступления во многом оказывает влияние момент юридического окончания соответствующего преступления. Решение этого вопроса зависит от вида состава по его законодательной конструкции.

Если законодательная модель преступления в качестве обязательного признака объективной стороны состава предусматривает общественно опасное последствие (материальный состав), преступление следует признавать юридически оконченным с момента наступления этого

[1] См., например: Лукашов А.И. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации. Минск : Тесей, 2002. С. 77, 126.

[2] См., например: Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. 2-е изд., с изм. и доп. Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. С. 550.

последствия. При формальной законодательной модели преступления (формальный состав) преступление является юридически оконченным с момента совершения общественно опасного деяния, независимо от того, наступило последствие или нет.

Самостоятельным видом состава преступления следует признавать и такую законодательную модель, в которой описанное законодателем деяние образует фактически приготовление к преступлению либо свидетельствует о начале исполнения соответствующего преступления (усеченный состав). При такой конструкции объективной стороны состава преступления момент юридического окончания преступления перенесен законодателем на более раннюю стадию осуществления преступной деятельности. Например, шпионаж в силу конструкции ст. 358 УК будет юридически оконченным с момента собирания сведений, составляющих государственные секреты Республики Беларусь, при наличии цели передачи таких сведений.

Практическую значимость для квалификации преступлений представляет классификация составов по степени опасности. В доктрине уголовного права такие составы делят на основные, квалифицированные и привилегированные. Однако их сущность и разграничение понимаются неоднозначно. К основному составу преступления следует относить тот состав, который содержит совокупность конститутивных юридически значимых признаков, присущих всем преступлениям данного вида. В таком составе отсутствует указание на какой-либо признак, оказывающий существенное влияние на степень общественной опасности преступления. Признаки основного состава выражают суть преступления, его специфические черты, проявляющиеся каждый раз при совершении противоправного деяния соответствующего вида. К квалифицированному составу преступления необходимо относить состав, в котором наряду с признаками основного состава дополнительно указывается признак, существенно повышающий степень опасности преступления. Привилегированный – это тот состав, в котором помимо признаков основного состава дополнительно указывается признак, существенно понижающий степень опасности преступления.

Признаки основного состава сформулированы, как правило, в части первой соответствующей статьи УК, а квалифицированные – в последующих частях этой же статьи. Нормы с привилегированными составами законодатель выделяет редко. Обычно их описание дается в отдельной статье УК. Например, ч. 1 ст. 139 УК содержит основной состав убийства, ч. 2 этой статьи – квалифицированные составы убийства, а в ст. 141 УК

сформулирован привилегированный состав – убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации.

Наличие такого рода составов преступлений требует в процессе квалификации преступления от правоприменителя, во-первых, знания норм УК, которые имеют отношение к рассматриваемой классификационной группе, и, во-вторых, особого внимания к наличию либо отсутствию соответствующих дополнительных признаков, лежащих в основе выделения квалифицированного или привилегированного состава. Владение данными вопросами предопределяет решение проблемы выбора нормы, подлежащей применению в процессе квалификации преступлений.

1.5. Этапы квалификации преступлений

В теории квалификации преступлений называют различное количество этапов квалификации. Одни авторы выделяют три этапа, другие – четыре, третьи – шесть этапов квалификации. Соответственно, отличаются и названия этих этапов. Столь разное количество выделяемых этапов процесса квалификации преступлений обусловлено различным подходом авторов к определению места квалификации преступлений в процессе правоприменения и разными критериями, положенными в основу соответствующей классификации этапов процесса квалификации преступлений.

С точки зрения мыслительно-логической деятельности лица, ведущего уголовный процесс, квалификация преступлений предполагает наличие следующих этапов:

1. Установление фактических обстоятельств дела.
2. Установление уголовно-правовой нормы, подлежащей применению.
3. Сопоставление признаков реально совершенного деяния с признаками конкретного состава преступления, описанного в уголовно-правовой норме.
4. Юридический вывод о соответствии или несоответствии признаков совершенного деяния признакам, указанным в уголовно-правовой норме.

Установление обстоятельств дела образует собой фактическую основу квалификации преступлений. При их установлении следует учитывать два важных момента:

– в ходе собирания и фиксации доказательств должна быть обеспечена их полнота;

– доказательства должны быть оценены с точки зрения относимости.

Уголовно-процессуальное законодательство определяет круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. В контексте реализации задачи по квалификации преступления, с учетом положений, закрепленных ст. 89 УПК, к фактическим обстоятельствам, подлежащим установлению по уголовному делу, следует относить:

– время, место, способ совершения общественно опасного деяния, характер и размер причиненного преступлением вреда, другие обстоятельства совершения общественно опасного деяния;

– обстоятельства, свидетельствующие о виновности обвиняемого в совершении преступления;

– возраст обвиняемого (число, месяц, год рождения);

– обстоятельства, имеющие значение квалифицирующих или привилегированных признаков;

– наличие соучастников преступления.

Ч. 2 ст. 105 УПК определяет, что относящимися к уголовному делу признаются доказательства, посредством которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для данного дела. Не являются относящимися к делу доказательства, которые не способны устанавливать или опровергать подлежащие доказыванию обстоятельства.

При определении фактических обстоятельств дела может возникнуть вопрос о том, нет ли оснований признавать содеянное малозначительным деянием. Малозначительным признается такое деяние, которое соответствует двум условиям:

– деянием причинен несущественный вред;

– по своему содержанию и направленности это деяние не могло причинить существенного вреда.

Такое деяние в случаях, предусмотренных законом, может влечь за собой применение мер административного или дисциплинарного взыскания.

Установление уголовно-правовой нормы, подлежащей применению в процессе квалификации преступления, должно осуществляться на основе принципов действия уголовного закона в пространстве, положений о действии уголовного закона во времени, уяснения смысла уголовно-правовой нормы, выбора нормы при конкуренции уголовно-правовых норм, отграничения избираемой нормы от норм, предусматривающих смежные составы преступлений.

Прежде чем приступать к процедуре сопоставления (сличения) признаков совершенного в действительности деяния с признаками конкретного состава преступления, указанными в уголовно-правовой норме, должностное лицо органа, ведущего уголовный процесс, должно выяснить, нет ли оснований, исключающих уголовное преследование. К таким основаниям действующий УК относит:

– признание деяния малозначительным (ч. 4 ст. 11 УК);

– установление факта добровольного отказа от преступления (ст. 15 УК);

– наличие обстоятельства, исключающего преступность деяния (ст. 34–36, 38–40 УК).

Установление хотя бы одного из названных обстоятельств прекращает процесс квалификации преступления. Если такого рода основания устанавливаются по уже возбужденному уголовному делу, оно подлежит прекращению. Например, установление в процессе расследования критериев малозначительного деяния должно повлечь прекращение дела за отсутствием общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК).

В следственной и судебной практике и науке уголовного права сложилось мнение о том, что установление указанного выше соответствия следует проводить по элементам состава преступления. Однако относительно последовательности сопоставления признаков совершенного деяния с элементами состава преступления единообразного подхода нет. Предлагаются разные схемы, определяющие порядок такого рода сопоставления: «объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона», «объект, субъект, объективная сторона, субъективная сторона». Есть мнение, что в силу возможности использования эвристических приемов квалификации данный процесс сопоставления не подчиняется жестко регламентированным правилам.

Последовательность сопоставления во многом носит условный характер. Дело в том, что все объективные и субъективные признаки соответствующего вида преступления настолько взаимосвязаны друг с другом, что чаще всего один из элементов определяется опосредованно через другой элемент. Например, для определения объекта посягательства не всегда достаточно установить признаки объективной стороны. Во многом объект уголовно-правовой охраны определяется направленностью умысла лица. Логика квалификации преступления подсказывает, что процесс сопоставления соответствующих признаков следует начинать с объективной стороны преступления. Далее алгоритм сопоставления может быть различным.

Юридическое закрепление результата квалификации представляет собой фиксацию в соответствующем уголовно-процессуальном документе вывода о том, что фактические признаки совершенного деяния соответствуют признакам конкретного состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой. Этот вывод выражается в указании в процессуальном акте соответствующей статьи (статей) УК.

Вместе с тем результат квалификации преступлений не образует собой некий одномоментный и незыблемый по своей сути акт. Результат квалификации преступления в период досудебного и судебного производства по уголовному делу может меняться. В этом смысле некоторые исследователи не без оснований связывают процесс квалификации преступлений со стадиями уголовного процесса.

Изменение квалификации преступления может быть вызвано следующими возможными причинами:

– изменение сведений о фактах либо установление ранее неизвестных фактических обстоятельств в процессе расследования уголовного дела или рассмотрения его в суде;

– вступление в силу более мягкого уголовного закона;

– выявление ошибки в квалификации, что порождает необходимость ее исправления.

Особая специфика существует при изменении сведений о фактах либо установлении ранее неизвестных фактических обстоятельств. Эта специфика обусловлена самим ходом расследования и задачами, свойственными каждой стадии уголовного процесса.

Результат квалификации должен быть закреплен уже на стадии возбуждения уголовного дела. Согласно ст. 175 УПК в постановлении о возбуждении уголовного дела, в частности, должна быть указана статья уголовного закона, по признакам которой возбуждается уголовное дело (за исключением возбуждения уголовного дела по факту исчезновения лица). Поскольку орган предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела, как правило, располагает небольшим количеством фактов, на этой стадии квалификация преступления носит предварительный, ориентировочный характер. Сама гипотетичность результата квалификации на стадии возбуждения уголовного дела содержит в себе возможность изменения квалификации преступления в ходе дальнейшего расследования.

На стадии предварительного расследования в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого обязательно описывается преступление, в совершении которого обвиняется соответствующее лицо, и указывается пункт, часть, статья уголовного закона, предусматривающие ответственность за такое преступление (ст. 241 УПК). На данной стадии квалификация преступления приобретает уже более устойчивый характер в силу собранных к этому моменту доказательств. Однако эта квалификация еще не является окончательной и может быть изменена. На стадии предварительного расследования при наличии соответствующих оснований квалификация преступления может быть изменена, обвинение может быть скорректировано либо в сторону ухудшения, либо в сторону улучшения положения обвиняемого. В указанном случае согласно ст. 245 УПК следователь обязан с соблюдением требований ст. 240 и 241 УПК вынести новое постановление о привлечении в качестве обвиняемого.

Формула квалификации преступления, закрепленная постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, должна найти свое подтверждение в постановлении о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд (ст. 260 УПК). Однако прокурор, выявив неправильную квалификацию преступления в ходе проверки материалов уголовного дела, своими решениями может вызвать изменение квалификации. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 264 УПК прокурор или его заместитель вправе исключить своим постановлением отдельные пункты обвинения, изменить квалификацию деяний обвиняемого с применением закона о менее тяжком преступлении, прекратить преследование в отношении отдельных обвиняемых. Однако в том случае, если по мнению прокурора или его заместителя необходима переквалификация содеянного на статью уголовного закона о более тяжком преступлении, он возвращает уголовное дело следователю для производства дополнительного предварительного расследования, а также для предъявления нового обвинения (п. 3 ч. 1 ст. 264 УПК).

Изменение квалификации преступления возможно и в процессе судебного разбирательства. В соответствии с ч. 5 ст. 301 УПК суд вправе изменить квалификацию преступления независимо от позиции государственного обвинителя, если это не ухудшает положения обвиняемого и не нарушает его права на защиту. Однако на основе принципа состязательности в суде возможно изменение квалификации, сопряженной с обвинением в более тяжком преступлении. Такая ситуация возможна лишь по ходатайству государственного обвинителя в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 301 УПК.

1.6. Методические требования для определения уголовно-правовой нормы в процессе квалификации преступления. Правила квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм

Установление уголовно-правовой нормы, подлежащей применению в процессе квалификации преступления, должно осуществляться на основе:

– принципов действия уголовного закона в пространстве;

– положений о действии уголовного закона во времени;

– уяснения смысла уголовно-правовой нормы;

– выбора нормы при конкуренции уголовно-правовых норм;

– отграничения избираемой нормы от норм, предусматривающих смежные составы преступлений.

В соответствии с общим положением, закрепленным ч. 1 ст. 5 УК, преступление, совершенное любым лицом на территории Республики Беларусь, квалифицируется по статье (статьям) УК. Однако в отношении иностранных граждан и апатридов, постоянно не проживающих на территории Республики Беларусь, действующее законодательство предусматривает ограничения в уголовной юрисдикции Республики Беларусь. Согласно ч. 4 ст. 5 УК вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые согласно действующим законам и международным договорам Республики Беларусь неподсудны по уголовным делам судам Республики Беларусь, в случае совершения этими лицами преступлений на территории Республики Беларусь разрешается дипломатическим путем на основе международных договоров и норм международного права. В соответствии со ст. 5 Соглашения между Республикой Беларусь и Российской Федерацией по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических сил на территории Республики Беларусь, заключенного 6 января 1995 г., к уголовной юрисдикции Российской Федерации относятся дела о преступлениях, совершенных лицами, входящими в состав воинских формирований Российской Федерации, и членами их семей в месте дислокации этих формирований (за исключением случаев совершения общеуголовных преступлений против граждан Республики Беларусь), а также дела о преступлениях, совершенных на территории Республики Беларусь как в месте дислокации, так и за его пределами: по делам о преступлениях против Российской Федерации или лиц, входящих в состав воинских формирований Российской Федерации, и членов их семей, либо по делам о воинских преступлениях[1].

Особенности квалификации имеют место в случае совершения преступления на борту водного или воздушного судна, находящихся вне пределов Республики Беларусь. Общий подход в квалификации преступления с учетом существующего в международном праве разграничения правового режима военных и гражданских судов сформулирован в ч. 3 ст. 5 УК.

Общее правило о «двойной криминальности (преступности)», закрепленное ч. 1 ст. 6 УК, позволяет сделать вывод о том, что юридическими основаниями квалификации преступления в этом случае являются две уголовно-правовые нормы: норма УК и норма уголовного закона зарубежного государства, на территории которого было совершено преступление гражданином Республики Беларусь. Это обстоятельство предопределяет и специфику формулы квалификации преступления, совершенного гражданином за пределами Республики Беларусь. Результат уголовно-правовой оценки преступления в этом случае должен быть закреплен соответствующими процессуальными документами с указанием на норму как национального уголовного закона, так и норму уголовного закона государства, на территории которого было совершено преступление. Например, если гражданин Республики Беларусь совершил на территории Литовской Республики убийство из корыстных побуждений и привлекается к ответственности на территории Республики Беларусь, квалификация преступления может выглядеть следующим образом: п. 12 ч. 2 ст. 139 УК (п. 9 ч. 2 ст. 129 Уголовного кодекса Литовской Республики).

В соответствии со ст. 9 УК установление подлежащей применению нормы определяется по общему правилу той нормой, которая действовала во время совершения общественно опасного деяния (действия или бездействия).

Длящееся преступление должно квалифицироваться по уголовному закону, во время действия которого было исполнено общественно опас-

[1] См.: Соглашение между Республикой Беларусь и Российской Федерацией по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических сил на территории Республики Беларусь [Электронный ресурс] : [заключено в г. Минске 6 янв. 1995 г.]. Доступ из справ.-поисков. системы «ЭТАЛОН».

ное деяние (юридическое окончание) независимо от времени фактического прекращения преступного состояния.

Интенсивность изменений в УК вызвала в следственной и судебной практике определенные трудности в квалификации преступлений на основании законодательных положений об обратной силе уголовного закона. Современные теоретические исследования, проведенные в сфере действия уголовного закона во времени, сформулировали методику определения уголовно-правовой нормы, имеющей обратную силу[1]. Суть этой методики выражается в поэтапном сопоставлении сравниваемых уголовно-правовых норм. Для нужд правильной квалификации преступления в рамках разработанной методики в следственной и судебной практике целесообразно использовать следующий порядок определения уголовно-правовой нормы, имеющей обратную силу:

1. Устанавливается уголовно-правовая норма, действовавшая в момент совершения общественно опасного деяния.

2. Определяется норма (нормы), подлежащая сопоставлению с нормой, действовавшей в момент совершения преступления.

3. Сравниваются диспозиции сопоставляемых уголовно-правовых норм на предмет определения пределов (объема) криминализации.

4. В случаях если не происходит декриминализация деяния, определяется категория преступлений, ответственность за которые предусмотрена сопоставляемыми нормами.

5. Сравниваются санкции сопоставляемых норм.

При выборе нормативного предписания из сопоставляемых норм необходимо руководствоваться следующими правилами:

1. Если структура новой уголовно-правовой нормы полностью совпадает со структурой старой уголовно-правовой нормы, для целей квалификации преступления следует руководствоваться нормой, которая действовала во время совершения общественно опасного действия (бездействия).

2. Если норма нового уголовного закона устраняет преступность деяния, к деянию, совершенному до вступления этого закона в силу, не применяется ни норма, действовавшая во время его совершения, ни норма нового уголовного закона. Ч. 2 ст. 9 УК гласит: «Со дня вступления в силу закона, устраняющего преступность деяния, соответствующее деяние, совершенное до его вступления в силу, не считается преступным».

[1] См., например: Врублевская Н.Г. Обратная сила норм уголовного закона: теоретические и прикладные проблемы : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / БГУ. Минск, 2005. 21 с.

3. Если норма нового уголовного закона смягчает наказание или иным образом улучшает положение лица, совершившего преступление, она имеет обратную силу и распространяет свое действие на деяние, совершенное до вступления в силу нового уголовного закона.

4. Если норма нового уголовного закона сужает сферу преступного поведения, избранию для целей квалификации подлежит та норма, которая содержит более мягкую санкцию (за исключением той части запрета, применительно к которой произошла декриминализация).

5. Если в норме нового уголовного закона объем криминализации стал шире, вопрос о выборе уголовно-правовой нормы зависит от результата сравнения санкций, сопоставляемых норм. В случае когда санкция нормы нового уголовного закона является более строгой или неизменной, применению подлежит норма старого уголовного закона. Если в такой ситуации санкция нормы нового закона является более мягкой, деяния, которые предусматривались нормой старого закона и сохранены без изменений в норме нового закона, подпадают под действие нормы нового закона. Однако применительно к деяниям, которые названы впервые в норме нового закона, эта норма обратной силы не имеет.

6. Если в норме нового уголовного закона произошло сужение сферы преступного поведения и одновременно расширение сферы криминализации за счет добавления или исключения определенных признаков, выбор подлежащей применению нормы зависит от решения по результату сопоставления санкций[1]. В таком случае норма нового уголовного закона имеет обратную силу, если санкция нормы нового уголовного закона более мягкая, за исключением положений, которые расширяют сферу криминализации по сравнению с нормой старого закона.

7. Если норма нового уголовного закона, не изменяя пределы криминализации деяния, усиливает за него наказание, в целях квалификации преступления следует руководствоваться нормой, действовавшей во время совершения действия (бездействия).

8. Если норма промежуточного уголовного закона (законов) является более мягкой, чем норма, действовавшая во время совершения преступления, для целей квалификации избирается наиболее мягкая норма промежуточного закона (законов).

При сравнении санкций сопоставляемых норм можно столкнуться с достаточно сложными конструкциями. В следственной и судебной прак-

[1] См.: Марчук В.В. Квалификация преступлений при изменении диспозиции уголовно-правовой нормы // Суд. весн. 2002. № 1. С. 35–37.

тике возник вопрос об определении подлежащей применению нормы в случае, когда в новой уголовно-правовой норме одновременно произошло усиление санкции в одном из пределов и снижение в другом пределе. Например, в новой уголовно-правовой норме произошло ужесточение наказания в верхнем пределе санкции и снижение наказания в минимальном пределе санкции. В доктрине уголовного права этот вопрос является дискуссионным. Однако с позиции современной правовой концепции, отраженной в УК, в следственной и судебной практике используется следующий подход: более мягкой в такой ситуации признается уголовно-правовая норма, которая предусматривает менее строгий верхний предел санкции[1].

В целом вывод о применении уголовно-правовой нормы при наличии темпоральной конкуренции должен строиться на основании следующего общего правила: избирается та уголовно-правовая норма, которая содержит наиболее благоприятные для виновного лица положения уголовного закона.

Уяснение смысла уголовно-правовой нормы в процессе официальной квалификации происходит путем казуального толкования содержания нормы относительно признаков уголовной противоправности соответствующего вида общественно опасного деяния. Толкование уголовно-правовой нормы осуществляется с использованием общеизвестных в юриспруденции приемов толкования (логического, системного и др.).

Для уяснения признаков состава преступления важную роль играет судебное толкование, содержащееся в постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. Дискуссионным является вопрос о юридической природе данных постановлений. Следует ли их относить к источникам уголовного права? Во всяком случае ст. 3 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» относит нормативные правовые акты Верховного Суда Республики Беларусь к законодательству[2].

Правила квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм. Конкуренция уголовно-правовых норм – это ситуация, когда в процессе квалификации преступления обнаруживается, что на применение к совершенному общественно опасному деянию претендует несколько уголовно-правовых норм.

[1] См.: Суд. весн. 2001. № 1. С. 20.

[2] См.: О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З. Доступ из справ.-поисков. системы «ЭТАЛОН».

В доктрине уголовного права нет единства в определении видов конкуренции норм[1]. Есть основания выделить следующие разновидности конкуренции:

– конкуренция между общей и специальной нормами;

– конкуренция между специальными нормами;

– конкуренция норм, предусматривающих разный объем уголовной противоправности деяния.

Общей является норма, в которой содержится обобщенная характеристика признаков преступления определенного вида (например, убийство (ч. 1 ст. 139 УК)). Специальная норма – это норма, которая выделена из общей нормы по одному или нескольким признакам (например, убийство матерью новорожденного (ст. 140 УК)). Одна и та же уголовно-правовая норма может выполнять одновременно функцию как общей, так и специальной нормы.

Возникновение конкуренции норм всегда предполагает решение вопроса о том, какая из конкурирующих норм должна иметь преимущество.

Правило преодоления конкуренции общей и специальной норм закреплено ч. 2 ст. 42 УК: «Если преступление предусмотрено различными статьями Особенной части настоящего Кодекса, из которых одна норма является общей, а другая специальной, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме».

В практике встречались случаи, когда содеянное квалифицировалось по идеальной совокупности преступлений, ответственность за которые предусмотрена соответственно общей и специальной нормами. Так, при уголовно-правовой оценке факта получения взятки (ст. 430 УК) в практике иногда дополнительно вменяли ст. 424 УК (злоупотребление служебными полномочиями). Норму, содержащуюся в ст. 424 УК, принято рассматривать в качестве общей нормы относительно норм, предусматривающих ответственность за преступления против интересов службы, совершенные должностными лицами. В связи с этим идеальная совокупность преступлений в таких случаях исключается.

[1] См., например: Тишкевич С.И. Единая теория уголовного нормотворчества и квалификации преступлений : Основные концептуальные положения. Теоретическая модель Уголовного кодекса суверенной Республики Беларусь. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 1992. С. 68–83 ; Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 210–235 ; Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М. : МГУ, 1984. С. 176–179 ; Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений : учеб. пособие. М. : Инфра-М, 2002. С. 26–27.

Конкуренция специальных норм может быть выражена следующим образом:

– конкуренция специальных норм, предусматривающих квалифицирующие обстоятельства различной степени тяжести;

– конкуренция специальных норм, предусматривающих ответственность за преступления со смягчающими (привилегированными) обстоятельствами;

– конкуренция между специальными нормами, содержащими соответственно квалифицирующий и привилегированный признаки.

Первый вариант предполагает ситуацию, когда при совершении одного деяния имеется несколько квалифицирующих признаков, предусмотренных различными частями одной и той же статьи Особенной части УК (например, совершена кража в крупном размере, сопряженная с проникновением в жилище). В данном случае действует следующее правило квалификации: применению подлежит та часть статьи Особенной части УК, которая предусматривает ответственность за более тяжкое из имеющихся квалифицирующих обстоятельств.

Правило квалификации при конкуренции норм со смягчающими (привилегированными) обстоятельствами: применению подлежит норма, предусматривающая наиболее смягчающий признак. Норма с наиболее смягчающим признаком в практике определяется на основе сопоставления санкций конкурируемых норм.

Правило квалификации при конкуренции норм, содержащих соответственно квалифицирующий и привилегированный признаки: применению подлежит норма, предусматривающая привилегированный признак преступления.

Общие и специальные нормы следует отличать от норм, предусматривающих ответственность за смежные преступления. Нормы, устанавливающие ответственность за смежные преступления, – это нормы, в которых имеются признаки, тождественные для нескольких преступлений, и признаки (признак), свойственные только одному преступлению (мошенничество (ст. 209 УК) и выманивание кредита или дотаций (ст. 237 УК), коммерческий подкуп (ст. 252 УК) и принятие незаконного вознаграждения (ст. 433 УК) и др.).

Несовпадающий, а следовательно, ограничительный признак может быть установлен только в процессе тщательного анализа всех объективных и субъективных признаков сопоставляемых видов смежных преступлений, предусмотренных соответствующими уголовно-правовыми нормами.

Несовместимость несовпадающих признаков составов смежных преступлений означает, что в процессе уголовно-правовой оценки совершенного деяния следует руководствоваться только одной уголовно-правовой нормой.

В теории квалификации на уровне конкуренции норм многие авторы выделяют конкуренцию части и целого, под которой понимают ситуацию, когда имеется несколько норм, одна из которых охватывает совершенное посягательство в целом, а другая – лишь его отдельную часть. Если руководствоваться положениями логики, рассматриваемый вид конкуренции лежит в плоскости определения «объема понятия». Вследствие этого правильнее было бы называть этот вид конкуренцией уголовно-правовых норм, предусматривающих разный объем уголовной противоправности деяния. Для таких ситуаций выработано следующее правило квалификации: если деяние подпадает под несколько норм, одна из которых охватывает деяние в целом, а другая (другие) норма – лишь отдельную его часть, содеянное квалифицируется по норме, охватывающей деяние в целом.

1.7. Правила квалификации по элементам состава преступления

В теории квалификации преступлений процесс уголовно-правовой оценки совершенного преступления обычно рассматривают по четырем направлениям, отражающим ход установления соответствия признаков совершенного преступления соответствующим элементам состава преступления.

Предлагаемые правила излагаются с учетом указанной в параграфе 1.5 этапизации квалификации преступлений.

Основные требования при установлении соответствия между реальным актом человеческого поведения (внешним проявлением общественно опасного деяния) и объективной стороной состава преступления, предусмотренной соответствующей уголовно-правовой нормой. С учетом законодательной конструкции объективной стороны состава преступления при ее установлении необходимо руководствоваться следующими основными требованиями:

1. Если законодательная конструкция объективной стороны преступления предусматривает альтернативные варианты преступного поведения (несколько альтернативных деяний, несколько альтернативных способов совершения преступления либо несколько альтернативных общественно опасных последствий), для констатации соответствующих

признаков объективной стороны преступления достаточно установить, что в реальности имел место хотя бы один вариант преступного поведения, предусмотренный уголовным законом.

2. Если в уголовно-правовой норме деяние характеризуется бездействием, соответствие фактическим обстоятельствам будет иметь место в том случае, если не была исполнена либо ненадлежащим образом исполнена возложенная на соответствующее лицо обязанность при наличии возможности поступать надлежащим образом.

3. Если законодательная конструкция объективной стороны преступления не обусловлена обязательным наступлением последствия, для констатации признаков объективной стороны достаточно установить, что в объективной действительности было в полном объеме совершено деяние.

4. Если законодательная конструкция объективной стороны преступления обусловлена возможностью наступления последствия, для констатации признаков объективной стороны следует установить, что совершенное в объективной действительности деяние реально создало угрозу причинения указанного в законе последствия.

5. Если законодательная конструкция объективной стороны умышленного преступления обусловлена обязательным наступлением последствия, отсутствие в реальной действительности такого последствия исключает квалификацию содеянного как оконченного преступления.

6. Если законодательная конструкция объективной стороны неосторожного преступления обусловлена обязательным наступлением последствия, отсутствие в реальной действительности такого последствия исключает квалификацию содеянного в качестве преступления.

7. Если законодательная конструкция объективной стороны преступления содержит в качестве обязательного признака последствия, с которыми закон связывает повышенную уголовную ответственность (квалифицирующее последствие), ненаступление такого последствия (при отсутствии умысла виновного на его наступление) исключает в уголовно-правовой оценке наличие признаков квалифицированного преступления.

8. Если законодательная конструкция объективной стороны преступления связывает наличие последствия с определенным размером причиненного материального вреда, констатировать объективную сторону можно только при установлении причинения деянием материального вреда в соответствующем размере.

9. Если законодательная конструкция объективной стороны преступления обусловлена обязательным наступлением последствия, о наличии причинной связи между деянием и последствием можно говорить при соблюдении следующих требований:

– по времени деяние предшествует последствию;

– деяние является причиной или необходимым условием наступления последствия;

– в данной обстановке деяние закономерно, с внутренней необходимостью, без вмешательства посторонних факторов вызвало наступление последствия.

10. Если в уголовно-правовой норме в качестве обязательных признаков указаны способ, место, время или обстановка совершения преступления, констатировать объективную сторону преступления можно только при наличии соответствующих признаков в момент совершения общественно опасного деяния.

Правила установления соответствия между общественными отношениями, на которые совершено посягательство, и объектом преступления. Первоначально следует установить те общественные отношения, которым реально был причинен вред либо создавалась угроза причинения вреда, а затем определить, находятся ли названные общественные отношения под охраной уголовного закона и какая именно норма УК охраняет данные отношения. При установлении указанного соответствия уголовно-правовое значение могут иметь характеристики предмета преступления или личности потерпевшего. Эти характеристики могут выполнять функцию квалификационного ориентира при определении соответствующего объекта преступления.

Отсутствие объекта преступления свидетельствует об отсутствии общественной опасности преступления, что исключает признание деяния преступным. Исключается также квалификация деяния в качестве преступления в случае:

– причинения лицом вреда собственным интересам (своему здоровью, собственности и т. д.), если при этом не затрагиваются охраняемые уголовным законом отношения;

– добровольного согласия праводееспособного лица на причинение ему вреда, если при этом не затрагиваются права и интересы третьих лиц;

– отсутствия выраженного в установленном порядке требования лица, пострадавшего от преступления, или его законного представителя, или представителя юридического лица о привлечении виновного к уголовной ответственности относительно деяний, указанных в ч. 1 ст. 33 УК и ч. 6 примечаний к гл. 24 УК.

Основные правила установления объекта преступления сводятся к следующему:

1. Если в уголовно-правовой норме основной состав преступления обусловлен специальными признаками, характеризующими потерпевшего (например, лицо, выполняющее обязанности по охране общественного порядка), непосредственный объект преступления определяется в плоскости тех отношений, участником которых является потерпевший.

2. Если уголовно-правовая норма связывает ответственность с характеристиками предмета преступления, ограниченного или запрещенного в гражданском обороте (боеприпасы, наркотические средства и т. д.), приоритет при установлении основного объекта преступления определяется теми интересами, которые существуют в сфере контроля за обращением соответствующих предметов.

3. Если ответственность за преступление обусловлена предусмотренной уголовно-правовой нормой минимальной стоимостной характеристикой предмета преступления (например, ущерб в значительном размере), причинение вреда непосредственному объекту преступления можно констатировать при установлении или превышении минимального предела количественной характеристики предмета преступления, предусмотренного законом.

4. Если уголовно-правовая норма предполагает охрану дополнительного обязательного объекта, эта норма подлежит применению при наличии причинения вреда как основному, так и дополнительному объекту преступления.

5. Если уголовно-правовая норма предполагает наличие основного и альтернативных дополнительных объектов, последние из которых носят обязательный характер, эта норма подлежит применению при причинении вреда хотя бы одному из дополнительных объектов.

6. Если уголовно-правовая норма охраняет несколько объектов, один из которых является дополнительным факультативным, эта норма подлежит применению при установлении соответствия нарушенных отношений основному объекту преступления независимо от причинения вреда дополнительному объекту.

7. Если уголовно-правовая норма связывает повышенную уголовную ответственность со свойствами личности потерпевшего (малолетний возраст, беременность и т. д.) или количественными признаками предмета преступления (например, незаконное действие в отношении психотропного вещества в крупном размере), установление отсутствия указанных свойств потерпевшего или предмета преступления исключает в уголовно-правовой оценке содеянного наличие признаков квалифицированного преступления.

Основные правила установления признаков субъекта преступления. В уголовном праве Республики Беларусь субъектом преступления признается вменяемое (в том числе уменьшенно вменяемое) физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние. В некоторых случаях для констатации признаков субъекта преступления уголовный закон предусматривает дополнительные (специальные) признаки.

Квалификация деяния в качестве преступления исключается в том случае, если лицо во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости. Признание лица невменяемым предполагает отсутствие состава преступления, но не исключает наличия самого общественно опасного деяния.

При установлении возрастных признаков субъекта преступления важное квалификационное значение имеет определение точного возраста лица, совершившего общественно опасное деяние[1]. Совершение общественно опасного деяния лицом, не достигшим 14-летнего возраста, ни при каких условиях не может быть квалифицировано в качестве преступления. Однако при совершении общественно опасного деяния в возрасте от 14 до 16 лет возможны два варианта:

– если несовершеннолетнее лицо в возрасте от 14 до 16 лет совершило общественно опасное деяние, ответственность за которое наступает с 16 лет, но в его деянии имеются признаки другого преступления, указанного в ч. 2 ст. 27 УК, деяние этого лица квалифицируется по статье о преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 27 УК;

– если несовершеннолетнее лицо в возрасте от 14 до 16 лет совершило общественно опасное деяние, ответственность за которое наступает с 16 лет, и в его деянии не содержится признаков преступления, указанного в ч. 2 ст. 27 УК, деяние этого лица не может быть квалифицировано в качестве преступления.

Исключается квалификация содеянного в качестве преступления в том случае, если несовершеннолетнее лицо, достигшее предусмотренного ч. 1 и 2 ст. 27 УК возраста, вследствие отставания в умственном развитии, не связанного с болезненным психическим расстройством,

[1] См.: О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3. Доступ из справ.-поисков. системы «ЭТАЛОН».

во время совершения общественно опасного деяния было не способно сознавать фактический характер или общественную опасность своего деяния (ч. 3 ст. 27 УК).

По уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних с участием взрослых в судебной практике выработаны следующие правила квалификации:

1. Если взрослый вовлек несовершеннолетнего, достигшего возраста, установленного ст. 27 УК, в совершение конкретного преступления, но сам участия в нем не принимал, действия несовершеннолетнего квалифицируются по статье, предусматривающей ответственность за преступление, которое он совершил, а действия взрослого – по этой же статье, а также ст. 16 и соответствующей части ст. 172 УК.

2. Если взрослый вовлек несовершеннолетнего, не достигшего возраста, установленного ст. 27 УК, в совершение конкретного преступления, но сам участия в нем не принимал, в силу ч. 3 ст. 16 УК он несет ответственность за содеянное как исполнитель преступления, а его действия квалифицируются по статье, предусматривающей ответственность за преступление, совершенное несовершеннолетним, и соответствующей части ст. 172 УК[1].

При квалификации преступления, требующего установления признаков специального субъекта преступления, следует исходить из выработанного доктриной уголовного права правила квалификации, в соответствии с которым исполнителем преступления со специальным субъектом может быть только то лицо, которое обладает специальными признаками.

Определенная специфика правил квалификации предусмотрена ч. 1 примечаний к гл. 35 УК относительно уголовно-правовой оценки преступлений, совершенных должностными лицами:

– если должностное лицо использовало свои властные или служебные полномочия для совершения преступления, не названного в гл. 35 УК, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений. Совершение такого преступления признается существенным вредом, предусмотренным статьями гл. 35 УК;

– если совершение должностным лицом преступления предусмотрено в качестве признака иного преступления, правило о совокупности преступлений не применяется.

[1] См.: О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3. Доступ из справ.-поисков. системы «ЭТАЛОН».

Основные правила установления соответствия между фактическим содержанием психического отношения лица к совершенному преступлению и субъективной стороной состава преступления, предусмотренной соответствующей уголовно-правовой нормой. Установление психического отношения лица к совершенному общественно опасному действию (бездействию), общественно опасным последствиям и иным, имеющим квалифицирующее или привилегированное значение обстоятельствам, осуществляется опосредованно, через изучение и анализ фактических обстоятельств дела.

Основополагающим моментом при выяснении признаков субъективной стороны преступления является установление вины. С учетом законодательных определений форм и видов вины (ст. 22–24 УК) при установлении содержания вины необходимо учитывать, в частности, следующее:

1. Лицу могут быть вменены только те совершенные им общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, предусмотренные УК, в отношении которых установлена его вина, т. е. умысел или неосторожность (ч. 5 ст. 3 УК).

2. Осознание лицом уголовной противоправности своего поведения не является предметом доказывания умышленной вины.

3. Понимание лицом фактической стороны своего поведения при отсутствии осознания его общественной опасности исключает умышленную вину.

4. Осознание общественной опасности своего деяния при абстрактном предвидении общественно опасных последствий исключает умышленную вину.

5. При отсутствии в уголовно-правовой норме прямого указания на умышленную форму вины о ее наличии могут свидетельствовать:

– усеченная модель законодательного описания признаков объективной стороны преступления;

– указание в норме на специальную цель или мотив преступления;

– указание на заведомость или злостность общественно опасного деяния;

– указание на характер деяния путем его описания через термины «уклонение», «воспрепятствование», «принуждение», «насилие», «угроза», «сокрытие», «самовольное осуществление» (присвоение, оставление), «сопротивление» и др.

6. Отсутствие фактов, доказывающих интеллектуальную и волевую составляющие легкомыслия или небрежности, сформулированных в

ст. 22 и 23 УК, не исключает признания преступления совершенным по неосторожности[1].

Определение и порядок установления соответствующей формы и вида вины во многом обусловлены законодательной конструкцией объективной стороны преступления, при этом нужно учитывать следующее:

1. Психическое содержание вины в преступлениях, не связанных с наступлением последствий, определяется по отношению к общественно опасному деянию.

2. Психическое содержание вины в преступлениях, основной состав которых связан с наступлением общественно опасного последствия, определяется по отношению к последствию.

3. Вина в преступлениях, связанных с реальной возможностью наступления последствий (составы поставления в опасность), может быть выражена в виде косвенного умысла или неосторожности. Форму вины в таком случае следует определять с учетом конкретных обстоятельств дела в зависимости от психического отношения лица к возможным последствиям.

4. Преступление со сложной виной в целом признается совершенным умышленно (ст. 25 УК).

5. Преступление, характеризующееся в рамках основного состава сознательным совершением деяния и неосторожностью по отношению к последствиям (например, ч. 1 ст. 355 УК), в целом признается совершенным по неосторожности.

6. Преступление, обусловленное признаками административной преюдиции, характеризуется умышленной формой вины.

Положения некоторых уголовно-правовых норм не дают оснований для однозначного вывода о соответствующей форме вины. В таких ситуациях форма вины определяется путем толкования признаков соответствующего вида преступления в системе норм УК. В случае если соответствующее преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности, при уголовно-правовой оценке конкретного деяния целесообразно использовать рекомендацию ученых о необходимости указания в формуле квалификации помимо статьи Особенной части УК еще и статьи Общей части (например, ст. 22 УК), фиксирующей форму вины по конкретному факту совершенного преступления[2]. Уточнение формулы квалификации в этом случае приобретает важное

[1] См., например: Уголовное право. Общая часть : учебник / Н.А. Бабий [и др.] ; под ред. В.М. Хомича. Минск : Тесей, 2002. С. 151–153.

[2] См., например: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 10.

правовое значение на следующих этапах реализации уголовно-правовой нормы: при определении признаков рецидива; при избрании вида исправительной колонии в отношении лица, осуждаемого к наказанию в виде лишения свободы; при погашении судимости и др.

При установлении признаков субъективной стороны преступления важно учитывать также и иные правила:

1. Деяние, совершенное с аффектированным умыслом, порожденным провоцирующим поведением потерпевшего, варианты которого предусмотрены ст. 31 УК, может быть квалифицировано как преступление, если аффект по своему характеру был физиологическим и деянием умышленно были причинены смерть либо тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение.

2. Если при совершении деяния лицо желало наступления одного конкретного последствия, которое в реальности не наступило, вопрос о квалификации содеянного решается с учетом направленности умысла.

3. Если в реальности наступает наиболее тяжкое из нескольких предвиденных и равнозначно желаемых лицом последствий, при квалификации содеянного лицу вменяется только фактически наступившее последствие.

4. Объективный признак, с которым закон связывает повышенную уголовную ответственность (возраст потерпевшего, способ совершения преступления, обстановка и т. п.), может быть вменен только в случае осознания его наличия виновным лицом.

5. Если в статье Особенной части УК в качестве обязательного признака указаны мотив или цель совершения преступления, констатировать субъективную сторону преступления можно только при установлении соответствующих мотива или цели.

6. Если в статье Особенной части УК в качестве обязательного признака субъективной стороны преступления предусмотрены альтернативные мотивы и (или) цели, эта статья подлежит применению при установлении хотя бы одного соответствующего мотива и (или) цели.

7. Если умысел на совершение преступления формировался и реализовывался при конкуренции мотивов, квалификация содеянного должна осуществляться по доминирующему мотиву.

8. Все сомнения при установлении признаков субъективной стороны преступления должны толковаться в пользу обвиняемого.

На решение вопроса о вменении признаков соответствующего преступления может оказать влияние неправильное представление лица относительно объективных свойств общественно опасного деяния или его противоправности (субъективная ошибка). Заблуждение лица отно-

сительно преступности совершаемого деяния, пределов уголовной ответственности или его уголовно-правовой оценки (юридическая ошибка), по общему правилу, не оказывает влияния на квалификацию преступления. Исключением является ситуация, когда лицо, не зная в силу определенных причин о введении нового уголовно-правового запрета, совершает деяние, нарушающее этот запрет. В таком случае ошибка в противоправности деяния предполагает два варианта ее оценки:

– если ошибка имела извинительный характер, содеянное не может быть квалифицировано в качестве преступления в силу отсутствия субъективного основания ответственности;

– если в конкретной ситуации не было причин признавать ошибку извинительной (т. е. лицо должно было и по обстоятельствам дела могло знать о наличии уголовно-правового запрета), содеянное, при наличии соответствующей статьи УК, может быть квалифицировано лишь как преступление, совершенное по неосторожности.

Существенное влияние на квалификацию преступления может оказать фактическая ошибка, под которой в уголовном праве принято понимать заблуждение лица относительно фактических обстоятельств деяния и его последствий. Уголовный закон предусматривает определенные варианты оценки поведения лица при фактической ошибке в наличии некоторых обстоятельств, исключающих преступность деяния (мнимая оборона, мнимая крайняя необходимость, мнимое задержание «преступника»). С учетом положений ст. 37 УК и судебной практики оценка причиненного вреда при наличии указанной фактической ошибки может выглядеть следующим образом:

1. Если лицо вследствие заблуждения считало, что находится в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости либо осуществляет задержание лица, совершившего преступление, но по обстоятельствам дела не должно было или не могло сознавать отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, его действия не образуют собой преступления, поскольку такая ситуация приравнивается к состояниям, предусмотренным ст. 34–36 УК.

2. Если лицо совершило действия, явно не соответствующие характеру опасности, определенной положениями ст. 34–36 УК, причинение тяжкого вреда образует собой превышение пределов причинения допустимого вреда и должно квалифицироваться по соответствующей статье УК, предусматривающей ответственность за умышленное преступление.

3. Если в сложившейся обстановке лицо должно было и могло предвидеть отсутствие соответствующих обстоятельств, исключающих пре-

ступность деяния, содеянное квалифицируется по статьям УК, предусматривающим ответственность за причинение вреда по неосторожности.

4. Если вред был причинен вследствие чрезмерной мнительности либо ничем не оправданной подозрительности лица, содеянное должно квалифицироваться на общих основаниях по статьям УК, предусматривающим ответственность за умышленное причинение вреда.

В теории уголовного права и правоприменительной практике выделяют и иные фактические ошибки, которые могут иметь юридическое значение при квалификации преступлений[1]. Квалификация преступления в зависимости от конкретного вида ошибки может быть разной, но основные правила квалификации при наличии фактической ошибки редуцируются в двух возможных вариантах:

– если лицо вследствие заблуждения считало, что есть признаки, имеющие уголовно-правовое значение, квалификация содеянного осуществляется с учетом содержания и направленности умысла лица;

– если лицо вследствие заблуждения считало, что признаки, имеющие уголовно-правовое значение, отсутствуют, при квалификации содеянного исключается умышленная вина.

1.8. Правила квалификации преступлений, предусмотренные уголовным законом

Учитывая потребности правоприменительной практики, законодатель закрепил в УК ряд правил квалификации преступлений, придав им, таким образом, нормативный характер.

Правила квалификации преступлений, предусмотренные уголовным законом, условно можно классифицировать на следующие группы:

– правила квалификации единичного преступления в зависимости от оснований уголовной ответственности;

– правила квалификации при множественности преступлений;

– правила квалификации при конкуренции общей и специальной норм.

Первая группа правил квалификации преступлений обусловлена положениями ст. 10 УК. На основе этих положений можно выделить следующие подгруппы правил квалификации преступлений, закрепленных УК:

– при оконченном преступлении;

– при приготовлении к совершению преступления;

– при покушении на совершение преступления;

[1] См., например: Уголовное право. Общая часть : учебник. С. 160–165.

– при соучастии в совершении преступления.

Для квалификации оконченного преступления важное значение имеет определение момента его окончания. Общие правила в определении момента окончания преступления предусмотрены ч. 2 и 3 ст. 11 УК. Они определены законодателем в зависимости от того, связано ли преступление с наступлением последствий. Существенное влияние на квалификацию оконченного преступления оказывает вина, формы и виды которой описаны в ст. 22–25 УК. С учетом принципа вины в ч. 2 ст. 37 УК сформулировано правило квалификации деяний при ошибке в наличии некоторых обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Общие правила квалификации приготовления к совершению преступления и покушения на совершение преступления определены ч. 3 ст. 13 и ч. 2 ст. 14 УК соответственно.

Особое внимание законодатель уделил правилам квалификации соучастия в совершении преступления. Ч. 7 ст. 16 УК разъясняет лицам, ведущим уголовный процесс, как должны квалифицироваться деяния организатора, подстрекателя и пособника при соучастии с распределением ролей. В ч. 8 ст. 16 УК указывается на уголовно-правовую оценку неудавшегося соучастия. Ч. 2 ст. 18 и ч. 4 ст. 19 УК ориентируют следственно-судебные органы на квалификацию деяний организаторов и иных участников организованной группы и преступной организации. Варианты квалификации преступления при исполнении приказа или распоряжения подразумеваются ч. 1 и 2 ст. 40 УК. Они же дублируются ч. 3 примечаний к гл. 37 УК применительно к воинским преступлениям. Особенной частью УК предусмотрены и другие правила квалификации соучастия в преступлении: в развитие положений, указанных в ч. 2 ст. 18 и ч. 4 ст. 19 УК, ч. 2 примечаний к разд. X УК определяет правило квалификации преступлений, совершенных в составе преступной организации или банды; ч. 2 примечаний к гл. 37 УК – правило квалификации воинских преступлений, совершенных лицами, не являющимися военнослужащими.

К установленным законодателем правилам квалификации при множественности преступлений относятся нормативные предписания относительно уголовно-правовой оценки совокупности преступлений, порядка определения однородной повторности.

В ч. 1 ст. 42 УК законодатель не только определил понятие «совокупность преступлений», но и установил правило квалификации: «При этом лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье настоящего Кодекса». Порядок применения уголовно-правовых норм уточнен законодателем применительно к преступлениям против интересов службы. Согласно ч. 1 примечаний к гл. 35 УК должностное лицо, которое использовало свои властные или иные служебные полномочия для совершения преступления, не названного в гл. 35 УК, по общему правилу, несет ответственность по совокупности преступлений.

В ч. 14[1] ст. 4 УК содержится общее правило по определению однородной повторности преступлений, которое конкретизируется соответствующими примечаниями или статьями Особенной части УК. Например, ч. 2 примечаний к гл. 24 УК дает определение повторного хищения.

Важное значение для правоприменительной практики имеет нормативное предписание, закрепленное ч. 2 ст. 42 УК. Правило квалификации при конкуренции общей и специальной норм нашло свое отражение и в ч. 1 примечаний к гл. 35 УК: «Правило о совокупности преступлений не применяется, если совершение должностным лицом преступления предусмотрено в качестве признака иного преступления».

Закрепление в УК некоторых правил квалификации преступлений свидетельствует о стремлении законодателя к унификации правил применения уголовно-правовых норм. Придание правилам квалификации преступлений характера законодательного требования (нормативности) ограничивает судебное усмотрение и в целом способствует обеспечению принципа законности. Вместе с тем некоторые правила квалификации преступлений, закрепленные на уровне законоположений, не всегда соответствуют требованиям научности. Научный подход в определении соответствующего правила квалификации преступлений требует комплексного изучения совокупности факторов: социологических аспектов учения о составе преступления и применения уголовно-правовых норм; понимания природы, условий и закономерностей развития уголовно-правовых институтов, относящихся прежде всего к учению о преступлении, их взаимодействия и взаимообусловленности; анализа результатов кодификации в других отраслях законодательства, научной обоснованности появления новелл в уголовном законе и др. Мудрым в этом смысле является изречение В.Н. Кудрявцева: «Для того чтобы общие правила квалификации преступлений стали нормами закона, они должны быть сформулированы особенно точно, лаконично, отчетливо, а перед этим многократно проверены на практике. Однако прежде всего должны быть развиты исходные теоретические предпосылки, на которых основывались бы такие будущие положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства»[1].

[1] Цит. по: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 31.

ГЛАВА 2
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

2.1. Квалификация неоконченного преступления

Общие положения о неоконченном преступлении. Действующий уголовный закон не содержит понятия неоконченного преступления. В теории уголовного права термин «неоконченное преступление» обычно употребляется в собирательном значении как родовое понятие приготовления к совершению преступления и покушения на его совершение.

В соответствии с п. 2 и 3 ст. 10 УК приготовление к совершению преступления и покушение на совершение преступления являются самостоятельными разновидностями преступного деяния как основания уголовной ответственности. Указанные положения ст. 10 УК предполагают отражение в квалификации преступления норм соответствующих статей Общей и Особенной частей УК.

Общие черты, характеризующие неоконченное преступление:

– в своем внешнем проявлении неоконченное преступление выражается в совершении действия или бездействия;

– содеянное не образует оконченного преступления, т. е. в полном объеме либо частично отсутствуют признаки объективной стороны преступления, которые предусмотрены конкретной статьей Особенной части УК;

– неоконченное преступление есть поведение, которое прервано по независящим от виновного лица обстоятельствам;

– субъективная сторона неоконченного преступления характеризуется прямым умыслом и наличием определенной преступной цели.

Правильная квалификация неоконченного преступления во многом зависит от умения лица, ведущего уголовный процесс, определять момент окончания соответствующего преступления. Общие положения о моменте окончания преступления определены ч. 2 и 3 ст. 11 УК. Эти положения имеют уголовно-правовое значение не только для умышленных преступлений, но и преступлений, совершенных по неосторожности. Для преступлений, совершенных по неосторожности, положения ч. 2 и 3 ст. 11 УК означают, что наличие соответствующего деяния либо

последствия свидетельствует о факте совершения оконченного преступления. Отсутствие в действительности этих признаков объективной стороны будет свидетельствовать о том, что нет какого-либо основания уголовной ответственности и, следовательно, такого рода неосторожное поведение не может быть квалифицировано в качестве преступления. Другое дело – умышленные преступления. При определении момента окончания умышленного преступления важное значение приобретает не только наличие или отсутствие признаков объективной стороны преступления, но и содержание признаков субъективной стороны преступления, особенно цели преступления.

В правоприменительной практике определенную трудность вызывают вопросы, связанные с определением момента окончания некоторых сложных единичных преступлений. Момент окончания преступления в таком случае устанавливается с учетом вида сложного единичного преступления и законодательной конструкции объективной стороны соответствующего вида преступления.

Составное преступление следует признавать юридически оконченным с момента, когда были в полном объеме выполнены признаки объективной стороны преступлений, образующих собой одно составное преступление.

Преступление с альтернативными действиями признается юридически оконченным с момента совершения хотя бы одного из указанных в уголовно-правовой норме действий. Преступление признается единым и юридически оконченным и в том случае, если лицо совершило одно или несколько действий и, кроме того, имела место попытка совершения еще одного альтернативного действия (например, хранение поддельного денежного знака и попытка его сбыта). В таком случае исключается дополнительная квалификация за неоконченное преступление.

Моментом окончания преступления с двумя действиями является совершение второго действия, образующего указанный вид сложного преступления.

Преступление с двумя последствиями является оконченным с момента наступления вторичного последствия при наличии причинной связи с первичными последствиями.

Преступление, обусловленное признаком административной или дисциплинарной преюдиции, является оконченным с момента совершения второго (при двойной преюдиции – третьего) нарушения, если оно было совершено в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за тождественное либо однородное на-

рушение (в случаях, предусмотренных уголовным законом). Такой подход следует применять и в отношении деяний, совершенных неоднократно (ст. 317^2, 341^1, 342^2 УК).

На момент окончания продолжаемого преступления существенное влияние оказывает законодательная конструкция объективной стороны преступления, предусмотренная соответствующей уголовно-правовой нормой. Если уголовно-правовой нормой предусмотрена ответственность за преступление, не связанное с наступлением последствий, продолжаемое преступление считается оконченным с момента совершения последнего действия, входящего в совокупность тождественных эпизодов, объединенных единством умысла и общностью преступной цели. Однако в случае если уголовно-правовая норма предусматривает ответственность за преступление, связанное с наступлением последствия, продолжаемое преступление следует признавать оконченным с момента, когда последним из тождественных действий был причинен вред, входящий в совокупный, желаемый виновным лицом преступный результат.

Окончание длящегося преступления в следственной и судебной практике, теории уголовного права связывают с двумя моментами. Длящееся преступление начинается с момента совершения преступного деяния (юридическое окончание) и длится на стадии юридически оконченного преступления до момента прекращения преступного состояния (фактическое окончание). Длящееся преступление может быть признано неоконченным, если признаки объективной стороны не были выполнены в полном объеме (преступление еще не было юридически оконченным).

Квалификация преступного поведения в качестве оконченного преступления означает:

1. В содеянном установлена совокупность всех объективных и субъективных признаков, предусмотренных уголовным законом для конкретного вида преступления, отраженного в соответствующей статье Особенной части УК.

2. Формула квалификации преступления охватывает предшествующую умышленную деятельность, связанную с приготовлением к данному преступлению или покушением на его совершение (если она реально имела место в объективной действительности).

3. Действия (бездействие), совершенные до момента окончания названного преступления, требуют дополнительной самостоятельной уголовно-правовой оценки лишь в том случае, если они не охватывались признаками совершенного преступления.

4. Деяния, совершенные после окончания данного преступления, не влияют на квалификацию исполненного преступления.

Применительно к квалификации неоконченного преступления можно обозначить несколько общих положений:

1. Неоконченное преступление в зависимости от его разновидности квалифицируется по статье Особенной части УК, предусматривающей ответственность за оконченное преступление, с обязательной ссылкой на соответствующую часть статьи Общей части УК: либо на ч. 1 ст. 13, либо на ч. 1 ст. 14 УК.

2. Если в содеянном имеются все признаки объективной стороны преступления, но лицо не смогло достичь поставленной цели, которая является конструктивным или квалифицирующим признаком преступления (например, вымогательство с целью получения имущественной выгоды в крупном размере (ч. 2 ст. 208 УК)), недостижение этой цели не дает оснований для квалификации преступления как неоконченного.

3. Если лицо не смогло реализовать задуманное преступление с квалифицирующим признаком, относящимся к личности потерпевшего, предмету преступления или объективной стороне преступления (например, убийство с особой жестокостью), содеянное должно квалифицироваться как приготовление либо покушение на совершение преступления с соответствующим квалифицирующим признаком.

4. Деяние лица, добровольно отказавшегося от доведения преступления до конца, подлежит уголовно-правовой квалификации лишь в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит признаки иного преступления (ч. 2 ст. 15 УК).

Проблемой квалификации неоконченного преступления является вопрос об уголовно-правовой оценке деяния, совершенного с прямым неопределенным (неконкретизированным) или альтернативным умыслом. В судебной практике при наличии, например, неопределенного умысла применяют следующее правило: содеянное квалифицируется по фактически наступившим последствиям. Так, в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2006 г. № 1 «О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения» (далее – Постановление от 29 марта 2006 г. № 1) указано: «Если виновный сознавал общественную опасность своего действия или бездействия, предвидел возможность причинения потерпевшему телесных повреждений любой тяжести и желал этого либо не желал, но сознательно допускал или относился к последствиям своего деяния безразлично, все содеянное квалифицируется по фактически наступившим последствиям».

В доктрине уголовного права высказывались иные позиции относительно вменения соответствующих последствий в рамках неопределенного или альтернативного умыслов. Ряд авторов в таких случаях отдают предпочтение квалификации преступления как неоконченного с учетом наиболее тяжкого из желаемых последствий[1]. Исходя из этого, если, например, при применении насилия сознанием виновного в рамках прямого умысла охватывалась возможность причинения потерпевшему телесных повреждений любого вида, но реально вреда причинено не было, содеянное должно квалифицироваться как покушение на умышленное причинение тяжкого телесного повреждения. Относительно квалификации подобных ситуаций высказывалась и диаметрально противоположная точка зрения: уголовно-правовая оценка содеянного должна осуществляться как покушение на преступление с наименее тяжкими из желаемых последствий[2].

В случае если в рамках прямого неопределенного или альтернативного умысла не наступило ни одно из предвиденных виновным последствий, содеянное целесообразно квалифицировать как приготовление или покушение на совершение преступления с наименее тяжкими последствиями. Например, действия лица, взломавшего сейф, не сознававшего его содержимого, при отсутствии в сейфе какого-либо имущества следует квалифицировать как покушение на простую кражу (ч. 1 ст. 14 и ч. 1 ст. 205 УК).

Подобная уголовно-правовая оценка обусловлена положением о толковании всех сомнений в пользу обвиняемого. Неконкретизированность или альтернативность предвидения разных последствий порождает неопределенность в пределах и содержании желания, стремления виновного лица, размывает содержание волевого момента прямого умысла. Кроме того, вменение более тяжких последствий в таких ситуациях будет порождать в практике достаточно сложную, а иногда и неразрешимую проблему доказывания прямого умысла по отношению к предполагаемым более тяжким последствиям. Гипотетичность вывода о степени предвидения различных последствий особенно ярко проявляется при установлении соответствующего вида умысла на уровне оценки приготовительных действий. Трудности в установлении умысла

[1] См., например: Курс советского уголовного права. Часть общая : в 6 т. / редкол.: А.А. Пионтковский [и др.]. М. : Наука, 1970. Т. 2. С. 430 ; Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. М. : Юрид. лит., 1972. С. 80–81.

[2] См.: Дубовец П.А. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву. М. : Юрид. лит., 1964. С. 36 ; Бабий Н.А. Квалификация взяточничества : научное исследование белорусского и российского опыта. Минск : Тесей, 2011. С. 452–456.

по отношению к наиболее тяжким предполагаемым последствиям будут порождать сомнения в доказывании.

Подобный подход в квалификации преступления уместно использовать только в ситуациях, когда интеллектуальной сферой психической активности соответствующего лица охватывалось предвидение возможности причинения вреда различной степени тяжести в рамках одного объекта преступления (телесные повреждения различной степени тяжести при посягательстве на здоровье человека, различный размер причиненного ущерба при посягательстве на отношения собственности). Однако если сознанием лица в рамках неопределенного или альтернативного умысла охватывается возможность причинения вреда более значимому благу, игнорировать данное обстоятельство нельзя. Если, например, будет установлено, что при совершении насильственного действия виновный предвидел реальную возможность наступления тяжкого телесного повреждения либо смерти, содеянное, при отсутствии факта лишения жизни, должно квалифицироваться как покушение на убийство.

Квалификация приготовления к совершению преступления. Приготовление к преступлению представляет собой умышленное создание условий для совершения конкретного преступления. Формы приготовления к преступлению могут быть самыми разнообразными. В самой обобщенной форме они определены ч. 1 ст. 13 УК.

По уголовному законодательству Республики Беларусь приготовление может быть квалифицировано как преступное поведение в том случае, если были совершены подготовительные действия (бездействие) к совершению менее тяжкого, тяжкого или особо тяжкого преступления. Согласно ч. 2 ст. 13 УК приготовление к преступлению, не представляющему большой общественной опасности, уголовную ответственность не влечет.

В мировой законодательной практике существуют разные подходы к криминализации приготовления к совершению преступления. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 30 Уголовного кодекса Российской Федерации уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлению. Это обстоятельство следует учитывать при квалификации преступления, совершенного гражданином Республики Беларусь или постоянно проживающим в Республике Беларусь лицом без гражданства, за пределами Республики Беларусь. Правило двойной криминальности, лежащее в основе применения ч. 1 ст. 6 УК, требует от лиц, ведущих уголовный процесс, выяснения зако-

нодательного подхода к криминализации приготовления к совершению преступления по законодательству государства, где было совершено преступление.

Приготовление к преступлению предполагает подготовку к совершению конкретного преступления. Не образует приготовления к преступлению подготовка к преступной деятельности вообще. При доказывании приготовления к совершению преступления важно установить, что соответствующее лицо, выполняя подготовительные деяния, сознавало основные признаки планируемого им преступления.

При квалификации приготовления к совершению преступления необходимо учитывать следующие правила:

1. Приготовление всегда выражается в определенном поведении – общественно опасном действии или бездействии. Формирование умысла на совершение преступления либо его обнаружение не образует уголовно наказуемого приготовления.

2. Если подготовка к совершению преступления, не представляющего большой общественной опасности, образует состав иного самостоятельного преступления любой категории, содеянное не может квалифицироваться как уголовно наказуемое приготовление. Лицу в таком случае может быть вменено только совершенное им оконченное преступление (например, подделка официального документа, подтверждающего отсутствие возможности выполнить обязанность по погашению кредиторской задолженности в крупном размере, исключает ответственность за приготовление к уклонению от погашения кредиторской задолженности и образует только состав оконченного преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 380 УК).

3. Если осуществление приготовительных действий образует собой самостоятельное преступление, не являющееся конструктивным признаком подготавливаемого преступления (например, похищается оружие с целью совершения убийства), содеянное квалифицируется по совокупности преступлений.

4. Если осуществление приготовительных действий образует собой самостоятельное преступление, которое одновременно является конструктивным признаком подготавливаемого преступления (например, похищение оружия в целях создания банды), содеянное квалифицируется только как приготовление к соответствующему преступлению.

5. Достижение соглашения о совершении умышленного преступления несколькими лицами (сговор) квалифицируется как приготовление к совершению соответствующего преступления.

6. Факт создания организованной группы, по общему правилу, квалифицируется как приготовление к тем преступлениям, для совершения которых она была создана. Исключением являются случаи, когда создание организованной группы специально предусмотрено статьей Особенной части УК в качестве оконченного преступления.

7. Неудавшееся подстрекательство, пособничество или неудавшаяся организационная деятельность квалифицируются как приготовление к совершению соответствующего преступления при условии, что исполнитель еще не приступил к реализации общего замысла.

Квалификация покушения на совершение преступления. Правильная квалификация покушения на совершение преступления во многом зависит от понимания пределов преступного поведения, охватываемого покушением (когда оно начинается и до какого момента может существовать как самостоятельное основание уголовной ответственности). Важное значение в этом смысле приобретает отграничение покушения от приготовления к преступлению и оконченного преступления.

При приготовлении к преступлению лицо создает лишь условия для совершения преступления в будущем. В отличие от приготовления при покушении на преступление лицо уже приступает к выполнению объективной стороны задуманного преступления.

Отличие оконченного преступления от покушения заключается в том, что покушение характеризуется невыполнением (незавершенностью) объективной стороны соответствующего преступления.

В теории и практике к покушению на совершение преступления приравниваются не только не доведенные до конца деяния, но и некоторые разновидности преступного поведения, совершенные при фактической ошибке (покушение на негодный объект, покушение с негодными средствами и др.).

Помимо общих правил квалификации неоконченного преступления, изложенных выше, при квалификации покушения на преступление необходимо учитывать следующее:

1. Квалификация содеянного как покушения на преступление при наличии приготовительных действий к этому преступлению охватывает приготовление к преступлению, если в приготовительных действиях не было признаков иного преступления.

2. В преступлении, не связанном с наступлением последствий, покушение на преступление возможно при условии, если лицо выполнило лишь часть деяния, образующего объективную сторону соответствующего преступления.

3. В преступлении, связанном с наступлением последствий, покушение на преступление возможно при условии, если лицо выполнило часть деяния, образующего объективную сторону соответствующего преступления, либо при полном исполнении деяния последствие не наступило по независящим от виновного обстоятельствам.

4. Если при частичной реализации умысла были причинены последствия, подпадающие под признаки оконченного, но менее опасного, чем было задумано, преступления, содеянное квалифицируется только как покушение на преступление. Дополнительной квалификации за причиненный вред в таком случае не требуется.

5. Если в процессе реализации преступного намерения не наступили желаемые последствия, однако был причинен вред иному объекту, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений: покушение на совершение задуманного преступления и неосторожное причинение вреда.

2.2. Особенности квалификации преступлений, совершенных в соучастии

Общие правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии. Совершение преступления в соучастии представляет повышенную общественную опасность и влечет назначение более строгого наказания, что отражается и закрепляется соответствующей квалификацией таких деяний. Повышенная общественная опасность соучастия в преступлении обусловлена как уголовно-правовыми (при совершении преступления в соучастии причиняется больший вред или ущерб, чем одним лицом, а также имеется больше возможностей избежать задержания и наказания всем или некоторым соучастникам, скрыть орудия и средства преступления, похищенное), так и криминологическими (вовлекается все больший круг лиц в преступную деятельность) факторами. Ответственность и квалификация деяний соучастников совершенного преступления дифференцируются в зависимости от вида (исполнитель, организатор, руководитель, подстрекатель, пособник) и формы (простое, сложное, организованное) соучастия, кроме того, ответственность и, соответственно, квалификация деяний определяются характером содеянного исполнителем (исполнителями). Совершение преступления в соучастии в ряде статей Особенной части УК предусмотрено в качестве квалифицирующего признака либо обстоятельства, отягчающего ответственность. Например, несколько должностных лиц

договорились получить взятку с двух граждан за проведение оценки и занижение стоимости базы отдыха с целью последующей реализации. В данном случае действия должностных лиц следует квалифицировать по ч. 2 ст. 430 УК (квалифицированный состав), которой предусмотрена ответственность за получение взятки «группой лиц по предварительному сговору, в особо крупном размере», а действия взяткодателей – по ч. 1 ст. 431 УК (простой состав), поскольку в названной статье не указан такой квалифицирующий признак. Однако дача взятки по предварительному сговору группой лиц содержит признаки обстоятельства, отягчающего ответственность (п. 11 ст. 64 УК). В п. 11 ст. 64 УК указано, что обстоятельством, отягчающим ответственность, является совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступной организацией. Если совершенное преступление содержит одновременно признаки квалифицированного состава и они же предусматриваются в качестве обстоятельств, отягчающих ответственность, они не должны учитываться дважды, т. е. за одно и то же общественно опасное деяние ответственность дважды не допускается (ч. 6 ст. 3 УК). Исключение из этого правила составляют случаи идеальной совокупности преступлений, когда одним общественно опасным деянием совершаются два преступления или более.

При составлении обвинения следует иметь в виду, что при квалификации действий исполнителя (соисполнителей) преступления применяется только статья Особенной части УК, по которой квалифицировано совершенное общественно опасное деяние, а ст. 16 УК не указывается, в то время как при квалификации содеянного организатором, руководителем, подстрекателем и пособником ее указание обязательно. Исключение составляют случаи, когда организатор, руководитель, подстрекатель или пособник одновременно с исполнителем участвуют в совершении деяния, предусмотренного Особенной частью УК, т. е. исполняют объективную сторону состава преступления либо полностью, либо частично.

Влияние форм соучастия и видов соучастников на квалификацию преступлений. Простое соучастие традиционно классифицируется на два вида: исполнение преступления двумя лицами или более по предварительному сговору или без такового. Однако существенное влияние на квалификацию деяния исполнителя оказывает способ совершения деяния исполнителем: непосредственное исполнение преступления либо посредственное.

При совершении преступления двумя лицами или более, когда они все полностью или частично участвовали в выполнении объективной

стороны конкретного состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК, без предварительного сговора, деяния всех указанных лиц квалифицируются как соисполнительство в соответствующем преступлении. Если же статьей, по которой квалифицировано совершенное ими деяние, в качестве квалифицирующего признака предусмотрено совершение данного преступления группой лиц, содеянное всеми ими квалифицируется по той части статьи УК, которой предусмотрен названный квалифицирующий признак. Например, воспользовавшись тем, что хозяин квартиры, с которым проходило совместное распитие алкогольных напитков, находится в состоянии сильного алкогольного опьянения, З. похитил из шкафа куртки. Находящийся в той же квартире С. присоединился к нему и также похитил куртку. Действия З. и С. были квалифицированы по ч. 2 ст. 205 УК, т. е. как кража, совершенная группой лиц. Для применения указанного квалифицирующего признака не имеет значения наличие или отсутствие предварительного сговора о совместном совершении преступления. Более того, в определенных преступлениях квалифицирующий признак «совершение преступления группой лиц» применяется независимо от имевшего место предварительного сговора, но в то же время применяется и при совершении преступления организованной группой.

При исполнении преступления, т. е. совершении действия или бездействия, образующего объективную сторону состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК, совместно двумя лицами или более по предварительному сговору, содеянное каждого из них квалифицируется по данной статье УК. Если же названной статьей УК в качестве квалифицирующего признака предусмотрено совершение преступного деяния по предварительному сговору группой лиц, деяния всех соисполнителей квалифицируются по соответствующей части указанной статьи УК. Например, трое обучающихся одной из школ г. Гродно с целью избежания получения неудовлетворительных отметок по контрольной работе разместили на сайте школы информацию о том, что в здании находится взрывное устройство и в любой момент может произойти взрыв. Их действия были квалифицированы по ч. 2 ст. 340 УК (заведомо ложное сообщение об опасности, совершенное группой лиц по предварительному сговору).

При привлечении взрослым лицом, т. е. достигшим 18-летнего возраста, в качестве соисполнителя преступления несовершеннолетнего, его действия подлежат дополнительной квалификации еще и по ст. 172 УК (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления).

В случаях когда организаторы, либо руководители, либо подстрекатели, либо пособники помимо выполнения соответствующих функциональных деяний еще и полностью или частично участвуют совместно с исполнителем в совершении преступления, т. е. в выполнении полностью или частично объективной стороны конкретного состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК, их действия (бездействие) квалифицируются как соисполнительство, и ссылка на соответствующую часть ст. 16 УК не требуется. Кроме того, при квалификации деяний исполнителей следует иметь в виду, что в соответствии с ч. 9 ст. 16 УК участники организованных групп и преступных организаций признаются исполнителями преступления независимо от их роли в совершенных преступлениях.

Посредственное исполнение преступления предусмотрено ст. 16 УК в качестве самостоятельного вида – исполнителя. Ответственность за посредственное исполнение преступления путем «использования других лиц, не подлежащих в силу закона уголовной ответственности или совершивших преступление по неосторожности», регулируется ч. 3 ст. 16 УК.

Согласно следственной и судебной практике к другим лицам, не подлежащим уголовной ответственности в силу закона, относятся:

– невменяемые;

– несовершеннолетние, не достигшие возраста, с которого наступает уголовная ответственность за совершенные ими общественно опасные деяния.

При использовании посредственным исполнителем данных лиц для совершения преступления, т. е. выполнения объективной стороны конкретного состава преступления, его действия квалифицируются как непосредственного исполнителя, использовавшего в качестве орудия преступления невменяемое лицо, по соответствующей статье Особенной части УК без ссылки на ст. 16 УК. Невменяемое лицо не подлежит уголовной ответственности, но к нему при необходимости судом могут быть применены принудительные меры безопасности и лечения. Такой же подход применяется и при использовании посредственным исполнителем для совершения преступления несовершеннолетнего, не достигшего возраста уголовной ответственности, однако при квалификации указанного деяния применяется не только соответствующая статья Особенной части УК, но еще и ст. 172 УК (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления).

Следует отметить, что при использовании посредственным исполнителем для совершения преступления перечисленных лиц он несет от-

ветственность за все совершенные этими лицами общественно опасные деяния, в том числе за относящиеся к так называемому эксцессу исполнителя, при этом за качественный эксцесс как умышленное преступление, а за количественный эксцесс – как за совершенное по неосторожности. Если же названные непосредственные исполнители, например, не смогли выполнить полностью или частично требуемое общественно опасное деяние, деяние посредственного исполнителя квалифицируется соответственно как приготовление к совершению преступления или как покушение на совершение преступления.

Использование посредственным исполнителем деяний лиц, совершивших преступления по неосторожности, как правило, совершается путем создания аварийных или иных чрезвычайных ситуаций. Например, руководя процессом охоты, Н., желая убить егеря Ш., которому Н. должен был крупную денежную сумму, направил в качестве загонщика на линию огня неопытного охотника М., который произведенным выстрелом на звуки движения в кустарнике смертельно ранил егеря. Действия Н. в данном случае необходимо квалифицировать как посредственное исполнение убийства по ст. 139 УК, а действия М. – как причинение смерти по неосторожности по ст. 144 УК.

Сложное соучастие, оказывающее существенное влияние на квалификацию, имеет место тогда, когда в совершении преступления принимало участие наряду с исполнителем (соисполнителями) хотя бы одно лицо, выполняющее роль иного соучастника (организатора, руководителя, подстрекателя или пособника). Именно юридическая конструкция института соучастия позволяет, с одной стороны, установить причастность и выполняемую роль каждого из лиц, участвующих совместно (общими усилиями) в совершении конкретного преступления, а с другой – определить характер и степень общественной опасности содеянного как в целом, так и каждым соучастником в отдельности, что позволяет осуществлять правильную квалификацию их деяний, а следовательно, и индивидуализацию их ответственности, и назначение соответствующего наказания.

Объективная обусловленность дифференциации ответственности соучастников исходит из совместного совершения преступления, т. е. не только совместное исполнение деяния, предусмотренного Особенной частью УК (выполнение объективной стороны состава преступления), но и других действий (или бездействия), без которых не могло быть выполнено преступное деяние или не мог быть достигнут преступный результат либо реализованы иные преступные цели, а также совершения других действий (бездействия), создающих как благоприятные условия для исполнителей преступления, так и соответствующую психологическую установку их личности или способствующих устранению существующих либо возможных препятствий для совершения исполнителем преступного деяния, в том числе и избежание возможного раскрытия преступления и задержания исполнителя или кого-либо из иных соучастников преступления. В материальных составах преступлений необходимо устанавливать и причинную связь между деянием каждого из соучастников и общественно опасными последствиями. Характер выполняемых действий (бездействия), обеспечивающих физически, материально и интеллектуально совершение преступного деяния, предопределяет и классификацию видов соучастников совершенного преступления. Соучастие характеризуется тем, что несколько лиц выполняют различные роли в совместно совершенном преступлении: так, одни совершают деяние, образующее объективную сторону состава преступления, а другие оказывают содействие исполнителю, которое может быть разным, что обусловливает их классификацию. Если в совершенном преступлении лицо выполняло функции подстрекателя либо организатора, либо руководителя, либо пособника, а затем приняло участие в самом процессе выполнения объективной стороны состава преступления, предусмотренного конкретной нормой Особенной части УК, оно признается исполнителем преступления, т. е. совершенные деяния в виде подстрекательства, пособничества или в роли организатора поглощаются исполнительской деятельностью, но учитываются судом при определении вида и размера наказания.

Согласно ч. 4 ст. 16 УК организатором (руководителем) преступления признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его совершением, либо лицо, создавшее организованную группу или преступную организацию либо руководившее ими. Если организатор преступления, организованной группы или преступной организации может одновременно сочетать выполнение организационных и распорядительных (руководящих) функций, руководитель выполняет распорядительные функции в процессе непосредственного приготовления, покушения или совершения преступления.

Согласно правоприменительной практике организацией преступления признаются действия по подбору, вербовке, обучению приемам совершения преступлений различного вида, привлечению к совершению преступления других соучастников совершения преступления, хранения или сбыта имущества, вещей, предметов, добытых преступным путем, а

также совершение иных действий, связанных с приготовлением или совершением преступления. Если организатор или руководитель преступления наряду с исполнителем участвуют в совершении преступления, т. е. в выполнении полностью или частично объективной стороны конкретного состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК, они привлекаются к ответственности как исполнители преступления, а исполнение организационно-руководящей функции учитывается при назначении наказания.

При создании организованной группы или преступной организации характер функций организатора включает в себя разработку структуры организации и принципов взаимодействия ее членов или структурных подразделений, объединение отдельных преступных групп, координацию и разграничение функций участников организованной группы или преступной организации, при этом преследуется цель создания устойчивой, управляемой группы или организации. Организаторы также осуществляют распределение сфер преступной деятельности в масштабах региона или отрасли экономики, установление контроля над субъектами теневой экономики и сферами незаконных услуг, создание фондов материальных ресурсов для финансирования деятельности преступного сообщества, контроль за отмыванием преступных доходов и проникновение в легальный бизнес, взаимодействие с межгосударственной организованной преступностью, а также подкуп или противодействие правоохранительным органам, разработку мероприятий по расширению сфер влияния и вовлечению (вербовке) новых лиц и совершение других действий, направленных на реализацию преступной деятельности или создание условий для ее функционирования и развития.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25 сентября 2003 г. № 9 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с созданием и деятельностью организованных групп, банд и преступных организаций» (далее – Постановление от 25 сентября 2003 г. № 9) любые действия, направленные на формирование преступного сообщества, состоящего из нескольких организованных групп (банд) либо нескольких лиц, считаются оконченным преступлением. Помимо организационных и распорядительных функций организатор преступления может выполнять также функции подстрекателя или пособника, которые поглощаются организационно-распорядительной функцией.

Руководителем преступления признается лицо, которое осуществляет распорядительные функции на стадиях приготовления, покушения

или совершения (исполнения объективной стороны состава преступления), осуществляет сокрытие или распределение добытого преступным путем. Поскольку согласно УК организаторам и руководителям преступления предусмотрено назначение более строгого наказания, правоприменительные органы устанавливают выполнение данными лицами конкретных организационных или распорядительных функций и в тех случаях, когда они участвовали в совершении преступления в качестве исполнителей. Кроме того, организаторы и руководители преступных организаций несут ответственность за все преступления, совершенные во исполнение преступных целей организации при условии, что они охватывались их умыслом. В правоприменительной практике имели место факты, когда организаторы или руководители преступных организаций одобряли совершение конкретных преступлений отдельными участниками преступных организаций. В таких случаях все содеянное также вменяется в вину организаторов или руководителей преступных организаций. Их действия, образующие создание преступной организации или руководство преступной организацией или входящими в ее состав подразделениями, квалифицируются по ст. 285 УК, при этом действия организаторов названных преступных формирований квалифицируются как оконченное преступление с момента их создания. Если их деятельность будет пресечена или прекращена до момента создания таких преступных формирований, содеянное следует квалифицировать как приготовление к совершению преступления или покушение на совершение преступления. Если участники данных преступных формирований совершат еще какое-либо общественно опасное деяние, предусмотренное Особенной частью УК, содеянное ими образует совокупность преступлений со ст. 285 либо 286 УК соответственно. При привлечении к участию в совершении преступления в составе организованной группы или преступной организации несовершеннолетнего действия его привлекшего образуют идеальную совокупность преступлений и подлежат дополнительной квалификации по ст. 172 УК. Такой же подход применяется и в случаях принуждения к участию в этих формированиях иных лиц, т. е. наряду со ст. 285 применяется еще и ст. 288 УК.

Пособником преступления согласно ч. 6 ст. 16 УК признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации или орудий и средств совершения преступления, устранением препятствий либо оказанием иной помощи, либо лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, орудия или средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, либо лицо, заранее обещавшее приобре-

сти или сбыть такие предметы. По сравнению с другими соучастниками пособник в совершенном преступлении выполняет вспомогательную роль. С объективной стороны лицо при пособничестве совершению преступления посягает на общественные отношения, охраняемые УК, содействуя другим соучастникам в совершении преступления или его сокрытии. Пособничество может осуществляться на различных стадиях совершения преступления (на стадии приготовления, покушения, исполнения преступления и в постпреступный период, если оно было заранее обещано). Осуществляемое пособничество совершению преступления может составлять самостоятельное (другое) преступление (например: ремонт, усовершенствование или приобретение оружия).

В теории уголовного права пособничество традиционно классифицируют на физическое и интеллектуальное. К физическим способам пособничества относятся: предоставление орудий или средств совершения преступления, устранение препятствий, оказание помощи во избежание задержания в момент или после совершения преступления, а также в сокрытии или реализации добытого преступным путем. Если исполнитель не воспользовался помощью пособника, речь может идти о приготовлении к преступлению или покушении на его совершение. Интеллектуальное пособничество предполагает дачу советов, рекомендаций о способах и средствах совершения преступления, а также предоставление сведений, информации об объекте преступления, способах и средствах его совершения, постпреступном поведении и реализации результатов преступления.

Пособничество осуществляется, как правило, путем совершения активных действий (предоставление орудий, средств совершения преступления), но может совершаться и путем бездействия (например, сторож при охране имущества). От исполнителя пособник отличается тем, что он не исполняет объективной стороны преступления, предусмотренного Особенной частью УК, а оказывает помощь исполнителю путем создания возможности совершить преступление (выполнить объективную сторону преступления) либо оказывает помощь в постпреступный период. Если исполнитель воспользуется полученными от пособника сведениями или средствами при совершении другого неоднородного преступления, такая ситуация рассматривается как эксцесс исполнителя. Пособник должен обладать всеми признаками субъекта преступления. Его деяние квалифицируется по ч. 6 ст. 16 УК и статье Особенной части УК, предусматривающей ответственность за преступление, совершению которого он пособничал.

Особенной частью УК предусмотрен специальный вид соучастия в совершении преступления – посредничество во взяточничестве (ст. 432 УК), которое определяется как передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя. В данном случае посредник во взяточничестве приобретает черты специфического исполнителя. Если лицо оказывает помощь только взяткополучателю в получении взятки либо только взяткодателю в ее даче, такие действия квалифицируются либо как пособничество в даче взятки, либо как пособничество в получении взятки.

От соучастия в совершении преступления следует отличать прикосновенность к преступлению (недоносительство, укрывательство и попустительство). Прикосновенность к преступлению является самостоятельным институтом уголовного права, имеющим с соучастием как сходные, так и существенные отличительные признаки. По ч. 1 ст. 405 УК квалифицируется заранее не обещанное укрывательство лица, которое совершило тяжкое преступление, либо орудий и средств совершения этого преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем. Если такое деяние касалось особо тяжкого преступления, подлежит применению ч. 2 ст. 405 УК. Недонесение о достоверно известном совершенном особо тяжком преступлении либо о достоверно известном лице, его совершившем, или о месте нахождения такого лица квалифицируется по ч. 1 ст. 406 УК. Если такие сведения были достоверно известны в отношении готовящегося тяжкого или особо тяжкого преступления, применяется ч. 2 ст. 406 УК. Освобождаются от ответственности за названное деяние члены семьи и близкие родственники лица, совершившего преступление, а также священнослужитель и защитник, узнавшие о данном факте в связи с исполнением своих профессиональных обязанностей. Подлежат уголовной ответственности должностные лица за попустительство преступлению как бездействие власти (ч. 2 ст. 425 УК).

Таким образом, к приведенному в ч. 2 ст. 16 УК перечню соучастников (исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник) в последующих частях этой же статьи добавляется еще два вида (руководитель, участник организованной группы и преступной организации), а в Особенной части УК этот перечень дополнен еще одним видом – посредником. Кроме того, организатор и руководитель организованной группы или преступной организации по степени общественной опасности не тождественны организатору (руководителю) совершения конкретного преступления. Последние три вида соучастников в теории уголовного

права разработаны недостаточно, в связи с этим возникают проблемы при практическом применении уголовного права.

При квалификации преступлений, совершенных организованной группой, необходимо установить все ее признаки, которые вытекают из ее понятия и являются обязательными.

Признаки организованной группы, в том числе банды как ее разновидности, разъяснены в Постановлении от 25 сентября 2003 г. № 9. В частности, для признания преступной группы управляемой необходимо наличие в ее составе руководителя (нескольких руководителей).

Об устойчивости организованной группы могут свидетельствовать стабильность состава участников либо основного ядра группы, а также продолжительность преступной деятельности, тесная взаимосвязь между ее членами, способность группы продолжать свою деятельность в случае выбытия отдельных участников.

Для организованной группы характерна ее целенаправленность: она создается для совместной преступной деятельности, рассчитанной, как правило, на длительный период времени и неопределенное по продолжительности совершение различных преступлений либо одного, но продолжаемого преступления (например, хищения).

Предварительная объединенность организованной группы означает совершение целенаправленных действий по ее созданию, формированию структуры, определению места и роли (распределению функций) каждого участника. О предварительной объединенности преступной группы могут свидетельствовать, в частности, планирование преступной деятельности, согласованность действий соучастников. Такое объединение рассматривается не как простой сговор соучастников, а как их согласованность и взаимодействие более высокого уровня.

Под вооруженностью банды как специфической разновидности организованной группы понимается наличие любого оружия, признаваемого таковым в соответствии с Законом Республики Беларусь от 13 ноября 2001 г. № 61-З «Об оружии» (далее – Закон об оружии), а также боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, как заводского производства, так и изготовленных самодельным способом, хотя бы у одного из участников банды при осведомленности об этом остальных ее членов. Не может рассматриваться в качестве признака вооруженности использование при нападении непригодного к целевому применению оружия или его макетов, даже если такие предметы воспринимались потерпевшими как реальное оружие.

Под целью нападения следует понимать непосредственное применение насилия участниками банды в отношении других лиц для достижения преступного результата, причем нападение может выражаться не только в насильственном воздействии на людей, но и в незаконном вторжении в жилище, иное помещение, сопровождаемом поджогами, взрывами, погромами, захватом транспортных средств и т. п. Как нападение нужно также расценивать действия банды, при которых оружие не применялось, а цель нападения была достигнута путем очевидной для потерпевшего угрозы, а равно в случае отсутствия людей в момент нападения на объект, если возможность применения оружия оговаривалась заранее участниками банды.

Нападение банды может быть не только с целью непосредственного завладения имуществом, но и для совершения иных преступлений: убийства, вымогательства, захвата заложников, уничтожения или повреждения чужого имущества и др.

Для квалификации преступлений, совершенных в составе преступной организации, необходимо также установить все ее признаки, при этом если преступная организация состоит из нескольких организованных групп, изначально нужно четко установить признаки каждой конкретной организованной группы, входящей в ее состав.

Преступная организация – это объединение организованных групп либо их организаторов (руководителей), иных участников, сформированное для разработки или реализации мер по осуществлению преступной деятельности либо созданию условий для ее поддержания и развития (ч. 1 ст. 19 УК). Преступная организация – это преступное сообщество, характеризуемое самой высокой степенью организованности и общественной опасности.

Участником преступной организации признается лицо, умышленно принимающее участие в деятельности преступной организации, оказывающее содействие в разработке или реализации мер по осуществлению преступной деятельности или созданию условий для ее поддержания и развития.

Необходимым признаком преступной организации является сохранение организованными группами (бандами), входящими в ее состав, автономности и подчиненности своим руководителям.

В силу высокой степени опасности организованной преступности УК предусматривает особенности ответственности участников организованных групп и преступных организаций.

Лицо, не являющееся участником организованной группы или банды, но принявшее непосредственное участие в совершении какого-либо преступления в их составе, сознавая, что действует совместно с ними,

несет ответственность за совершение преступления организованной группой или бандой. Действия лица, оказавшего содействие преступной деятельности организованной группы или банды, но не входившего в их состав и не принимавшего непосредственного участия в совершенных преступлениях, следует расценивать как пособничество и квалифицировать по ч. 6 ст. 16 УК и соответствующей статье Особенной части УК (п. 8 Постановления от 25 сентября 2003 г. № 9).

В целях пресечения организованной преступной деятельности УК предусматривает освобождение от уголовной ответственности участника преступной организации или банды за участие в такой организации или банде и за совершение в их составе преступлений (за исключением тяжких или особо тяжких преступлений, связанных с посягательством на жизнь или здоровье человека), если он добровольно заявит о существовании преступной организации или банды и будет способствовать их изобличению (ст. 20 УК). Однако организатор (руководитель) преступной организации или банды не освобождается от уголовной ответственности, даже если он добровольно заявит о существовании такой организации или банды и будет способствовать их изобличению.

Специальные вопросы квалификации преступлений, совершенных в соучастии. Выделение самостоятельной группы общественно опасных деяний, совершенных несколькими субъектами преступлений, обусловлено рядом факторов. Во-первых, двойственным подходом законодателя и теорией к определению правовой природы института соучастия (акцессорности и персонификации), что и определило особенности квалификации деяний различных видов соучастников преступления. Во-вторых, совершенствование и развитие форм, видов и способов взаимодействия социальных субъектов, а вслед за этим и взаимодействия в преступной среде, регулируемых традиционно институтом соучастия, свидетельствуют об узости его рамок в современных условиях.

К специальным вопросам квалификации соучастия в преступлении относятся:

– пределы вменения обвинений участникам организованных групп и преступных организаций;

– квалификация неудавшегося соучастия;

– квалификация деяний иных соучастников преступления при эксцессе исполнителя;

– вменение в вину соучастников квалифицирующих признаков;

– квалификация соучастия в преступлении со специальным субъектом.

Пределы ответственности, а следовательно, и квалификации деяний участников организованных групп и преступных организаций установлены ч. 2 ст. 18 и ч. 4 ст. 19 УК. Так, организаторы и руководители организованных групп и преступных организаций несут ответственность за все общественно опасные деяния, совершенные участниками указанных преступных формирований, если они охватывались их умыслом, а также целями и задачами создания этих формирований. Кроме того, согласно ч. 3 ст. 19 УК организаторы и руководители несут ответственность за преступления, совершенные иными лицами, не являющимися участниками преступных формирований, если они действовали по заданию или с согласия названных лиц.

Участники (иные) организованных групп и преступных организаций несут ответственность на основании ч. 2 ст. 18 и ч. 4 ст. 19 УК только за те преступления, в подготовке или совершении которых принимали участие.

Неудавшееся соучастие имеет место в случаях, когда не достигнуты цели по формированию организованной группы или преступной организации, при неудавшемся подстрекательстве или пособничестве. Согласно ч. 8 ст. 16 УК в случае если действия организатора, подстрекателя или пособника по независящим от них обстоятельствам окажутся неудавшимися, ответственность этих лиц наступает за приготовление к соответствующему преступлению. Исключение из этого правила составляют неудавшиеся случаи в отношении преступлений, не представляющих большой общественной опасности, а также неудавшиеся деяния, которые образуют самостоятельное преступление, предусмотренное Особенной частью УК (например, преступления, предусмотренные ст. 285, 288, 293 УК).

Эксцесс исполнителя, т. е. выход исполнителя преступления за пределы сговора с другими соучастниками, квалифицируется на основании общего правила, а также в зависимости от количественной и качественной его классификации. Так, согласно ч. 7 ст. 16 УК при эксцессе исполнителя другие соучастники уголовной ответственности не несут. Однако в случаях если исполнитель реализовал общий замысел преступления и совершил качественный эксцесс, например совершил вместо кражи грабеж, действия исполнителя квалифицируются как грабеж, а действия иных соучастников – как оконченная кража. Если, наоборот, исполнитель совершил мелкую кражу, квалифицированную как административное правонарушение, действия иных соучастников квалифицируются как покушение на совершение кражи.

Как правило, влияние квалифицирующих признаков, присущих личности одного из соучастников, на квалификацию иных соучастников не распространяется. Однако обстоятельства объективного характера, повышающие общественную опасность преступления, совершенные исполнителем, такие как способ совершения преступления, оружие или орудия, используемые при совершении преступления, размер причиненного имущественного ущерба, вменяются другим соучастникам, если они охватывались их умыслом. В равной мере и мотивы, и цели совершения преступления, присущие исполнителю, вменяются в вину другим соучастникам, если они охватывались их умыслом.

Если при квалификации преступления, совершенного в соучастии, один из соучастников обладал признаками специального субъекта, в частности исполнитель, другим соучастникам этот признак не вменяется, их действия могут квалифицироваться только как организаторов, руководителей, подстрекателей или пособников. Однако при квалификации преступлений, совершенных организованной группой, которые не могли быть совершены без участия специального субъекта, соисполнителями могут быть лица, не обладающие данным признаком.

2.3. Квалификация множественности преступлений

Понятие и значение множественности преступлений. Правоприменительная практика часто сталкивается с ситуациями, когда одно лицо совершает несколько преступных деяний. Совершение одним лицом двух деяний и более ставит перед правоприменителем вопросы отграничения единичного преступления от нескольких преступлений и их правильной квалификации.

В действующем уголовном законодательстве не содержится понятия множественности преступлений, хотя УК включает в себя одноименную гл. 7, регламентирующую отдельные формы множественности преступлений.

В теории уголовного права под множественностью преступлений понимают совершение одним лицом двух преступлений и более, каждое из которых признано на момент их оценки самостоятельным единичным преступлением и не утратило своего юридического значения для данного лица.

Множественность преступлений как уголовно-правовое понятие определяется следующими юридическими признаками:

1. Совершение одним лицом двух уголовно наказуемых деяний или более. Множественность преступлений отсутствует, если одно из двух

деяний, совершенных виновным, является правонарушением, не содержащим признаков преступного деяния. Например, не образуют множественности преступлений мелкое хулиганство (административное правонарушение) и злостное хулиганство (преступление).

2. Множественность преступлений составляют лишь такие преступные деяния, каждое из которых содержит признаки самостоятельного состава преступления. Самостоятельность преступного деяния определяется единством его объективных и субъективных признаков. Это означает, что каждое взятое в отдельности деяние должно содержать определенный состав преступления и рассматриваться как единое целое. Составы этих преступлений могут полностью совпадать по своим юридическим признакам, но могут и различаться по объективным либо субъективным свойствам. В таких случаях множественность следует отграничивать от составных единичных преступлений, которые, по сути, представляют собой учтенную законодателем совокупность преступлений (например: кража, совершенная с проникновением в жилище (ч. 2 ст. 205 УК); умышленные уничтожение либо повреждение имущества, повлекшие по неосторожности смерть человека (ч. 3 ст. 218 УК); акт терроризма, сопряженный с убийством человека (ч. 3 ст. 289 УК); и т. п.).

3. Множественность преступлений образуют не менее двух преступлений, каждое из которых является юридически значимым. Это означает, что в множественность входят только преступления, влекущие за собой уголовно-правовые последствия, т. е. по которым не исключается возможность привлечения к уголовной ответственности и осуждения виновного либо не погашена или не снята судимость в установленном законом порядке.

Следует обратить внимание на то, что множественность преступлений будет отсутствовать при установлении обстоятельств, исключающих уголовно-правовое значение деяния: истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 83 УК) или обвинительного приговора (ст. 84 УК), погашение или снятие судимости (ст. 97, 98 УК), освобождение от уголовной ответственности и наказания (ст. 86–89, 95, 96, примечание к ст. 328 УК), имеются процессуальные препятствия, исключающие производство по уголовному делу (ч. 2 ст. 9, ст. 33 УК).

Уголовно-правовое значение множественности преступлений весьма существенно и выражается в различных последствиях, присущих ее формам.

Во-первых, в большинстве составов преступлений содержится квалифицирующий признак в виде совершения преступления повторно

(ч. 2 ст. 350, ч. 3 ст. 295 УК и др.). В этих ситуациях преступление признается совершенным при отягчающих обстоятельствах и влечет за собой более строгую меру ответственности, предусмотренную санкцией конкретного квалифицированного состава преступления, при этом к повторности относится как повторность тождественных преступлений, так и однородная повторность (повторность – совокупность). Так, в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. 166–170 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» (далее – Постановление от 27 сентября 2012 г. № 7) указывается, что для решения вопроса о квалификации действий обвиняемого в изнасиловании или насильственных действиях сексуального характера по признаку повторности следует исходить из положений ч. 14^1 ст. 4 УК. Необходимо иметь в виду, что содеянное подлежит квалификации по ч. 2 ст. 166 или ст. 167 УК независимо от того, был ли обвиняемый осужден за ранее совершенные изнасилование, насильственные действия сексуального характера, являлся исполнителем либо иным соучастником этих преступлений, было ли предыдущее преступление оконченным. Примером однородной повторности является понятие повторного хищения, которое в соответствии с ч. 2 примечаний к гл. 24 УК признается таковым, если ему предшествовало другое хищение или хищение огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ (ст. 294), хищение радиоактивных материалов (ст. 323), хищение наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (ст. 327) или хищение сильнодействующих или ядовитых веществ (ст. 333).

Во-вторых, если преступление совершено лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, и это не учтено при квалификации в качестве квалифицирующего признака конкретного состава преступления, на основании п. 1 ч. 1 ст. 64 УК суд может признать это обстоятельство отягчающим ответственность (ст. 216, 362, 427 УК и др.).

В-третьих, возникновение множественности в действиях лица, совершающего умышленное преступление, влияет на сроки давности привлечения к уголовной ответственности (при множественности в форме повторности или совокупности) и исполнения обвинительного приговора (при любой форме множественности). В соответствии с положениями ч. 3 ст. 83, ч. 3 ст. 84 УК течение сроков давности прерывается, если до истечения таких сроков лицо совершит новое умышленное преступление.

В-четвертых, наличие в действиях лица множественности преступлений является обстоятельством, препятствующим освобождению виновного от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 86, ч. 1 ст. 88, ст. 89 УК), а наличие множественности в форме совокупности или рецидива также влияет на решение вопросов об освобождении от наказания (ст. 90 УК и др.) и о применении иных мер уголовной ответственности (ст. 78, 80, ч. 2 ст. 98 УК).

В-пятых, при назначении наказания по совокупности преступлений, а также при наличии множественности в форме рецидива преступлений применяется особый порядок (ст. 65, 72, 73 УК).

В-шестых, наличие или отсутствие множественности в форме рецидива непосредственно влияет на условия отбывания лицом наказания в виде лишения свободы (ст. 57 УК).

Отграничение множественности преступлений от единичного (сложного) преступления. В процессе квалификации необходимо отграничивать множественность преступлений от некоторых разновидностей сложных единичных преступлений.

Для сложных преступлений характерна множественность объективных либо субъективных признаков: несколько объектов, деяний, последствий, форм вины и т. п. К сложным преступлениям относят преступления с двумя действиями, преступления, квалифицируемые наличием дополнительных тяжких последствий, преступления с альтернативными действиями или последствиями, составные преступления, длящиеся преступления, продолжаемые преступления, преступления, в основе которых лежат неоднократные или систематические действия. При правовой оценке таких деяний необходимо установить общность определяющих их признаков и их предусмотренность одним составом преступления:

1. Преступление, слагающееся из двух разнородных действий. Примером такого преступления является угон транспортного средства или маломерного судна (ст. 214 УК). Это преступление состоит из двух объединенных действий: неправомерного завладения предметом преступления и поездки на нем без цели хищения. Лишь в совокупности эти действия образуют состав оконченного преступления. Совершение одного действия при установлении умысла на поездку образует признаки покушения на угон. Наличие цели на завладение транспортным средством или водным судном указывает на признаки хищения имущества. Неправомерное завладение транспортным средством и поездка на нем в сочетании с похищением предметов, находящихся в транспортном сред-

стве, его узлов или деталей, образуют признаки совокупности угона и хищения имущества.

2. Преступление, квалифицируемое наличием дополнительных тяжких последствий. Например, умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 3 ст. 147 УК). Данный состав, по сути, объединяет два преступления, которые могут быть определены как обособленные (умышленное причинение тяжкого телесного повреждения и причинение смерти по неосторожности). Однако внутреннее единство и причинно-следственная связь определяют их как сложное единичное преступление.

3. Преступления с альтернативными действиями (последствиями). При такой конструкции состава совершение каждого из указанных в законе действий (бездействия) является достаточным для признания состава оконченного преступления. Совершение нескольких действий из числа описанных в законе также образует признаки одного состава преступления (например, незаконные приобретение, хранение и сбыт взрывных устройств квалифицируются по ч. 2 ст. 295 УК).

4. Составными признаются преступления, слагающиеся из нескольких разнородных действий, каждое из которых, взятое отдельно, содержит состав самостоятельного преступления. Единое составное преступление представляет более высокую степень общественной опасности, чем каждое из заложенных в него отдельных преступлений. По-другому такие преступления можно оценивать как учтенную законодателем совокупность преступлений. Например, к составным преступлениям можно отнести разбой (ст. 207 УК), который состоит в открытом завладении имуществом (ст. 206 УК) и применении насилия, опасного для жизни или здоровья (ст. 147 УК), или угрозы его применения (ст. 186 УК).

5. Преступления, в основе которых лежат неоднократные или систематические действия. К ним относятся преступления, которые складываются из ряда эпизодов, каждый из которых в отдельности образует не преступление, а иное правонарушение – административный или дисциплинарный проступок. Так, ответственность за истязание (ст. 154 УК) наступает в случае систематического (более двух раз) нанесения побоев.

К этой же группе относятся преступления с административной или дисциплинарной преюдицией. Административная и дисциплинарная преюдиция означает, что лицо может быть привлечено к уголовной ответственности только в том случае, если за ранее совершенное деяние это лицо привлекалось соответственно к административной или дисциплинарной ответственности и вновь в течение года совершило такое же

нарушение (ст. 32 УК). Примерами таких преступлений являются управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования) (ст. 317^1 УК). Для наличия состава данных преступлений необходимо совершение действий, образующих объективную сторону в течение года после наложения мер административного взыскания за такое же нарушение.

6. К продолжаемым преступлениям можно отнести преступления, которые складываются из ряда последовательно совершаемых тождественных действий, направленных к общей цели и объединенных единым преступным намерением. Например, если лицо, работающее на сборке телевизоров, выносит с завода детали с целью собрать и реализовать телевизор, такие действия оцениваются как единичное тайное хищение.

7. Длящиеся преступления характеризуются тем, что после совершения определенного деяния виновный в течение какого-то времени не выполняет обязанностей, вытекающих из закона. Таковым, например, является незаконное хранение огнестрельного оружия (ч. 2 ст. 295 УК).

Указанное деление сложных преступлений на виды имеет условный характер, так как в преступлениях, относящихся к составным, нередко имеются признаки преступления, квалифицируемого наличием дополнительных тяжких последствий (ч. 3 ст. 339 УК), а в преступлениях с альтернативными действиями – признаки длящегося преступления (ст. 129 УК) и т. п.

Особенности квалификации преступлений с учетом формы множественности. Для правовой оценки различных ситуаций множественности преступлений и отграничения множественности от сложных единичных преступлений необходим комплексный анализ содеянного с позиций самых разных институтов уголовного права – от понятия и признаков преступления до стадий и соучастия, а также правил квалификации при конкуренции норм.

В процессе квалификации множественности преступлений необходимо решение следующих задач:

– определение наличия или отсутствия множественности преступлений;

– определение формы множественности преступлений;

– выделение в структуре множественности единичных преступлений и их правовая оценка с учетом формы множественности преступлений.

На основе анализа законодательных положений есть основания выделять в действующем УК три формы множественности преступлений: повторность преступлений (ч. 14^1 ст. 4 УК), совокупность преступлений (ст. 42 УК), рецидив преступлений (ст. 43 УК).

Квалификация преступлений, совершенных повторно. Согласно ч. 14^1 ст. 4 УК под преступлением, совершенным повторно, понимается преступление, совершенное лицом, ранее совершившим какое-либо из преступлений, предусмотренных одной и той же статьей либо статьями, специально оговоренными (указанными) в Особенной части УК.

В случаях когда при совершении нескольких преступлений одного и того же вида имеется необходимость отражения в квалификации стадии неоконченного преступления или вида соучастника, на основании положений действующего УК можно констатировать наличие сочетания совокупности и повторности преступлений. Например, в случае если лицо совершило покушение на кражу, а затем в течение срока давности уголовного преследования совершило оконченную кражу, согласно действующей редакции ч. 1 ст. 42 УК имеет место совокупность преступлений. Вместе с тем в соответствии с правовой природой повторности и положениями ч. 14^1 ст. 4 УК в указанной ситуации совершение оконченного преступления следует признавать повторным.

Квалификация совокупности преступлений. Понятие совокупности дано законодателем в ч. 1 ст. 42 УК, в соответствии с которой совокупностью преступлений признаются совершение двух преступлений или более, предусмотренных различными статьями Особенной части УК либо разными частями одной и той же статьи, а равно совершение преступлений, предусмотренных одной и той же статьей Особенной части УК, из которых одни квалифицируются как оконченное преступление, а другие – как приготовление, покушение или соучастие в преступлении, ни за одно из которых лицо не было осуждено.

При совокупности преступлений осуществляется квалификация каждого входящего в нее деяния, и лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление.

Некоторые особенности квалификации имеют место в зависимости от конкретного вида совокупности преступлений: реальной или идеальной.

При реальной совокупности лицо последовательно совершает несколько деяний, разделенных между собой промежутком времени, каждое из которых представляет собой самостоятельное преступление (например, лицо совершило изнасилование (ч. 1 ст. 166 УК), а затем кражу денег у потерпевшей (ст. 205 УК)).

При идеальной совокупности лицо одним деянием совершает несколько преступлений, предусмотренных различными статьями Особенной части УК (например, лицо путем поджога частного дома совершает убийство потерпевшего. Его действия подлежат оценке как убийство (п. 5 ч. 2 ст. 139 УК) и умышленное уничтожение чужого имущества (ч. 2 ст. 218 УК)).

Преступления, образующие идеальную совокупность, объединены некоторыми общими признаками. У них общий субъект, полностью либо частично совпадают преступные деяния, образующие объективную сторону. Разграничение преступлений, образующих идеальную совокупность, проводится по объекту посягательства, общественно опасным последствиям, признакам субъективной стороны.

Чаще всего идеальная совокупность имеет место, когда последствия направлены против разных объектов (например, убийство в процессе разбойного нападения) либо, хотя и поражают один объект, но характеризуются различными формами вины (совокупность умышленного причинения тяжкого телесного повреждения и причинения смерти по неосторожности, ставшей результатом падения потерпевшего). Однако следует учитывать, что если объект преступления и форма вины в обоих преступлениях совпадают, идеальная совокупность отсутствует и следует вести речь о поглощении одного состава преступления другим (например, причинение тяжкого телесного повреждения в процессе убийства является только способом убийства, не образует вместе с ним идеальную совокупность преступлений и должно квалифицироваться только как покушение на убийство (ч. 1 ст. 14, ч. 1 ст. 139 УК).

По однородности совершаемых деяний совокупность преступлений может быть однородной и неоднородной.

Неоднородная совокупность имеет место при совершении двух преступлений и более, ответственность за которые предусмотрена различными статьями Особенной части УК.

Однородная совокупность налицо в следующих ситуациях:

– когда совершаются два преступления и более, предусмотренные разными частями одной статьи (например, в одной ситуации лицо совершает кражу с проникновением в жилище (ч. 2 ст. 205 УК), а в другой – кражу в крупном размере (ч. 3 ст. 205 УК));

– когда совершенное преступление является в одном случае оконченным, а в другом – неоконченным таким же преступлением (например, лицо совершает надругательство над трупом или могилой (ч. 1 ст. 347 УК) и покушение на совершение такого же преступления (ч. 1 ст. 14 и ч. 1 ст. 347 УК));

– когда в одном случае лицо являлось исполнителем преступления, а в другом – иным соучастником такого же преступления (например, лицо единолично допустило жестокое обращение с животным (ч. 1 ст. 339[1] УК), а позднее явилось пособником совершения такого же преступления путем предоставления орудия преступления (ч. 6 ст. 16, ч. 1 ст. 339[1] УК)).

Если преступление предусмотрено различными статьями Особенной части УК, из которых одна норма является общей, а другая – специальной, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность согласно ч. 2 ст. 42 УК наступает по специальной норме. В связи с этим для правильной квалификации преступлений важное значение имеет отграничение совокупности преступлений от случаев, когда одно из совершенных преступлений является согласно закону обязательным признаком состава другого преступления, т. е. может быть способом, средством, квалифицирующим признаком или этапом (стадией) другого (более тяжкого) преступления.

К обязательным признакам состава преступления законодатель нередко относит способ совершения преступления, при этом способ сам по себе может предусматриваться законом и в качестве самостоятельного преступления. В подобных случаях возможны различные варианты квалификации преступлений.

В одних случаях способ, являющийся признаком состава преступления, дополнительной квалификации не требует. Так, в п. 23 Постановления от 16 декабря 2004 г. № 12 указано, что если совершенное должностным лицом преступление предусмотрено в качестве признака преступления, не входящего в гл. 35 УК, такое лицо должно нести ответственность по специальной норме. Дополнительной квалификации его действий по статьям уголовного закона, предусматривающим ответственность за преступления против интересов службы, не требуется. Соответственно, ст. 210 «Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями» УК не образует совокупности со ст. 424 «Злоупотребление властью или служебными полномочиями» УК.

В случаях когда способ, будучи самостоятельным преступным деянием, не является признаком другого состава преступления, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений. Уклонение родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении (ст. 174 УК), образует совокупность в случае подделки документов (ст. 380 УК).

В иных случаях, если способ более общественно опасен, нежели само преступление, признаком которого он является, содеянное следует

квалифицировать по совокупности преступлений. Так, причинение тяжких телесных повреждений в ходе сопротивления сотруднику органов внутренних дел или иному лицу, охраняющему общественный порядок, требует квалификации по совокупности преступлений (ч. 2 ст. 363 и соответствующая часть ст. 147 УК).

Высказанные соображения относительно способа преступления в полной мере распространяются на те случаи, когда одно преступление выступает в качестве средства совершения другого самостоятельного преступления. Так, не требуется квалификации по совокупности, если одно преступление является квалифицирующим признаком другого, более тяжкого преступления. Например, изнасилование, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, либо причинение тяжких телесных повреждений, либо иные указанные в законе тяжкие последствия, следует квалифицировать только по ч. 3 ст. 166 УК. Дополнительной квалификации по нормам, предусматривающим ответственность за преступления против жизни и здоровья, не требуется.

Если одно преступление является этапом, стадией в совершении другого преступления, содеянное образует совокупность (кроме случаев поглощения менее общественно опасного однородного посягательства более общественно опасным). Например, приобретение оружия как приготовление к убийству квалифицируется по ч. 2 ст. 295 и ч. 1 ст. 13, ч. 1 или 2 ст. 139 УК.

Если же одно преступление является результатом, средством для сокрытия другого преступления, налицо реальная совокупность. Например: поджог дома с целью сокрытия убийства (ст. 218 и 139 УК), служебный подлог с целью сокрытия совершенного хищения путем злоупотребления властью или служебными полномочиями (ст. 427 и 210 УК).

При квалификации многообъектных преступлений совокупность появляется в том случае, если реально причиненный вред дополнительному объекту превышает тот вред, который предусмотрен статьей, предусматривающей ответственность за составное или многообъектное преступление. В связи с этим, например, ответственность должна наступать по совокупности преступлений при совершении убийства в процессе разбоя и т. п.

Правильная квалификация совокупности преступлений требует также понимания правил разрешения конкуренции норм с основными, квалифицированными и привилегированными признаками (подробнее в параграфе 1.6 настоящего пособия).

Квалификация преступлений при наличии признаков рецидива. Рецидив преступлений является наиболее опасной формой множественно-

сти, поскольку его сущность проявляется в стойком нежелании лица, совершившего умышленное преступление, становиться на путь исправления. Именно поэтому рецидив преступлений влечет более строгое наказание на основании и в пределах, установленных УК (ч. 5 ст. 43 УК).

Следует обратить внимание на положение, закрепленное ч. 4 ст. 43 УК, о том, что судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до 18 лет, а также судимости, снятые или погашенные в установленном порядке, не учитываются при признании рецидива преступлений.

По степени общественной опасности различают простой, опасный и особо опасный виды рецидива (ч. 2 и 3 ст. 43 УК). В зависимости от характера совершенных преступлений в юридической литературе выделяют общий, специальный и пенитенциарный рецидивы. Наличие общего или пенитенциарного рецидива не влияет на квалификацию. В то же время специальный рецидив в одних случаях может охватываться квалифицирующим признаком конкретной части статьи Особенной части УК, регламентирующей ответственность за совершение преступления повторно, а в других – образовывать самостоятельный квалифицирующий признак. Например, ответственность за дачу взятки лицом, ранее судимым за указанное преступление, предусмотрена ч. 3 ст. 431 УК. Аналогичный квалифицирующий признак содержится в ч. 2 ст. 154, ч. 3 ст. 174, ч. 2 ст. 233 УК и др.

2.4. Особенности правовой оценки содеянного при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния

Общие положения. К обстоятельствам, исключающим преступность деяния, относятся ситуации, предусмотренные уголовным законом, при возникновении которых причинение существенного вреда правоохраняемым объектам признается правомерным, вследствие чего совершенное деяние не считается преступным. Правовая регламентация условий правомерности причинения вреда при наличии таких обстоятельств осуществляется гл. 6 «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» УК, в которой перечислены следующие виды обстоятельств, исключающих преступность деяния: необходимая оборона (ст. 34), задержание лица, совершившего преступление (ст. 35), крайняя необходимость (ст. 36), пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию (ст. 38), деяние, связанное с риском (ст. 39), исполнение приказа или распоряжения (ст. 40).

Наличие в уголовном законе данных обстоятельств имеет большое значение для правоприменительной деятельности, а также следственной и судебной практики. Их реализация позволяет активизировать борьбу с преступностью не только определенной реакцией государства на совершенные уголовно наказуемые деяния, но и вовлечь в это неопределенный круг граждан. Положения гл. 6 УК помогают разграничить преступное и непреступное поведение, что повышает правовые гарантии для тех граждан, которые в общественно полезных целях причиняют вред.

Законодателем, судебной практикой и доктриной уголовного права выработаны условия правомерности (критерии допустимости) причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, а соответствующими нормами уголовного закона предусмотрена ответственность за их нарушение. Такие условия подробно проанализированы в учебной и научной литературе. В силу этого в рамках данного учебника акцент сделан на особенностях квалификации нарушений условий правомерности причинения вреда при наличии каждого обстоятельства, исключающего преступность деяния, в отдельности.

Квалификация нарушений условий правомерности причинения вреда при необходимой обороне. Условия правомерности необходимой обороны достаточно полно изучены наукой уголовного права и закреплены ст. 34 УК. Так, посягательство должно быть общественно опасным, наличным и действительным (реальным); защищаются жизнь, здоровье, собственность и жилище обороняющегося или другого лица, их права, а также интересы общества или государства; вред причиняется посягающему, а не третьим лицам; не должно быть допущено превышения пределов необходимой обороны.

Соответственно, необходимая оборона возможна только от общественно опасных посягательств, которые предусмотрены Особенной частью УК. Следует отметить, что необходимость защиты возникает не от любого деяния, а от того, которое подпадает под понятие «посягательство», т. е. от такого действия, в результате которого может быть немедленно причинен существенный вред правоохраняемым интересам.

В уголовном праве необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния, недопустима для защиты от административного правонарушения или малозначительного деяния, не обладающего общественной опасностью, присущей преступлению. В случае причинения вреда в подобных ситуациях лицо подлежит ответственности на общих основаниях в зависимости от наступивших последствий.

Аналогичным образом решается вопрос и в случае отсутствия признака наличности. По общему правилу, наличность посягательства признается в трех случаях:

– на момент защиты посягательство уже началось, но еще не закончилось;

– существует реальная угроза нападения;

– посягательство уже закончилось, но обороняющемуся не был ясен момент его окончания.

Соответственно, прекращение посягательства должно определяться моментом не юридического, а фактического окончания.

В случае если вред нападавшему лицу был причинен после того как посягательство было предотвращено, пресечено или окончено и в защитных действиях явно отпала необходимость, что сознавалось оборонявшимся лицом, совершенные действия не могут быть признаны правомерными. В данной ситуации в зависимости от наступивших последствий и иных обстоятельств дела действия оборонявшегося необходимо квалифицировать на общих основаниях. С целью объективной оценки всех обстоятельств правоприменителю следует выяснить, не совершены ли они оборонявшимся лицом в состоянии аффекта, который явился следствием внезапности общественно опасного посягательства.

Провокация необходимой обороны, т. е. преднамеренное создание угрозы правоохраняемому интересу с целью получения повода для причинения вреда другому лицу, должна квалифицироваться как соответствующее умышленное преступление.

Состояние необходимой обороны может возникать только в том случае, если в действительности осуществляется общественно опасное посягательство. Если посягательство существует только в воображении лица, оборона от него признается мнимой.

Законодатель в ст. 37 УК определил правила уголовно-правовой оценки мнимой обороны.

Во-первых, в тех случаях, когда сложившаяся обстановка давала достаточные основания полагать, что совершается реальное посягательство, и лицо, причинившее вред, не сознавало и не могло сознавать ошибочность своего предположения, его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны.

Во-вторых, если лицо превысило пределы защиты, допустимой в данных условиях, оно подлежит уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны.

В-третьих, если в сложившейся обстановке лицо должно было и могло сознавать ошибочность мнимого посягательства, оно подлежит уголовной ответственности за причинение вреда по неосторожности.

На общих основаниях привлекается к ответственности лицо при причинении вреда вследствие чрезмерной мнительности и ничем не обоснованной подозрительности лица. В таких случаях положения ст. 37 УК не применяются.

Сущность и направленность посягательства предполагают, что при необходимой обороне вред должен быть причинен только посягающему лицу. Если лицо при отражении посягательства причиняет вред посторонним гражданам, его действия в зависимости от обстоятельств происшедшего могут быть квалифицированы как неосторожное преступление либо оценены как казус. Это зависит от объективного и субъективного критериев небрежности. Если в сложившейся обстановке лицо должно было и могло предвидеть возможность поражения посторонних, имеет место неосторожное причинение вреда. Если не должно было или не могло предвидеть – невиновное причинение вреда (случай).

В случае группового посягательства правомерным является причинение вреда, равнозначного характеру действий всей группы, как одному из нападающих, так и нескольким лицам одновременно.

При правовой оценке причиненного вреда с использованием технических средств должны приниматься во внимание общие условия правомерности необходимой обороны. Вред, который могут причинить технические средства, должен соответствовать ценности охраняемого блага. В случае если причиненный техническими средствами вред явно не соответствует характеру и опасности посягательства, содеянное надлежит квалифицировать как превышение пределов необходимой обороны.

Недопустимо устанавливать такие технические средства, изготовление, приобретение или хранение которых образует самостоятельный состав преступления. Лицо, установившее такие технические средства, подлежит ответственности даже в том случае, если причинение вреда признается правомерным, осуществляемым в рамках необходимой обороны. Превышение пределов необходимой обороны следует квалифицировать по совокупности преступлений.

Технические средства могут быть установлены только в тех местах, где исключается возможность поражения посторонних лиц. Причинение вреда постороннему лицу в таких условиях должно оцениваться на общих основаниях.

Законодатель определил пределы правомерности необходимой обороны через определение их превышения. В соответствии с ч. 3 ст. 34 УК

превышением пределов необходимой обороны признается явное для обороняющегося лица несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, когда посягающему без необходимости умышленно причиняется смерть или тяжкое телесное повреждение. Таким образом, простое, т. е. не явное (не чрезмерное) несоответствие не образует превышения необходимой обороны, так как закон разрешает в состоянии необходимой обороны причинить посягающему вред, который может быть меньшим, равным или большим, чем тот, который угрожает.

Соответственно, чем выше ценность защищаемого блага, тем больший вред может быть причинен посягающему. Например, при пресечении преступления, угрожающего жизни человека, допустимо лишение жизни посягающего. При защите от разбойного нападения или изнасилования обороняющийся вправе причинить не только тяжкое телесное повреждение посягающему, но и смерть. Очевидно, что и здоровье (при разбойном нападении), и объекты преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы являются менее важными, чем жизнь. Однако между ними нет явного несоответствия.

Причинение вреда в обстановке превышения пределов необходимой обороны существенно снижает общественную опасность совершенного обороняющимся преступления. В связи с этим в Особенной части УК законодатель предусмотрел специальные составы преступлений при смягчающих обстоятельствах: убийство при превышении пределов необходимой обороны (ст. 143) и умышленное причинение тяжкого телесного повреждения при превышении пределов необходимой обороны (ст. 152), значительно снизив за них наказания. Причинение менее тяжкого или легкого телесного повреждения при превышении пределов необходимой обороны уголовной ответственности не влечет, как и причинение вреда по неосторожности.

При решении вопроса о наличии или отсутствии в деянии обороняющегося признаков превышения пределов необходимой обороны судам следует учитывать в совокупности следующие обстоятельства:

– объект посягательства;

– характер посягательства и избранный посягающим лицом способ достижения результата, тяжесть последствий, которые могли наступить в случае окончания посягательства;

– обстановку посягательства (время, место), предшествовавшие посягательству события, неожиданность посягательства, число лиц, посягающих и обороняющихся, наличие оружия у сторон или предметов, использовавшихся в качестве оружия;

– физическое и психическое состояние посягающего и обороняющегося, а также их половозрастные признаки;

– обстоятельства, которые могли повлиять на соотношение сил посягающего и обороняющегося лица.

Ответственность за превышение пределов необходимой обороны наступает в том случае, когда по делу будет установлено, что обороняющийся сознавал, что причиняет вред, который не был необходим для защиты от общественно опасного посягательства. Все возникающие сомнения относительно осознания лицом факта наличия явного несоответствия защиты характеру и опасности посягательства должны толковаться в пользу обороняющегося лица.

При оценке действий обороняющегося следует учитывать его эмоциональное состояние, которое не дает ему возможности объективно оценить происходящее и рассчитать допустимую степень ответных действий, на что неоднократно обращали внимание теоретики и практики. В силу этого законодатель обоснованно в мае 2021 г. дополнил ст. 34 УК положением о том, что не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить характер и опасность последнего.

Квалификация нарушений условий правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. Руководствуясь ст. 35 УК, теория и практика выработали ряд условий, характеризующих возникновение права на причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние:

– задерживать лицо, совершившее общественно опасное деяние, может любой гражданин, в том числе и специально уполномоченное на то лицо;

– задерживается лицо, которое совершило не преступление, а общественно опасное деяние (данную новеллу законодатель внес в мае 2021 г.);

– задержание происходит своевременно;

– вред причиняется с целью передачи задерживаемого органам власти и пресечения возможности совершения им новых общественно опасных деяний;

– вред причиняется только в том случае, если лицо, совершившее общественно опасное деяние, пытается или может скрыться от следствия или суда;

– вред причиняется вынужденно;

– при причинении вреда не должно быть допущено превышения мер, необходимых для задержания этого лица.

Так, правом на задержание лица, совершившего общественно опасное деяние, обладают все граждане, в том числе и потерпевшие. Для отдельных категорий граждан (например, сотрудников органов внутренних дел) задержание лица, совершившего общественно опасное деяние, – служебная обязанность, неисполнение или ненадлежащее исполнение которой может стать основанием для квалификации такого рода поведения как соответствующего преступления против интересов службы.

Определенное представление о том, кто может признаваться таким лицом, дает ст. 108 УПК, в которой указаны уголовно-процессуальные основания задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления. Вместе с тем задерживающий, не имеющий юридических знаний, в большинстве случаев не в состоянии дать правильную уголовно-правовую оценку совершенному деянию. Кроме того, он может не знать о невменяемости задерживаемого или о том, что последний не достиг возраста уголовной ответственности. Соответственно, правовая оценка действий лица, причинившего вред при задержании, должна даваться в соответствии с правилами, предусмотренными ст. 37 УК, в числе которых наряду с ошибкой в юридических признаках, характеризующих лицо, совершившее общественно опасное деяние, признается ошибка в юридических признаках содеянного им.

Если лицо вследствие заблуждения считало, что осуществляет задержание лица, совершившего общественно опасное деяние, но по обстоятельствам дела не должно было или не могло сознавать своего заблуждения, его действия приравниваются к правомерному задержанию при соблюдении иных условий, предусмотренных ст. 35 УК. Если в сложившейся обстановке лицо должно было и могло сознавать свою ошибку, оно подлежит ответственности за причинение вреда по неосторожности.

Определение временных пределов права на причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние, непосредственно не вытекает из содержания ст. 35 УК, однако обязательно должно учитываться в практике. Оно связано с установлением временно́го промежутка, прошедшего после совершения общественно опасного деяния, в течение которого сохраняется возможность правомерного причинения вреда. В этом случае, как и при необходимой обороне, необходимо выделить начальный и конечный моменты. Первый определяется моментом совершения общественно опасного деяния, включая все его

стадии. Вместе с тем ст. 13 УК не признает преступным приготовление к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, вследствие чего оно не может выступать основанием причинения вреда лицам, их совершившим.

Сложнее в данном аспекте определить конечный момент, по истечении которого исключается возможность правомерного причинения вреда преступнику. Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой задержание ограничивается истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности, при этом с течением времени может снижаться (или устраниться) степень общественной опасности совершенного деяния или личности преступника. Следовательно, объем вреда должен быть ограничен в зависимости от того, какое время прошло с момента совершения преступления.

Целью задержания являются доставление задерживаемого в органы власти и пресечение возможности совершения им новых общественно опасных деяний. Лицо, причинившее вред с другой целью (например, из мести за оказанное сопротивление), должно отвечать за свое противоправное поведение на общих основаниях.

Кроме того, причинение вреда допустимо лишь в том случае, если задерживаемое лицо пытается или может скрыться от следствия или суда. Если лицо, совершившее запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние, не скрывается и нет веских оснований полагать, что это лицо может скрыться от следствия или суда, причинение ему вреда недопустимо даже при неправомерном поведении (оскорбление, крики и т. п.) и влечет уголовную ответственность на общих основаниях.

Вынужденный характер причинения вреда лицу, совершившему общественно опасное деяние, означает, что у лица, задерживающего преступника, нет возможности осуществить ненасильственное задержание. В случае если задерживаемый оказывает активное сопротивление, сопряженное с угрозой для жизни или здоровья задерживающих, у последних возникает право на необходимую оборону и причинение вреда должно оцениваться в соответствии со ст. 34 УК.

Одним из обязательных условий, предусмотренных ст. 35 УК, является отсутствие превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего общественно опасное деяние. Под превышением таких мер признается их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом общественно опасного деяния и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой

вред. В данном случае необходимо иметь в виду, что превышение мер, необходимых для задержания преступника, влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного лишения жизни либо причинения тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения.

Вред, причиняемый лицу, совершившему общественно опасное деяние, при его задержании, во-первых, должен соответствовать характеру и степени общественной опасности совершенного лицом общественно опасного деяния. Чем выше категория общественно опасного деяния, тем больший вред допустим при задержании лица, его совершившего. Недопустимо, например, причинение тяжкого телесного повреждения при задержании лица, совершившего менее тяжкое или не представляющее большой общественной опасности преступление.

Во-вторых, причиняемый вред должен соответствовать обстоятельствам задержания. Под такими обстоятельствами следует понимать реально складывающуюся обстановку в конкретных условиях места и времени задержания.

Дискуссионным является вопрос о допустимости лишения жизни задерживаемого лица. Некоторые авторы категорически отрицают возможность лишения жизни задерживаемого, аргументируя это тем, что при лишении жизни устраняется такое условие правомерности, как цель задержания (т. е. цель передачи органам власти для установления вины и осуществления правосудия). Вместе с тем судебная практика в некоторых случаях не признавала преступлением причинение смерти задерживаемому лицу при совершении им тяжкого или особо тяжкого преступления.

Следует обратить внимание на то, что признаком наказуемого превышения необходимых для задержания мер является причинение задерживаемому явно чрезмерного, не вызываемого обстановкой вреда. Уголовный закон подчеркивает, что ответственность за превышение необходимых для задержания мер наступает лишь в случаях убийства (ст. 142 УК) либо умышленного причинения тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения (ст. 151 УК). Неосторожное причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние, уголовной ответственности не влечет.

В рамках изучения вопроса о превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего общественно опасное деяние, особое внимание необходимо уделить вопросу разграничения ст. 142, 151 и 426 УК. Убийство или умышленное причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения, совершенные должностным лицом

при превышении мер, необходимых для задержания соответствующего лица, должны квалифицироваться по ст. 142 или 151 УК. Привлечение данных лиц к ответственности за превышение власти или служебных полномочий в таких случаях повлечет более строгую уголовную ответственность должностных лиц по сравнению с гражданами, что не совсем согласуется с требованиями по задержанию, которые должны быть одинаковы для всех.

Квалификация нарушений условий правомерности причинения вреда при крайней необходимости. Согласно ст. 36 УК к условиям правомерности причинения вреда в состоянии крайней необходимости относятся:

– существование самого источника опасности;

– наличность опасности и ее действительность (реальность);

– наличие объектов защиты – личность, права и законные интересы данного лица или других лиц, интересы общества или государства;

– цель – предотвращение или устранение опасности, угрожающей вышеуказанным объектам;

– причинение вреда, как правило, третьим лицам;

– отсутствие возможности устранения опасности иными средствами и соразмерность вреда.

Провокация крайней необходимости, т. е. преднамеренное создание угрозы правоохраняемому интересу с целью получения повода для причинения вреда, должна квалифицироваться как соответствующее умышленное преступление.

Общепринятой является точка зрения, согласно которой к источникам опасности относятся:

– общественно опасное поведение человека;

– действия стихийных сил природы, создающих опасность для жизни и здоровья людей или повреждения их имущества;

– неисправность техники;

– поведение животных и др.

Наличность опасности при крайней необходимости сходна с одноименным признаком правомерности необходимой обороны, однако действующее законодательство не содержит положений, четко регламентирующих ее временные пределы. Законодатель, используя термин «угрожающей» для характеристики опасности в ст. 36 УК, подразумевает не что иное, как реальную возможность причинения вреда личности, интересам общества или государства. Соответственно, начальный момент крайней необходимости связан с тем, что правоохраняемый

интерес поставлен в непосредственную опасность и промедление с защитой этого интереса грозит причинением ему существенного вреда. Конечный момент существования опасности определяется прекращением угрозы правоохраняемым интересам (например, авария предотвращена) либо ее реализацией (например, пожар уничтожил имущество). В связи с этим как миновавшая, так и будущая опасность не создают состояния крайней необходимости, а лицо, причинившее вред, подлежит ответственности на общих основаниях. Вопросы о том, возникло ли состояние крайней необходимости и не наступил ли ее конечный момент, следует решать как с точки зрения субъективного представления лица, причиняющего вред, так и основываясь на объективных данных.

Следующим условием является реальное существование опасности в объективной действительности. Устранение лицом опасности, существующей только в воображении лица, не существующей в объективной действительности, принято называть мнимой крайней необходимостью.

Правовые последствия ошибки в наличии крайней необходимости определяются ст. 37 УК. Если лицо вследствие заблуждения не сознавало и по обстоятельствам дела не должно было или не могло сознавать отсутствие опасности, его деяния приравниваются к правомерному состоянию крайней необходимости. Если в сложившейся обстановке лицо должно было и могло сознавать отсутствие опасности, оно подлежит ответственности за причинение вреда по неосторожности.

Круг объектов защиты при крайней необходимости достаточно широк. Это могут быть жизнь, здоровье, свобода, собственность данного лица или других лиц, интересы общества или государства. Не может возникать право на причинение вреда при защите малоценного имущества, и виновный в этом случае подлежит ответственности на общих основаниях.

Самостоятельным условием правомерности причинения вреда в состоянии крайней необходимости является наличие у лица цели предотвращения или устранения опасности. Ее выделение предполагает наличие признаков, характеризующих психическое отношение лица к своему деянию. Соответственно, лицо, находящееся в состоянии крайней необходимости, должно быть вменяемым, а его действия должны быть волевыми и осознанными.

Отсутствие возможности устранения опасности иными средствами как условие правомерности причинения вреда раскрывает сущность «крайности» необходимости – вред причиняется вынужденно. Наличие возможности устранить угрожающую опасность средствами, не

связанными с причинением вреда (попросить помощи у окружающих, обратиться в органы власти и т. д.), исключает возможность признания правомерным причинение вреда.

При крайней необходимости вред причиняется, как правило, третьим лицам, т. е. интересам лиц, не виновных в создании опасности. Однако он может быть причинен и тому, кто создал опасность. Например, когда с целью предотвращения наезда на лицо, нарушающее правила дорожного движения, повреждается его транспортное средство, припаркованное на обочине.

Крайняя необходимость лишь тогда устраняет общественную опасность и преступность деяния, когда причиненный вред менее значительный, чем предотвращенный. Данное условие обусловлено тем, что вред причиняется, как правило, лицам, не причастным к возникновению опасности. Причинение вреда, равного предотвращенному, уже является нарушением условий правомерности и влечет уголовную ответственность.

В указанном аспекте дискуссионным остается вопрос о признании состояния крайней необходимости, если в результате спасена жизнь одного человека за счет гибели другого. Сознавая многоаспектный характер рассматриваемой проблемы с точки зрения социально-нравственных позиций, следует отметить, что, защищаясь от смертельной опасности, лицо лишено права жертвовать другим человеком. Это обусловлено и требованием законодателя причинить менее значительный вред, чем предотвращенный. Соответственно, в ситуации спасения собственной жизни за счет причинения смерти другому лицо должно признаваться виновным и нести уголовную ответственность.

Нарушение условий правомерности крайней необходимости влечет за собой уголовную ответственность на общих основаниях, но в соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 63 УК является обстоятельством, смягчающим ответственность.

Согласно ст. 936 Гражданского кодекса Республики Беларусь вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, подлежит возмещению. Суд в зависимости от обстоятельств причинения вреда может возложить обязанность его возмещения на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или частично как это третье лицо, так и лицо, причинившее вред.

Квалификация нарушений условий правомерности причинения вреда при пребывании среди соучастников по специальному заданию. Допустимость причинения вреда лицом, выполняющим спе-

циальное задание, при пребывании среди соучастников преступления закреплена ч. 1 ст. 38 УК. При реализации положений данной нормы специальным заданием признается тщательно разработанная на основе действующего законодательства совокупность оперативных мер, осуществляемых негласно, в целях предупреждения, выявления или пресечения преступления, а также выявления и установления соучастников этого преступления.

Соответственно, лицо пребывает среди соучастников преступления в соответствии с законодательством. Это означает, что для оперативного внедрения необходима правовая основа, которой являются: Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об оперативно-розыскной деятельности), Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Закон об органах внутренних дел Республики Беларусь), законы об иных государственных органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ОРД), а также ведомственные нормативные правовые акты, в которых определяется как общий порядок организации ОРД, так и особенности оформления оперативного внедрения и выполнения специального задания. Следует отметить, что указание в ст. 38 УК на соблюдение законодательства требует еще более тщательного соблюдения предусмотренных требований. В этой связи причинение вреда при осуществлении специального задания, обусловленного нарушением установленного порядка реализации такого рода заданий, должно квалифицироваться на общих основаниях, а при наличии необходимых условий не исключается уголовная ответственность должностных лиц за преступления против правосудия или интересов службы.

Целью пребывания является выполнение специального задания по предупреждению, выявлению или пресечению преступления. Цель названного задания соответствует одной из целей ОРД. Соответственно, выполнение специального задания с иной целью является нарушением условий правомерности и влечет уголовную ответственность на общих основаниях.

Пребывающими среди соучастников преступления являются как должностное лицо, осуществляющее ОРД, так и совершеннолетнее дееспособное лицо (и даже преступник), привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим ОРД, на конфиденциальной основе.

Преступление должно быть совершено совместно с другими его участниками. Это предполагает, что исполнение преступления без иных

соучастников не освобождает от ответственности. Однако исполнение преступления одним лицом возможно и в случае сложного соучастия, например когда имеется организатор преступления. Следовательно, если исполнитель (внедренное лицо) совершает преступление в одиночку, но по заданию руководителя (организатора), данное условие правомерности не нарушается.

Совершение преступления носит вынужденный характер. Это означает, что отсутствует такой признак общественно опасного деяния, как свобода волеизъявления лица. Вместе с тем согласно ст. 19 Закона об оперативно-розыскной деятельности допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам при проведении оперативно-розыскного мероприятия в случае, если причиненный вред менее значительный, чем предотвращаемый. Возможны случаи, когда внедренное лицо ошибочно полагает, что предотвращает бóльший вред, чем вред причиненный. На данное обстоятельство влияет недостоверная информация о совершаемых преступниками действиях, быстро меняющаяся обстановка, в которой находится это лицо, и т. д. Однако если лицо, допустившее подобную ошибку, не предвидело и не могло предвидеть подлинного соотношения причиненного и предотвращенного вреда вследствие сильного волнения (в некоторых случаях даже страха), что затрудняет обдумывание, взвешивание различных вариантов действий, или вследствие других причин, ввиду добросовестного заблуждения оно не может быть привлечено к уголовной ответственности. Следует учитывать, что в гл. 8 Закона об оперативно-розыскной деятельности содержатся положения, гарантирующие обеспечение правовой и социальной защиты граждан, оказывающих или оказывавших содействие органам, осуществляющим ОРД, а также меры по обеспечению безопасности таких лиц. Основания и порядок привлечения к материальной ответственности лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел за материальный ущерб, причиненный ими государству при исполнении служебных обязанностей, а также порядок определения размера ущерба и его возмещения определяются соответствующим постановлением Совета Министров Республики Беларусь.

Совершенное преступление не относится к особо тяжким или тяжким, связанным с посягательством на жизнь или здоровье человека. В этом случае лицо подлежит ответственности на общих основаниях. Однако при вынужденном совершении указанных ранее преступлений выполнение специального задания является смягчающим обстоятельством в соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 63 УК и должно учитываться при

назначении наказания. Это же смягчающее обстоятельство учитывается при совершении любого общественно опасного деяния в условиях пребывания среди соучастников преступления по специальному заданию при ином нарушении условий правомерности.

Квалификация нарушений условий правомерности причинения вреда в случае совершения деяния, связанного с риском. Условия правомерности причинения вреда при совершении деяния, связанного с риском, предусмотрены ст. 39 УК.

Риск не может быть признан обоснованным при отсутствии общественно полезной цели, которую определяют как результат, одобряемый моралью и правом. Соответственно, общественно полезную цель можно определить как важный социальный результат, либо как сохранение и увеличение любых общечеловеческих ценностей для всего общества, либо как достижение успешного результата с наименьшими затратами времени и средств. В случае причинения вреда правоохраняемым интересам при наличии хотя и полезной, но исключительно личной цели ответственность, при наличии вины, должна наступать на общих основаниях.

Обязательным условием обоснованного риска является безальтернативность, когда поставленная общественно полезная цель не может быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием). Принимая решение, субъект должен быть убежден, что нерискованного пути к достижению цели нет. Данное условие указывает на вынужденный характер рискованных действий. Если будет выявлено, что достичь общественно полезную цель можно было посредством поступка, не связанного с риском, содеянное должно влечь уголовную ответственность за причинение соответствующего вреда на общих основаниях. Однако указанное условие для экономического (делового) риска трактуется в ином ключе: риск в экономической сфере – не вынужденная мера. В силу этого аргументированным представляется законодательная новелла о том, что экономический (деловой) риск может признаваться обоснованным, если поставленная цель могла быть достигнута и не рискованными деяниями (решениями), но с меньшим экономическим результатом (ч. 2^1 ст. 39 УК). Вышеизложенное предполагает, что у лица есть выбор, причем рисковые действия принесут бóльший экономический эффект.

Названное условие дополняется обязательным требованием соответствия совершенного субъектом деяния современным научно-техническим знаниям и опыту.

В качестве еще одного условия закон называет принятие всех возможных мер для предотвращения вреда правоохраняемым интересам.

Законодатель в 2015 г. конкретизировал данное условие, дополнив ч. 2 ст. 39 УК указанием на субъективную оценку лица, допустившего риск: «обоснованно рассчитывало». Вопрос о достаточности или недостаточности принятых мер должен решаться в каждом конкретном случае индивидуально, возможно, с участием специалистов (поэтому проведение соответствующей экспертизы является обязательным).

Последнее условие предусматривает, что риск не может быть признан обоснованным, если он заведомо сопряжен с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия либо с угрозой наступления смерти или причинения тяжкого телесного повреждения лицу, не выразившему согласия на то, чтобы его жизнь или здоровье были поставлены в опасность. Отсутствие в законодательстве Республики Беларусь развернутой расшифровки терминов «экологическая катастрофа» и «общественное бедствие» дает основание для их различного толкования правоприменителем. Как отмечают специалисты, требование получить согласие лица, жизнь и здоровье которого ставятся под угрозу, до начала осуществления рискованного действия является противоречивым и нелогичным. Вместе с тем причинение смерти или тяжкого телесного повреждения лицу при отсутствии согласия на то, чтобы его жизнь или здоровье были поставлены в опасность, должно квалифицироваться как соответствующее преступление против жизни или здоровья.

Нарушение условий правомерности обоснованного риска влечет за собой уголовную ответственность на общих основаниях, но в соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 63 УК является обстоятельством, смягчающим ответственность.

Квалификация нарушений условий правомерности причинения вреда при исполнении приказа или распоряжения. В ст. 40 УК представлены модели поведения лиц, связанные с исполнением (неисполнением) приказа или распоряжения. Законодателем учтено требование уголовной политики, предписывающее дифференцировать ответственность лиц в зависимости от характера совершаемых действий.

Обязательными являются приказ или распоряжение, которые, во-первых, отданы соответствующим правомочным начальником своему подчиненному; во-вторых, не выходят за пределы компетенции приказывающего; в-третьих, отданы с соблюдением надлежащей формы, если она требуется нормативным предписанием; в-четвертых, по своему содержанию не предписывают что-либо незаконное для исполнения. Несоответствие хотя бы одному из указанных критериев превращает приказ или распоряжение в незаконные.

Особенности правовой оценки причиненного вреда даются в ч. 2 ст. 40 УК. Они устанавливают, что лицо, совершившее умышленное преступление по заведомо преступным приказу или распоряжению, несет уголовную ответственность на общих основаниях. Преступными являются приказ или распоряжение, содержащие требование совершить деяние, ответственность за которое предусмотрена статьями Особенной части УК. Преступная сущность приказа или распоряжения должна четко сознаваться лицом, получившим соответствующие приказ или распоряжение.

Деяние лица, отдавшего заведомо преступные приказ или распоряжение, следует квалифицировать по совокупности преступлений: соучастие в совершении преступления, к которому склонялся исполнитель, и превышение власти или служебных полномочий (ст. 426, 455 УК).

В силу буквального толкования ст. 40 УК уголовная ответственность исключается за причинение вреда, если лицо, исполнившее приказ или распоряжение, не сознавало их незаконного характера. Следует полагать, что при наличии признаков обязательных приказа или распоряжения вред, наступивший в результате их исполнения, вменяется не непосредственному исполнителю приказа или распоряжения, а лицу, их отдавшему. Правовая оценка такой ситуации осуществляется по правилам квалификации опосредованного (посредственного) исполнения.

В случае если преступные приказ или распоряжение сопровождались психическим либо физическим принуждением в отношении исполнителя, вопрос об уголовной ответственности за причинение вреда правоохраняемым интересам должен решаться с учетом условий крайней необходимости.

В ч. 3 ст. 40 УК содержится важная для подчиненных лиц правовая гарантия: лицо, не исполнившее заведомо незаконные приказ или распоряжение, не подлежит уголовной ответственности. Действия лица, издавшего заведомо незаконные приказ или распоряжение (в случае наличия признаков преступления), должны квалифицироваться по правилам о неудавшемся соучастии.

Учитывая служебную зависимость подчиненного от руководителя и ограниченность в выборе своего поведения, законодатель признает это в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность (п. 9 ч. 1 ст. 63 УК).

ГЛАВА 3
ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

3.1. Особенности квалификации преступлений против человека

Общие положения. Преступления против человека – это широкий круг общественно опасных деяний, предусмотренных разд. VII «Преступления против человека» УК, посягающих:

– на жизнь и здоровье;

– половую неприкосновенность или половую свободу;

– уклад семейных отношений и интересы несовершеннолетних;

– личную свободу, честь и достоинство;

– конституционные права и свободы человека и гражданина.

Для правильного понимания сущности рассматриваемых в названном разделе УК преступлений необходимо прежде всего уяснить, что объектом этой группы преступлений является человек, выступающий и как биологический индивид, и как личность.

Следует обратить внимание на то, что применительно к указанной группе преступлений в УК не без оснований используется именно понятие «человек», а не «личность», что обусловлено необходимостью уголовно-правовой охраны человека не только как личности, но и как человека, которого в силу отсутствия осознания им своего состояния невозможно считать личностью (младенцы, невменяемые и др.).

Особая значимость человека как объекта уголовно-правовой охраны также подчеркивается Конституцией Республики Беларусь, в которой человек, его права, свободы и гарантии их реализации провозглашаются высшей ценностью и целью общества и государства (ст. 2).

Анализ судебной и следственной практики по делам рассматриваемой группы преступлений свидетельствует об имеющих место затруднениях при применении целого ряда статей, входящих в разд. VII «Преступления против человека» УК. Отдельные разъяснения о применении уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления против человека, содержатся в следующих постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь: от 17 декабря 2002 г. № 9 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» (далее – Постановление от 17 декабря 2002 г. № 9), Постановлении от 29 марта 2006 г. № 1, Постановлении от

27 сентября 2012 г. № 7, от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» (далее – Постановление от 28 июня 2002 г. № 3).

Классификация преступлений против человека может осуществляться по различным основаниям, однако наиболее предпочтительной является классификация с учетом видового объекта посягательства. Так, среди преступлений против человека можно выделить следующие группы:

– преступления против жизни и здоровья;

– преступления против половой неприкосновенности или половой свободы;

– преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних;

– преступления против личной свободы, чести и достоинства;

– преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина.

В правоприменительной практике могут возникать вопросы отграничения преступлений против человека от преступлений, посягающих на иные родовые объекты (общественная безопасность и здоровье населения, общественный порядок и общественная нравственность и др.), но причиняющих при их совершении вред человеку. В таких случаях при квалификации в первую очередь следует обращать внимание на непосредственный объект, которому был причинен вред в результате общественно опасного посягательства, учитывать положения, содержащиеся в гл. 7 «Множественность преступлений» УК, а также руководствоваться правилами разрешения конкуренции уголовно-правовых норм, выработанными теорией уголовного права.

3.1.1. Особенности квалификации преступлений против жизни и здоровья

Некоторые особенности квалификации отдельных преступлений против жизни. Преступления против жизни охватывают составы преступлений, предусмотренные ст. 139–146 УК. Связующим для них является единый видовой объект – жизнь человека.

Преступления против жизни в зависимости от степени общественной опасности можно классифицировать на две группы:

– убийство (ст. 139–143 УК);

– иные преступления против жизни (ст. 144–146 УК).

Ключевым моментом при квалификации преступлений против жизни выступает уяснение определения понятия «убийство». Под убийством

понимается умышленное противоправное лишение жизни другого человека (ч. 1 ст. 139 УК). Содержащийся в этом определении перечень признаков убийства является обязательным. Отсутствие хотя бы одного из них исключает возможность квалификации деяния как преступления.

Признаки убийства, указанные в основном составе убийства (ч. 1 ст. 139 УК), квалифицированном (ч. 2 ст. 139 УК) и привилегированных составах убийства (ст. 140–143 УК), отдельные особенности квалификации убийств раскрываются в Постановлении от 17 декабря 2002 г. № 9, а некоторые проблемные моменты квалификации убийств раскрываются в обзоре судебной практики Верховного Суда Республики Беларусь от 18 февраля 2003 г.

Противоправность как признак убийства означает, что лишение жизни прямо предусмотрено законом как преступление. Убийством считается только умышленное (с прямым или косвенным умыслом) лишение жизни. Неосторожные действия, приведшие к смерти потерпевшего, а также доведение до самоубийства и склонение к самоубийству законом не отнесены к убийствам (ст. 144–146 УК). Покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом, т. е. когда содеянное свидетельствовало о том, что виновный сознавал общественную опасность своего действия (бездействия), предвидел наступление смерти другого человека и желал этого, но смертельный исход не наступил по независящим от него обстоятельствам (ввиду активного сопротивления жертвы, вмешательства других лиц, своевременного оказания потерпевшему медицинской помощи и др.). При доказанности покушения на убийство дополнительной квалификации действий виновного по результатам наступивших для потерпевшего последствий не требуется.

По ч. 1 ст. 139 УК квалифицируется убийство, совершенное без отягчающих обстоятельств, указанных в ч. 2 ст. 139 УК, и при отсутствии оснований для квалификации действий за привилегированные составы убийств (ст. 140–143 УК).

На практике к данному виду преступлений относятся убийства из ревности, мести, на почве личных неприязненных отношений, в ссоре или драке (при отсутствии хулиганских мотивов) и подобные этим случаи убийства, когда в действиях виновного отсутствуют названные отягчающие и смягчающие обстоятельства.

Исчерпывающий перечень квалифицирующих признаков убийства предусмотрен ч. 2 ст. 139 УК. Убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных двумя пунктами и более ч. 2 ст. 139 УК, должно квалифицироваться по всем этим пунктам.

При совершении *убийства двух или более лиц* (п. 1 ч. 2 ст. 139 УК) содеянное следует квалифицировать по п. 1 ч. 2 ст. 139 УК, если действия виновного охватывались единством умысла и совершены, как правило, одновременно. Если при наличии прямого умысла на лишение жизни двух лиц или более совершены убийство одного человека и покушение на жизнь другого (других), содеянное в судебной практике квалифицируется по ч. 1 ст. 139 или соответствующим пунктам ч. 2 ст. 139 (за исключением п. 1) и ч. 1 ст. 14, а также п. 1 ч. 2 ст. 139 УК.

При квалификации *убийства малолетнего, престарелого или лица, находящегося в беспомощном состоянии* (п. 2 ч. 2 ст. 139 УК), необходимо установить, что виновный заведомо знал о малолетнем или престарелом возрасте потерпевшего либо о нахождении потерпевшего в беспомощном состоянии. В судебной практике к беспомощному относят состояние, которое лишает потерпевшего возможности в силу его физического или психического состояния оказать преступнику активное сопротивление, уклониться от посягательства или иным образом ему противостоять.

При убийстве заведомо малолетнего или престарелого вменение дополнительного квалифицирующего признака «убийство лица, находящегося в беспомощном состоянии» не исключается. Если лицо оказывается в беспомощном состоянии в результате применения к нему насилия со стороны виновного, а затем его сознательно лишают жизни, указанный квалифицирующий признак убийства виновному не вменяется.

Для квалификации убийства *заведомо для виновного беременной женщины* (п. 3 ч. 2 ст. 139 УК) необходимо, чтобы виновный четко до момента начала убийства сознавал факт беременности потерпевшей. Если виновный убил потерпевшую, ошибочно считая, что она беременна, ответственность наступает по ч. 1 ст. 14 и п. 3 ч. 2 ст. 139 УК.

Как *убийство, сопряженное с похищением человека либо захватом заложника* (п. 4 ч. 2 ст. 139 УК), квалифицируется не только убийство похищенного или заложника, но и других лиц в связи с похищением человека или захватом заложника. Убийство, сопряженное с похищением человека или захватом заложника, в судебной практике квалифицируют по совокупности преступлений, предусмотренных п. 4 ч. 2 ст. 139 и ст. 182 или 291 УК.

Убийство признается *совершенным общеопасным способом* (п. 5 ч. 2 ст. 139 УК), когда, реализуя умысел на лишение жизни определенного лица, виновный сознательно применил такой способ причинения ему смерти, который заведомо был реально опасен для потерпевшего и жизни других лиц. Если виновному не удалось реализовать свое намерение о лишении потерпевшего жизни общеопасным способом, содеянное должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 14 и п. 5 ч. 2 ст. 139 УК. При реализации виновным прямого умысла на убийство двух лиц и более общеопасным способом дополнительно должен вменяться и п. 2 ч. 2 ст. 139 УК.

При квалификации *убийства, совершенного с особой жестокостью* (п. 6 ч. 2 ст. 139 УК), необходимо установить два обстоятельства: во-первых, применяемый к потерпевшему способ лишения жизни объективно был особо жестоким; во-вторых, виновный должен был сознавать особо жестокий характер выбранного им способа лишения жизни потерпевшего.

Если убийство совершено группой лиц и хотя бы один исполнитель действовал с особой жестокостью, вместе с ним по п. 6 ч. 2 ст. 139 УК несут ответственность и те участники группы, которые сознавали, что кто-либо из них действует с особой жестокостью, и их умыслом охватывалось совершение убийства с особой жестокостью.

Глумление над трупом само по себе не может расцениваться в качестве обстоятельства, свидетельствующего о совершении убийства с особой жестокостью. Содеянное в таких случаях, если не имеется других данных о проявлении виновным особой жестокости перед лишением потерпевшего жизни или в процессе совершения убийства, в судебной практике квалифицируют по соответствующей части ст. 139 и 347 УК.

Под *убийством, сопряженным с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера* (п. 7 ч. 2 ст. 139 УК), следует понимать убийство в процессе изнасилования или совершения действий сексуального характера или непосредственно после их совершения, а также убийство, совершенное, например, по мотивам мести за оказанное при этом преступлении сопротивление.

Убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, в судебной практике квалифицируют по совокупности преступлений, предусмотренных п. 7 ч. 2 ст. 139 и ст. 166 или 167 УК.

При квалификации *убийства с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение* (п. 8 ч. 2 ст. 139 УК) не требуется, чтобы виновный в результате убийства достиг преследуемой цели. Квалификация убийства по п. 8 ч. 2 ст. 139 УК исключает возможность его квалификации помимо указанного пункта по какому-либо другому пункту ч. 2 ст. 139 УК, предусматривающему иную цель или мотив убийства.

Убийство с целью получения трансплантата либо использования частей трупа (п. 9 ч. 2 ст. 139 УК) может быть совершено только с прямым умыслом. Вовсе не обязательно, чтобы виновный в результате убийства достиг преследуемой цели, достаточно установления лишь прямого умысла и цели получения трансплантата либо использования частей трупа.

По п. 10 ч. 2 ст. 139 УК следует квалифицировать *убийство лица или его близких*, *совершенное с целью воспрепятствования правомерному осуществлению данным лицом своей служебной деятельности или выполнению общественного долга*, а также по мотивам мести за такую деятельность, независимо от разрыва во времени между деятельностью потерпевшего и убийством, совершенным в связи с этой деятельностью.

При квалификации по п. 11 ч. 2 ст. 139 УК *убийства лица или его близких за отказ этого лица от участия в совершении преступления* не имеют значения характер и степень общественной опасности преступления, от участия в совершении которого отказался потерпевший, отводимая ему роль в преступлении, а также прежнее поведение потерпевшего и мотивы отказа. Убийство лица, отказавшегося от участия в совершении преступления, с целью скрыть это готовящееся преступление в судебной практике квалифицируется по п. 8 ч. 2 ст. 139 УК.

Убийство из корыстных побуждений (п. 12 ч. 2 ст. 139 УК) имеет место в случаях, если оно совершено в целях получения имущественной выгоды для виновного или его близких или избавления от материальных затрат при условии, что намерение извлечь имущественную выгоду возникло у виновного до момента лишения потерпевшего жизни и именно оно явилось мотивом убийства. Корыстный мотив преступления учитывается, если он возник до убийства, а не после него. Если корыстные побуждения не были мотивом убийства, завладение имуществом не может являться основанием для квалификации содеянного по п. 12 ч. 2 ст. 139 УК.

Под *убийством по найму* (п. 12 ч. 2 ст. 139 УК) понимается лишение жизни потерпевшего, обусловленное получением исполнителем преступления материального или иного вознаграждения. Лица, организовавшие такое убийство или подстрекавшие к его совершению либо оказавшие содействие его совершению, должны нести ответственность по соответствующей части ст. 16 и п. 12 ч. 2 ст. 139 УК.

Как *сопряженное с разбоем или вымогательством* (п. 12 ч. 2 ст. 139 УК) следует квалифицировать убийство в процессе совершения указанных преступлений с целью получения имущественной выгоды.

При квалификации убийства, совершенного по найму либо сопряженного с разбоем, вымогательством или бандитизмом, дополнительного вменения квалифицирующего признака «из корыстных побуждений» не требуется.

Убийство, сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом, в судебной практике квалифицируют по совокупности преступлений, предусмотренных п. 12 ч. 2 ст. 139 и ст. 207 или 208 либо 286 УК.

При квалификации *убийства из хулиганских побуждений* (п. 13 ч. 2 ст. 139 УК) следует проводить отграничение от убийства в ссоре либо драке, которое должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 139 УК. Для признания убийства совершенным из хулиганских побуждений необходимо исключить наличие других мотивов убийства, определяющих поведение виновного при совершении этого преступления. Характерными для убийства из хулиганских побуждений являются не личные, а хулиганские мотивы, т. е. побуждения, которые указывают на явное пренебрежение правилами человеческого общежития и элементарными нормами морали.

Убийство из хулиганских побуждений дополнительной квалификации по ст. 339 УК не требует, за исключением случаев, если помимо названного убийства виновным совершены иные действия, обладающие признаками уголовно наказуемого хулиганства.

Как *убийство по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды или розни, политической или идеологической вражды, а равно по мотивам вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы* (п. 14 ч. 2 ст. 139 УК) квалифицируется убийство, совершенное именно по этим мотивам. Если одновременно виновный совершает умышленные действия, направленные на возбуждение расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, все содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных п. 14 ч. 2 ст. 139 и соответствующей частью ст. 130 УК.

По п. 15 ч. 2 ст. 139 УК (*убийство, совершенное группой лиц*) квалифицируется убийство, совершенное группой лиц без предварительного сговора, по предварительному сговору или организованной группой.

Наряду с двумя соисполнителями преступления или более другие участники преступной группы могут выступать в роли организаторов, подстрекателей или пособников убийства, и их действия подлежат квалификации по соответствующей части ст. 16 и п. 15 ч. 2 ст. 139 УК. Действия исполнителей убийства в данном случае квалифицируются по п. 15 ч. 2 ст. 139 УК без ссылки на ст. 16 УК.

При признании убийства совершенным организованной группой действия всех участников независимо от их роли в преступлении следует квалифицировать как соисполнительство (без ссылки на ст. 16 УК).

Убийство, совершенное лицом, ранее совершившим убийство, за исключением убийства, предусмотренного ст. 140–143 УК, квалифицируется по п. 16 ч. 2 ст. 139 УК независимо от того, совершил ли виновный ранее убийство или покушение, был ли он исполнителем или иным соучастником преступления, было или не было лицо осуждено за ранее совершенное убийство. Повторным признается и убийство, если ему предшествовало совершение преступления, составной частью которого являлось убийство (например, убийство сотрудника органов внутренних дел (ст. 362 УК)).

Убийство, совершенное при смягчающих обстоятельствах (ст. 140–143 УК), не может быть квалифицировано как совершенное при отягчающих обстоятельствах даже при наличии соответствующих признаков.

Как показывает практика, в отдельных случаях правоприменитель испытывает затруднения при разграничении убийства (ч. 1 ст. 139 УК) и причинения смерти по неосторожности (ст. 144 УК). Имея сходство в объективной стороне и объекте, данные преступления различаются по субъективной стороне – форме вины по отношению к смерти потерпевшего. Ч. 1 ст. 139 УК предполагает наличие умысла, ст. 144 УК – неосторожности. Доказанность присутствия в преступных действиях лица той или иной формы вины является критерием отграничения указанных составов и, следовательно, правильной квалификации содеянного.

Если при наличии намерения на умышленное лишение жизни потерпевшего, его смерть наступила не от деяния посягающего, а от других обстоятельств, которые не охватывались умыслом виновного, содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений: покушение на убийство (ч. 1 ст. 14 ст. 139 УК) и причинение смерти по неосторожности (ст. 144 УК).

Следует также отграничивать убийство (ст. 139 УК) от доведения до самоубийства (ст. 145 УК). Совершение деяний, составляющих объективную сторону доведения до самоубийства при наличии у виновного прямого умысла на лишение жизни потерпевшего, если суицид имел место, следует квалифицировать как убийство по ст. 139 УК. Ст. 145 УК подлежит применению, если психическое отношение виновного к самоубийству потерпевшего выражалось в косвенном умысле либо неосторожности.

Различие доведения до самоубийства (ст. 145 УК) и склонения к самоубийству (ст. 146 УК) при квалификации проводится как по объективной стороне преступления (способы доведения до самоубийства отличаются от способов склонения к нему), так и по субъективной стороне преступления (при склонении к самоубийству характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла).

Некоторые особенности квалификации отдельных преступлений против здоровья. Преступления против здоровья – это совершенные умышленно или по неосторожности общественно опасные деяния, предусмотренные ст. 147–165 УК, причиняющие существенный вред здоровью человека или ставящие в опасность причинения вреда жизни или здоровью.

Все эти преступления имеют одинаковый основной непосредственный объект – здоровье, определяемое как состояние полного физического, духовного и социального благополучия человека, а не только отсутствие заболеваний[1].

Основу этих преступлений составляют преступления, связанные с причинением телесных повреждений (ст. 147–155 УК). Телесные повреждения классифицируются на тяжкие, менее тяжкие и легкие. Установление степени тяжести телесных повреждений осуществляется на основании заключения судебно-медицинской экспертизы, назначение которой является обязательным. Эксперты при этом руководствуются Инструкцией о порядке проведения судебно-медицинской экспертизы по определению степени тяжести телесных повреждений[2].

Ответственность за причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения наступает при наличии как умышленной, так и неосторожной формы вины, а причинение легкого телесного повреждения признается преступлением только при наличии умысла. Следует помнить, что отдельные преступления, связанные с причинением телесных повреждений, влекут уголовную ответственность только при наличии требования потерпевшего или его законного представителя (ст. 33 УК).

Признаки преступлений, связанных с причинением телесных повреждений, а также отдельные особенности их квалификации раскрываются в Постановлении от 29 марта 2006 г. № 1, некоторые проблемные моменты квалификации преступлений, связанных с причинением телесных повреждений, раскрываются в обзоре судебной практики

[1] См.: О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».

[2] См.: Инструкция о порядке проведения судебно-медицинской экспертизы по определению степени тяжести телесных повреждений [Электронный ресурс] : постановление Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь от 24 мая 2016 г. № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».

Верховного Суда Республики Беларусь от 16 мая 2006 г. (далее – Обзор по делам об умышленном причинении тяжких телесных повреждений). Многие вопросы квалификации по отдельным квалифицирующим признакам преступлений, связанных с причинением телесных повреждений, аналогичны преступлениям против жизни, содержание которых раскрыто выше. Рассмотрим и проанализируем некоторые особенности квалификации преступлений, связанных с причинением телесных повреждений, с учетом рекомендаций, изложенных в Постановлении от 29 марта 2006 г. № 1 и Обзоре по делам об умышленном причинении тяжких телесных повреждений.

По п. 2 ч. 2 ст. 147 УК квалифицируется умышленное причинение тяжкого телесного повреждения именно похищенному человеку или заложнику, а не иным лицам. Если при этом тяжкое телесное повреждение причиняется и другому лицу, содеянное квалифицируется самостоятельно либо по ч. 1, либо по ч. 3 ст. 147 УК как причинение тяжкого телесного повреждения двум лицам или более при условии, что содеянное охватывалось единым умыслом.

В отличие от убийства, совершенного с особой жестокостью (п. 6 ч. 2 ст. 139 УК), которая может выражаться и в совершении убийства потерпевшего в присутствии близких ему лиц, предусмотренный п. 3 ч. 2 ст. 147 УК способ умышленного причинения тяжкого телесного повреждения выражается только в самом деянии, носящем характер мучения или истязания, причиняющем потерпевшему страдания либо многократное или длительное причинение боли.

Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения при совершении разбоя или вымогательства не образует совокупности преступлений и квалифицируется только по ч. 3 ст. 207 или ч. 3 ст. 208 УК.

Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения из хулиганских побуждений квалифицируется по п. 7 ч. 2 ст. 147 УК и дополнительной квалификации по ст. 339 УК не требует. Если виновный помимо указанного преступления совершил также иные действия, содержащие признаки уголовно наказуемого хулиганства, содеянное им надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных п. 7 ч. 2 ст. 147 и соответствующей частью ст. 339 УК.

Причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего, квалифицируется по ч. 3 ст. 147 УК лишь в том случае, если у виновного имелись умысел на причинение тяжкого телесного повреждения и неосторожная вина к последствиям в виде наступления смерти. Для такой квалификации необходимо установить наличие причинной связи между причиненным тяжким телесным повреждением и наступившей смертью.

Неосторожная вина по отношению к наступившей смерти может характеризоваться, в частности, ранением хотя и жизненно важных органов человека, но способом или орудием, не свидетельствующим о сознании виновным возможности причинить смерть, либо повреждением органов, не являющихся жизненно важными, и другими подобными обстоятельствами.

Если в результате насилия было умышленно причинено тяжкое телесное повреждение, а смерть потерпевшего, субъективное отношение виновного к которой выразилось в форме неосторожности, явилась следствием повреждений, полученных в результате, например, падения, содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений: за умышленное причинение тяжкого телесного повреждения (ст. 147 УК) и причинение смерти по неосторожности (ст. 144 УК).

Если насилие, примененное виновным, повлекло за собой нанесение потерпевшему побоев, причинение легкого или менее тяжкого телесного повреждения, а тяжкое телесное повреждение у потерпевшего возникло (либо наступила смерть потерпевшего) при обстоятельствах, которые не охватывались умыслом виновного (например, при падении после удара), последствия таких действий, которые он не предвидел, хотя должен был и мог предвидеть, либо предвидел, но без достаточных оснований рассчитывал на их предотвращение, подлежат квалификации по ст. 155 или 144 УК. Телесные повреждения, причиненные при этом умышленно, подлежат самостоятельной юридической оценке. При наличии в таких действиях признаков уголовно наказуемого деяния ответственность наступает по совокупности преступлений.

Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения в состоянии аффекта, при превышении пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, не может быть квалифицировано по ст. 147 УК даже при наличии признаков отягчающих обстоятельств. Такие действия подлежат квалификации соответственно по ст. 150, 151 или 152 УК, в том числе и в случае если они повлекли причинение по неосторожности смерти, поскольку согласно ст. 31, 34 и 35 УК причинение по неосторожности смерти потерпевшему при указанных в этих статьях обстоятельствах вообще не влечет уголовной ответственности.

Следует обратить внимание на то, что побои выступают самостоятельным видом действий, охватываемых понятием «истязание»

(ст. 154 УК). Побои не составляют особого вида телесных повреждений, так как они не оставляют после себя никаких объективных следов. Вследствие этого в заключении судебно-медицинской экспертизы будут отмечены жалобы потерпевшего и указано, что объективных признаков повреждений не обнаружено. Установление факта побоев относится к компетенции правоохранительных органов и суда. Чтобы их квалифицировать как истязание, они должны носить систематический характер, т. е. выражаться в многократном нанесении ударов по телу потерпевшего. Из понятия систематичности, закрепленного ч. 15 ст. 4 УК, следует, что истязание представляет собой нанесение с разрывом во времени побоев не менее трех раз.

Истязание, соединенное с умышленным причинением легкого телесного повреждения, повлекшего за собой кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности, охватывается ст. 154 УК, дополнительной квалификации по ст. 153 УК не требуется. Если в результате истязания потерпевшему причинено тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, содеянное подлежит квалификации соответственно по п. 3 ч. 2 ст. 147 или по ч. 2 ст. 149 УК.

3.1.2. Особенности квалификации преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы

Общие положения. Преступления против половой неприкосновенности или половой свободы – это предусмотренные гл. 20 УК умышленные общественно опасные деяния, грубо нарушающие сложившийся в обществе уклад сексуальных отношений путем посягательства на половую неприкосновенность, половую свободу человека либо общественную нравственность в сфере сексуальных отношений.

В отечественном уголовном праве половая свобода рассматривается как право лиц самостоятельно определять желание на вступление в половую связь, выбор полового партнера и условия совершения полового акта. Половая неприкосновенность означает запрет на вступление в половое сношение с лицом, находящимся в беспомощном состоянии либо не достигшим 16-летнего возраста.

В вопросах квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы правоприменители руководствуются Постановлением от 27 сентября 2012 г. № 7.

Содержащиеся в гл. 20 УК преступления имеют разную степень общественной опасности, а в зависимости от способа как обязательного признака объективной стороны конструктивного состава к насильственным посягательствам на половую неприкосновенность или половую свободу относятся ст. 166, 167 УК.

К ненасильственным посягательствам на половую неприкосновенность или половую свободу, как правило, относят преступления, предусмотренные ст. 168–170 УК.

Реализуя международно-правовые обязательства и положения Конституции Республики Беларусь, в целях охраны общественной нравственности в сфере сексуальных отношений законодатель установил уголовную ответственность за преступления, сопряженные с проституцией, которые представляют наибольшую общественную опасность: за организацию и (или) использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией (ст. 171 УК), а также за вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией (ст. 171^1 УК).

Особенности квалификации насильственных преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы. Потерпевшей от изнасилования (ст. 166 УК) является только лицо женского пола независимо от ее характеристики и отношений с виновным (муж и т. д.). Насильственные действия сексуального характера в отношении мужчин, совершаемые женщинами либо мужчинами, квалифицируются по ст. 167 УК.

При квалификации действий лица, изменившего пол, или в отношении такого лица необходимо исходить из того, к какому полу виновный и жертва относились в момент совершения преступления. Кроме того, правовая оценка действий гермафродитов и действий, совершенных в отношении них, обусловлена фактическими обстоятельствами и той ролью, которую выполнял в сексуальных отношениях виновный или потерпевший.

Применительно к ст. 166 УК под половым сношением понимается только естественное генитальное совокупление мужчины и женщины. Все иные насильственные действия сексуального характера следует квалифицировать по ст. 167 УК. Если виновный одновременно осуществляет изнасилование и насильственные действия сексуального характера, содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений.

Способы совершения данных преступлений строго очерчены в законе:

– применение физического насилия или его угрозы (при изнасиловании и к близким женщины) – против воли потерпевшей(его);

– использование ее (его) беспомощного состояния – помимо воли.

В связи с этим действия лица, склонившего потерпевшую(его) к совершению полового акта (действий сексуального характера) ненасильственным способом, в том числе путем обмана или злоупотребления доверием (например, обещание заключить брак), не могут квалифицироваться по ст. 166, 167 УК.

Насилие или угроза его применения являются признаком объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 166, 167 УК, и не требуют дополнительной квалификации при условии, что они применяются перед совершением полового акта (действий сексуального характера) в качестве средства (способа) преодоления либо исключения сопротивления потерпевшего лица. Аналогичным образом решается вопрос, когда насилие применяется с целью продолжения начатого добровольного полового акта (действий сексуального характера), если потерпевшая(ий) настаивает на его прекращении.

Насилие как реакция на отказ от совершения полового акта (действий сексуального характера), когда виновным не были совершены действия, непосредственно направленные на выполнение объективной стороны данных преступлений, квалифицируется как иное преступление против человека в зависимости от характера и тяжести примененного насилия. Если насилие или угроза насилием применялись после изнасилования (совершения действий сексуального характера), содеянное квалифицируется по совокупности преступлений.

Основным составом изнасилования (насильственных действий сексуального характера) охватывается фактическое причинение потерпевшей(ему) в результате применения насилия умышленных легких и менее тяжких телесных повреждений, истязание, причинение по неосторожности менее тяжких телесных повреждений, незаконное лишение свободы, угроза убийством или причинением тяжких телесных повреждений, и дополнительной квалификации не требуется. Одновременное применение насилия (либо угрозы) к потерпевшей и ее близким с целью подавления воли потерпевшей охватывается составом изнасилования в силу прямого указания в ст. 166 УК (в отличие от ст. 167 УК). Умышленное причинение тяжких телесных повреждений, а также убийство квалифицируются по совокупности преступлений.

Понятие «изнасилование» (насильственные действия сексуального характера, совершенные с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица) раскрыто в п. 5 Постановления от 27 сентября 2012 г. № 7. Правоприменителю следует учитывать, что при решении вопроса о том, является ли состояние потерпевшей(его) беспомощным, необхо-

димо основываться на оценке всех обстоятельств дела в совокупности. Вывод о нахождении потерпевшей(его) в беспомощном состоянии должен быть надлежащим образом мотивирован в приговоре.

В соответствии с примечанием к ст. 166 УК лицо, не достигшее 12-летнего возраста на момент совершения в отношении него преступлений, предусмотренных ст. 166, 167 УК, признается находящимся в беспомощном состоянии. В иных случаях недопустимо ограничиваться лишь констатацией малолетнего возраста, необходимо устанавливать, могла ли малолетняя потерпевшая в силу своего возраста или развития понимать характер и значение совершаемых с нею действий. Оценке должны быть подвергнуты такие факторы, как особенности ее развития, воспитания, осведомленность о сексуальной жизни, последствиях, их понимание.

Составы преступлений, предусмотренных ст. 166, 167 УК, являются формальными. В силу этого изнасилование считается оконченным с момента начала полового сношения независимо от того, завершен ли половой акт в физиологическом смысле и от наступивших последствий, а насильственные действия сексуального характера – с момента начала совершения такого рода действий. Применение насилия или угроз до начала полового акта (действий сексуального характера) следует квалифицировать как покушение, если дальнейшие действия не были осуществлены по независящим от виновного обстоятельствам, в том числе ввиду активного сопротивления потерпевшей(его) или по причине временного полового бессилия виновного.

Отличительным признаком преступлений, предусмотренных ст. 166, 167 УК, является характеристика субъекта. Так, субъектом изнасилования может быть физическое вменяемое лицо только мужского пола, достигшее ко времени совершения преступления 14-летнего возраста. Судебная практика исходит из того, что лицо женского пола не может быть признано соисполнителем изнасилования. Действия такого лица, выразившиеся в организации, подстрекательстве или пособничестве совершению изнасилования, квалифицируются по соответствующей части ст. 16 и ст. 166 УК, так как объективная сторона изнасилования выражается в том числе применением насилия, угроз насилием, использованием беспомощного состояния потерпевшей, что может совершить и женщина (например, применение насилия для преодоления сопротивления потерпевшей).

Субъектом насильственных действий сексуального характера может быть любое физическое вменяемое лицо, достигшее ко времени совер-

шения преступления 14-летнего возраста. Вместе с тем в отношении мужеложства и лесбиянства имеет место специальный субъект: в первом случае – только лицо мужского пола, во втором – женского.

Правила квалификации насильственных посягательств против половой неприкосновенности или половой свободы при наличии тождественной или однородной повторности (ч. 2 ст. 166, 167 УК) соответствуют общим правилам квалификации множественности преступлений, рассмотренным в гл. 2 настоящего учебника.

Изнасилование, насильственные действия сексуального характера, совершенные группой лиц (по предварительному сговору или без него, а также организованной группой), имеют место в случае, когда лица, принимавшие участие в изнасиловании, насильственных действиях сексуального характера, действовали в отношении потерпевшей(его) согласованно как соисполнители указанных преступлений. Данный квалифицирующий признак вменяется в случае, когда виновные, действуя согласованно и применяя насилие или угрозу насилием в отношении нескольких потерпевших, затем совершают насильственный половой акт (насильственные действия сексуального характера) каждый с одним из потерпевших лиц.

Поскольку изнасилование с применением насилия, насильственные действия сексуального характера являются сложными по структуре преступлениями, как соисполнительство по ч. 2 ст. 166 и ч. 2 ст. 167 УК соответственно квалифицируются действия лиц, содействовавших половому акту (действиям сексуального характера) путем применения насилия или угрозы насилием к потерпевшей(ему) (при изнасиловании – и к близким потерпевшей).

При изнасиловании, насильственных действиях сексуального характера, совершенных несколькими лицами, если другие участники, за исключением одного, не могут быть привлечены к уголовной ответственности (например, в силу недостижения 14-летнего возраста или невменяемости), отсутствуют признаки субъекта преступления, совершенного в соучастии. В таком случае действия участника изнасилования (насильственных действий сексуального характера), обладающего признаками субъекта преступления, при отсутствии иных квалифицирующих признаков следует квалифицировать по ч. 1 ст. 166 или ч. 1 ст. 167 УК.

Оконченным групповое изнасилование, насильственные действия сексуального характера считаются с момента начала полового акта (действий сексуального характера) первым участником. В связи с этим если кто-то из субъектов преступления не смог совершить половой акт (действия сексуального характера) по физиологическим причинам либо не

успел, хотя и участвовал в согласованных действиях членов группы, его действия квалифицируются как оконченное преступление, совершенное группой лиц.

Действия лиц, оказавших обвиняемому в изнасиловании (насильственных действиях сексуального характера) содействие, не связанное с насилием над потерпевшей(им), квалифицируются как соучастие в зависимости от выполняемой ими роли.

Уголовная ответственность за изнасилование (насильственные действия сексуального характера) в отношении заведомо несовершеннолетней(его) либо заведомо малолетней(его) наступает при условии, что виновному было известно о таком возрасте потерпевшей(его). При выяснении субъективного отношения виновного к данному факту следствие и суд учитывают как показания виновного, так и потерпевшей(его), тщательно проверяют их соответствие другим обстоятельствам дела. Учитываются внешний вид потерпевшей(его), поведение потерпевшего лица, наличие у виновного необходимой информации о ее (его) возрасте, другие обстоятельства, имеющие значение для принятия решения. В случае когда виновный добросовестно заблуждался относительно возраста потерпевшей, данный квалифицирующий признак отсутствует.

Для квалификации действий виновного по ч. 3 ст. 166 или ч. 3 ст. 167 УК по признаку изнасилования, насильственных действий сексуального характера, повлекших по неосторожности смерть потерпевшей(его), либо причинение тяжких телесных повреждений, либо заражение ВИЧ, иные тяжкие последствия, требуется доказать, во-первых, что между действием и наступившими последствиями есть причинно-следственная связь, во-вторых, что последствия соответствуют их описанию в законе и, в-третьих, что они вызваны именно изнасилованием (насильственными действиями сексуального характера) либо покушением на эти преступления. При установлении умысла на причинение указанных последствий необходима квалификация по совокупности преступлений.

Если причинение смерти по неосторожности явилось результатом умышленного причинения тяжких телесных повреждений, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений: как изнасилование (насильственные действия сексуального характера) и умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшей (ч. 3 ст. 147 УК).

Заражение ВИЧ как последствие, предусмотренное ч. 3 ст. 166 или ч. 3 ст. 167 УК, может быть поставлено в вину только тому, кто знал о

наличии у него такого заболевания и по неосторожности заразил потерпевшую. Заведомое поставление потерпевшей в опасность заражения ВИЧ охватывается составом изнасилования (насильственных действий сексуального характера) и не требует дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 157 УК.

Иные тяжкие последствия изнасилования (насильственных действий сексуального характера), не вошедшие в перечень, содержащийся в ч. 3 ст. 166 и ч. 3 ст. 167 УК, могут быть причинены как потерпевшей, так и ее близким. Возможность отнесения их к особо квалифицирующим признакам суд определяет исходя из указания в законе о тяжести последствий и наличия их в конкретном уголовном деле.

К тяжким последствиям судебная практика относит, например, самоубийство потерпевшей(его) или покушение на него. Однако если виновный не предвидел такого варианта поведения потерпевшей(его), не должен был и не мог его предвидеть, квалификация действий виновного по ч. 3 ст. 166 или ч. 3 ст. 167 УК исключается (например, была изнасилована женщина, неоднократно вступавшая в сексуальные отношения, в том числе и с применением насилия, однако не предпринимавшая при этом попыток самоубийства).

Нельзя вменять в вину такому лицу и самоубийство потерпевшей(его), если его непосредственной причиной послужило жестокое отношение к ней со стороны мужа или других близких родственников, упрекавших ее (его) в безнравственном поведении, якобы послужившем поводом для изнасилования (насильственных действий сексуального характера). Самоубийство родственников потерпевшей(его), узнавших о случившемся, также не может быть вменено лицу, так как эти отдаленные последствия лежат за пределами объективной стороны изнасилования (насильственных действий сексуального характера) и не могут охватываться сознанием и предвидением виновного.

Убийство не является иным тяжким последствием изнасилования (насильственных действий сексуального характера), поэтому лишение жизни потерпевшей(его), совершенное до изнасилования (насильственных действий сексуального характера), в процессе его либо после, подлежит самостоятельной квалификации. Так, убийство, совершенное в процессе преодоления (исключения) сопротивления потерпевшей(его), или убийство из мести за оказание такого сопротивления квалифицируются по п. 7 ч. 2 ст. 139 и соответствующей части ст. 166, 167 УК. Убийство без цели изнасилования (совершения насильственных действий сексуального характера) и последующие действия сексуального

характера с трупом квалифицируются по совокупности преступлений: как убийство и надругательство над трупом (ст. 347 УК).

В случае когда убийство потерпевшей(его) совершено после изнасилования (насильственных действий сексуального характера) с целью избежать ответственности, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений: как изнасилование (насильственные действия сексуального характера) и убийство с целью сокрытия другого преступления (п. 8 ч. 2 ст. 139 УК). Такая же квалификация будет и в случае умышленного лишения жизни другого лица с целью облегчения изнасилования или совершения насильственных действий сексуального характера.

Дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 166 и ч. 1 ст. 167 УК, согласно ч. 4 ст. 28 УПК относятся к делам частно-публичного обвинения, т. е. указанные преступления влекут за собой уголовную ответственность по требованию потерпевшей(его) или ее законного представителя.

Особенности квалификации ненасильственных преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы. При квалификации действий виновного по ст. 168 УК следует учитывать, что объективная сторона названного преступления состоит в совершении без применения насилия либо без использования беспомощного состояния полового сношения, мужеложства, лесбиянства или иных действий сексуального характера лицом, достигшим 18-летнего возраста, с лицом, заведомо не достигшим 16-летнего возраста.

Признак заведомости означает, что виновное лицо изначально знало о том, что потерпевшей(ему) еще не исполнилось 16 лет. Добросовестное заблуждение относительно возраста потерпевшего лица устраняет возможность привлечения к уголовной ответственности по ст. 168 и 169 УК, при этом потерпевшие должны понимать характер и значение совершаемых с ними действий. При отсутствии добровольности виновные привлекаются к уголовной ответственности по ст. 166 или 167 УК соответственно. Дополнительной квалификации по ст. 168 УК не требуется.

Если потерпевшая(ий) в силу малолетнего возраста или, например, отставания в психическом развитии не могла понимать характер и значение совершаемых с нею действий, содеянное квалифицируется как изнасилование (насильственные действия сексуального характера), совершенное с использованием беспомощного состояния потерпевшей.

Случаи, когда изнасилование потерпевшей, заведомо для виновного не достигшей 16 лет, сопровождалось последующими половыми актами, совершаемыми с ее согласия, образуют совокупность преступлений,

предусмотренных ст. 166 и 168 УК. Аналогично решается вопрос и при насильственных действиях сексуального характера (ст. 167 УК).

Состав преступления формальный, так как моментом его окончания является начало осуществления действий сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, независимо от характера этих действий (половой акт, мужеложство, лесбиянство и т. д.), их длительности, количества участников и других обстоятельств.

Если в результате полового сношения и иных действий сексуального характера будет причинен вред здоровью потерпевшего лица, содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений.

Объективная сторона основного состава преступления, предусмотренного ст. 169 УК, состоит в совершении развратных действий без применения насилия. Под развратными понимаются действия, направленные на удовлетворение половой страсти виновного или половой страсти лица, заведомо для виновного не достигшего возраста 16 лет, но не связанные с совершением полового акта, мужеложства, лесбиянства или иных действий сексуального характера. Эти действия обладают способностью оказывать развращающее влияние на лиц, в отношении которых совершаются. Их оценка должна осуществляться судом, а при наличии сомнений возможно проведение экспертизы с участием специалистов в области сексологии.

Если развратные действия предшествовали совершению более тяжкого преступления (изнасилование, насильственные действия сексуального характера и др.) или совершались в процессе таких действий, содеянное квалифицируется как соответствующее более тяжкое преступление (возможно, приготовление или покушение в зависимости от стадии, на которой прерваны действия виновного) и совокупность преступлений отсутствует. Действия виновного следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 169 и ч. 3 (ч. 2) ст. 166 УК, если они совершались с определенным разрывом во времени, а каждое преступление – по самостоятельно возникшему умыслу.

Совершение развратных действий путем распространения порнографических материалов или предметов порнографического характера дополнительно влечет за собой уголовную ответственность по ст. 343, 343[1] УК.

Состав данного преступления является формальным и считается оконченным с момента совершения любого из развратных действий, при этом не имеет значения, было ли согласие потерпевшей(его) на их совершение или она была поставлена перед фактом и не выразила по этому поводу протест.

По ч. 2 ст. 169 УК, предусматривающей ответственность за развратные действия с применением насилия или с угрозой его применения, содеянное квалифицируется в том случае, если обстоятельства дела свидетельствуют, что насилие, угроза применения насилия использовались обвиняемым как средства понуждения потерпевшего лица к восприятию соответствующей информации развращающего характера и не были направлены на принуждение его к совершению действий сексуального характера с обвиняемым.

По общему правилу, составом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 169 УК, охватывается фактическое причинение любых телесных повреждений, за исключением тяжких. Соответственно, умышленное причинение тяжкого телесного повреждения и убийство квалифицируются по совокупности преступлений.

Под понуждением к действиям сексуального характера (ст. 170 УК) понимается воздействие обвиняемого на потерпевшую(его) с целью склонения к совершению действий, перечисленных в диспозиции данной статьи, способами, не связанными с применением физического насилия или угрозой его применения: путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием служебной, материальной или иной зависимости. Понуждение является разновидностью психического насилия и может совершаться в любой форме (устной, письменной, с использованием средств связи), а также может быть адресовано непосредственно потерпевшей(ему) либо через третьих лиц.

Не может признаваться понуждением одно лишь предложение зависимому лицу совершить действия сексуального характера, а равно обещание улучшить материальное или служебное положение.

Если виновный, шантажируя потерпевшую(его), передаст кому-либо сведения, разглашение которых образует преступление (клевета, разглашение тайны усыновления (удочерения), врачебной тайны и др.), содеянное квалифицируется по совокупности преступлений.

Приведение в действие любой из перечисленных в ст. 170 УК угроз (уничтожением, повреждением либо изъятием имущества) также подлежит самостоятельной квалификации.

Преступление, предусмотренное ст. 170 УК, считается юридически оконченным с момента понуждения безотносительно не только к наступлению каких-либо последствий, но и к факту совершения понуждаемым лицом действий сексуального характера.

Понуждение и последующее половое сношение с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, квалифицируются по совокупности престу-

плений (ст. 168 и 170 УК), а при понуждении и совершении развратных действий в отношении лица, заведомо не достигшего 16 лет, – по ст. 169 и 170 УК.

Особенности квалификации посягательств на общественную нравственность в сфере сексуальных отношений. Под проституцией применительно к ст. 171 и 171[1] УК следует понимать систематическое вступление лиц в случайные, внебрачные сексуальные отношения (половое сношение, мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера) с неопределенным кругом партнеров за предварительно оговоренное вознаграждение.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 171 УК, состоит из нескольких альтернативных действий:

– организация занятия проституцией другим лицом;

– использование занятия проституцией другим лицом;

– предоставление с корыстной целью помещения (места) для занятия проституцией;

– организация притона для занятия проституцией;

– содержание притона для занятия проституцией.

Указанные варианты преступного поведения достаточно подробно представлены в уголовно-правовой литературе. Уголовная ответственность за вышеперечисленные действия наступает при отсутствии признаков более тяжкого преступления.

Организация занятия проституцией другим лицом охватывает любые деяния, направленные на создание, налаживание этой формы теневого бизнеса. Она предполагает, в частности, поиск сексуальных партнеров, налаживание связей проституток с клиентами, установление контроля за работой таких лиц, формирование клиентских баз данных, поиск мест для занятия проституцией, обеспечение охраной и т. п.

Под использованием занятия проституцией понимается извлечение материальной или иной выгоды от добровольного оказания другим лицом за вознаграждение услуг сексуального характера.

Предоставление с корыстной целью помещения (места) для занятия проституцией лицом, заведомо знавшим, что это помещение (место) будет использовано для занятия проституцией, формально является пособничеством в организации и содержании притона для занятия проституцией. В данном случае не имеет значения, сопровождалось или нет предоставление помещения (места) составлением какого-либо договора (документа). В качестве помещения (места) для занятия проституцией могут выступать квартира, дача, дом, транспортное средство, гараж, подвал и т. д.

Помещение (место) является притоном, если оно используется систематически (более двух раз) и именно для занятия проституцией. Каким образом организовано предоставление сексуальных услуг в притоне (есть ли постоянный штат проституток и постоянная клиентура либо любой клиент или проститутка могут воспользоваться услугами притона и т. д.), для квалификации значения не имеет.

Организация притона для занятия проституцией означает совершение активных действий по налаживанию работы притона: приискание помещения (места), его оснащение и обустройство, подбор обслуживающего персонала, клиентов и лиц, занимающихся проституцией, организация охраны, финансирование организационных затрат и т. д.

Содержание притона для занятия проституцией предполагает управление уже созданным притоном или обеспечение его функционирования: снабжение необходимыми товарами и предметами, осуществление приема клиентов, расчет с клиентами и проститутками и т. д.

Состав преступления является формальным и считается юридически оконченным с момента совершения любого из указанных действий.

Содеянное квалифицируется как использование занятия проституцией или создание условий для занятия проституцией, сопряженные с вывозом за пределы государства лица для занятия проституцией, в случае если потерпевшая (потерпевший) перемещена через Государственную границу Республики Беларусь в любом направлении (въехала на территорию Республики Беларусь или выехала за границу) либо незаконно удерживается за границей. Следует подчеркнуть, что в силу действия Договора о создании Евразийского экономического союза речь идет о вывозе за пределы Республики Беларусь, т. е. пересечении Государственной границы Республики Беларусь, а не таможенной границы Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Повышенная общественная опасность в этом случае связана с тем, что лицо, перемещенное за пределы своей страны, оказывается в состоянии более уязвимом, а иногда и беспомощном, что значительно облегчает совершение преступления.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 171[1] УК, характеризуется активными действиями, которые могут быть выражены в двух формах:

– вовлечении в занятие проституцией;

– принуждении к продолжению занятия проституцией.

Вовлечение в занятие проституцией предполагает склонение потерпевшего лица к занятию проституцией любым способом: обещанием материального вознаграждения, обманом, психическим воздействием, угрозой распространения каких-либо сведений и т. д.

Принуждение к продолжению занятия проституцией – это совершение действий, направленных на то, чтобы помешать лицу прекратить занятие проституцией. При принуждении потерпевшая(ий) не хочет, но вынуждена продолжать занятие проституцией.

Систематическое толкование названной уголовно-правовой нормы позволяет к способам, предусмотренным ч. 1 ст. 171[1] УК, относить шантаж, обман, угрозу распространить какие-либо сведения, уничтожение или повреждение имущества и т. д. Компрометирующие сведения могут относиться не только к лицу, вовлекаемому в занятие проституцией либо принуждаемому к продолжению занятия проституцией, но и к другим лицам, интересы которых в силу родственных или сложившихся личных отношений дороги потерпевшей(ему). Для квалификации не имеет значения, соответствуют ли эти сведения действительности или нет.

Соответственно, по ч. 2 ст. 171[1] УК следует квалифицировать вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения. Поскольку в законе отсутствует указание на адресата, можно предположить, что они могут быть адресованы также близким и родным вовлекаемого либо принуждаемого лица. Угроза может высказываться потерпевшему непосредственно или передаваться через других лиц. Если виновный для вовлечения или принуждения умышленно причиняет тяжкие телесные повреждения (ст. 147 УК), прибегает к изнасилованию (ст. 166 УК) либо насильственным действиям сексуального характера (ст. 167 УК), ответственность наступает по совокупности преступлений.

Состав данного преступления формальный. Преступление считается юридически оконченным с момента совершения любого из указанных действий: при вовлечении в занятие проституцией – с момента оказания впервые услуги сексуального характера за материальное вознаграждение, при принуждении – возобновления занятия проституцией (хотя бы один раз) после того, как имело место принуждение. Если же, несмотря на оказанное воздействие, вовлекаемое лицо отказалось от занятия проституцией, действия вовлекающего необходимо квалифицировать как покушение на вовлечение (ч. 1 ст. 14 и соответствующая часть ст. 171[1] УК).

3.1.3. Особенности квалификации преступлений против личной свободы, чести и достоинства

Общие положения. Будучи основой осуществления принадлежащих человеку прав и свобод, личная свобода является необходимым условием нормальной жизнедеятельности и развития человека, что, в

свою очередь, предопределяет необходимость обеспечения ее эффективной и всесторонней охраны. Одним из способов такой охраны является признание посягательств на личную свободу человека, его честь и достоинство общественно опасными деяниями и установление за их совершение уголовной ответственности (гл. 22 УК).

Общественная опасность преступлений данной группы состоит в том, что они затрагивают основополагающие ценности в системе прав человека – личную свободу, его честь и достоинство. В процессе совершения преступлений виновные посягают на многие составляющие личной свободы, в том числе на физическое состояние и духовную неприкосновенность человека. Жертвы лишены возможности свободно передвигаться, избирать место жительства, заниматься общественно полезными видами деятельности.

Личная свобода является объектом таких преступлений, как торговля людьми (ст. 181 УК), использование рабского труда (ст. 181[1] УК), похищение человека (ст. 182 УК), незаконное лишение свободы (ст. 183 УК), незаконное помещение в психиатрический стационар (ст. 184 УК), принуждение (ст. 185 УК), угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (ст. 186 УК), незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей (ст. 187 УК). Защиту чести и достоинства человека уголовное законодательство Республики Беларусь осуществляет в соответствии со ст. 188 «Клевета» УК.

В связи с тем, что свобода человека не имеет качественных или количественных характеристик, уголовно-правовой охране в равной мере подлежат любые лица независимо от их физического или психического состояния, пола, возраста, социального положения, рода деятельности. Вместе с тем данные о личности потерпевшего подлежат обязательному установлению, поскольку, будучи квалифицирующими признаками некоторых преступлений (например: несовершеннолетний или малолетний возраст – п. 9 ч. 2 и ч. 3 ст. 181 УК, п. 1 ч. 2 ст. 181[1] УК, п. 1 ч. 2 ст. 182 УК; состояние беременности – п. 7 ч. 2 ст. 181 УК, п. 5 ч. 2 ст. 181[1] УК), влияют на дифференциацию уголовной ответственности.

Для признания деяния посягательством на личную свободу оно должно быть совершено помимо или против воли человека. Так, при совершении торговли людьми (ст. 181 УК) согласие потерпевшего, полученное вследствие применения насилия, обмана, злоупотребления доверием, признается недействительным и рассматривается как преступление. Исключение сделано лишь для лиц, не достигших 18-летнего

возраста. Законодатель признал вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение ребенка в целях эксплуатации торговлей людьми даже в том случае, если они не были связаны с применением какого-либо из средств воздействия.

Вопрос о признании лица потерпевшим от клеветы зависит от ряда обстоятельств. В частности, клевета возможна в отношении любого лица вне зависимости от его способности воспринимать и сознавать смысл и значение распространяемых в отношении него сведений. В рамках уголовного закона должен решаться вопрос и о возможности привлечения к ответственности за распространение заведомо ложных сведений об умершем лице.

Особенность объективной стороны преступлений указанной группы состоит в том, что в большинстве случаев они совершаются путем активных действий. Пассивная форма преступного поведения характерна для преступления, предусмотренного ст. 184 УК.

Основные составы преступлений сконструированы по типу формальных составов. Исключение составляет преступление, предусмотренное ст. 187 УК, где обязательным признаком объективной стороны являются последствия в виде эксплуатации человека.

Вопросы квалификации в ряде случаев зависят от признаков субъективной стороны. При совершении торговли людьми эксплуатация человека является целью, которую преследует виновный, осуществляя вербовку, перевозку, укрывательство, передачу или получение человека. Лицо действует с прямым умыслом, направляя все усилия на достижение преступного результата.

В ст. 187 УК отношение к общественно опасным последствиям характеризуется косвенным умыслом. Лицо не стремится поставить потерпевшего в зависимое положение и подвергнуть его эксплуатации. Умысел виновного направлен именно на трудоустройство гражданина за границей. Однако для достижения поставленной цели лицо избирает такой способ, который заведомо для него может повлечь наступление общественно опасных последствий в виде эксплуатации человека, при этом виновный не намерен предпринимать никаких усилий по предотвращению указанных последствий, он безразлично относится к их наступлению, рассчитывая на случайные обстоятельства, которые, по его мнению, могли бы исключить возможность попадания человека в зависимость, сопряженную с эксплуатацией.

Определяющим фактором в части разграничения смежных преступных деяний может выступать и цель. Так, отличить вербовку в контексте

торговли людьми (ст. 181 УК) от вовлечения в занятие проституцией (ст. 171^1 УК) можно по наличию цели эксплуатации. Вовлекая лицо в проституцию, в том числе с использованием физического или психического насилия, виновный не преследует цель в дальнейшем подвергнуть лицо сексуальной эксплуатации. Потерпевший осведомлен, как правило, об условиях, при которых он будет заниматься деятельностью по оказанию сексуальных услуг за плату, на него не оказывается воздействие с целью поставления в зависимое положение, которое бы позволяло эксплуатировать данное лицо и распоряжаться им как вещью.

В то же время, вовлекая лицо в проституцию с целью обращения его в сексуальное рабство, виновный вводит потерпевшего в заблуждение относительно условий предлагаемой ему деятельности, используя при этом его уязвимое положение, обусловленное стечением личных, семейных или иных обстоятельств. Лицо не предполагает, что будет подвергнуто сексуальной эксплуатации.

Мотивы и цели могут играть роль обстоятельств, повышающих степень общественной опасности преступления (корыстные побуждения – п. 3 ч. 2 ст. 182 УК, цель эксплуатации – п. 4 ч. 2 ст. 182 УК, цель изъятия органов или тканей для трансплантации – п. 5 ч. 2 ст. 182 УК).

Уголовно-правовая оценка отдельных преступлений, ответственность за которые предусмотрена статьями гл. 22 УК, зависит от содержания таких признаков субъекта, как возраст и род занятий. В силу способности сознавать общественную опасность совершенного деяния в более раннем возрасте ответственность за похищение человека (ст. 182 УК) наступает с 14 лет. Признаком специального субъекта должно обладать лицо, совершающее преступление, предусмотренное ст. 184 УК (незаконное помещение в психиатрический стационар). По п. 5 ч. 2 ст. 181 УК ответственность наступает для лица, которое при совершении действий, образующих торговлю людьми, использовало свои служебные полномочия.

Особенности квалификации преступлений, посягающих на личную свободу. Торговля людьми представляет собой преступление, идентификация которого, за исключением торговли детьми, во многом зависит от направленности действия и способа вовлечения в эксплуатацию. Воздействие на волеизъявление человека является критерием, позволяющим разграничить преступления, предусмотренные ст. 181 и 171 УК (организация и (или) использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией).

При торговле людьми имеет место незаконное извлечение преступником материальной или иной выгоды от принудительного оказания

лицом возмездных услуг сексуального характера. Другими словами, лицо занимается проституцией под принуждением. При использовании занятия проституцией виновный незаконно извлекает материальную или иную выгоду от добровольного оказания другим лицом возмездных услуг сексуального характера. Добровольность выражается в следующем: лицо само желает заниматься проституцией, согласно «работать» на сутенера, получает материальные блага (например: деньги, ценности) от клиента за оказанные сексуальные услуги, лицо устраивает ситуация, при которой достигнута договоренность с сутенером о разделе вознаграждения за сексуальные услуги, и оно беспрепятственно может уйти к другому сутенеру или прекратить занятие такой деятельностью без опасения за свою жизнь.

Для квалификации *торговли людьми* достаточно установления одного из альтернативно указанных в диспозиции статьи действий (вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека), которые сопряжены с обманом, злоупотреблением доверием либо применением насилия. Иные общественно опасные действия (кроме названных в диспозиции ч. 1 ст. 181 УК), предшествующие эксплуатации человека, в результате которых потерпевший попадает в подневольное состояние (например, похищение человека), квалифицируются самостоятельно по соответствующим статьям УК.

Основным составом торговли людьми охватывается нанесение потерпевшему побоев или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением физической боли, а также фактическое причинение в результате насилия умышленных легких телесных повреждений, не повлекших кратковременного расстройства здоровья либо незначительной стойкой утраты трудоспособности.

Торговля людьми, совершенная с причинением легких телесных повреждений, повлекших кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности, менее тяжких телесных повреждений, подлежит квалификации по п. 2 ч. 2 ст. 181 УК.

Убийство или умышленное причинение тяжкого телесного повреждения влекут ответственность по совокупности преступлений (п. 2 ч. 2 ст. 181 УК и статья, предусматривающая ответственность за преступление против жизни или здоровья).

Угроза применением насилия (как опасного, так и неопасного для жизни или здоровья) охватывается составом торговли людьми и дополнительной квалификации по ст. 185 и 186 УК не требует.

Обязательным субъективным признаком торговли людьми выступает цель – последующая эксплуатация человека, т. е. незаконное при-

нуждение его к работе или оказанию услуг (в том числе к действиям сексуального характера, суррогатному материнству, забору у человека органов и (или) тканей), в случае если потерпевший по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг), включая рабство или обычаи, сходные с рабством. Сам факт эксплуатации человека не охватывается основным составом преступления и подлежит самостоятельной уголовно-правовой оценке.

Объективная сторона состава торговли людьми выражается также и в перевозке человека. Для квалификации торговли людьми с вывозом лица за пределы государства необходимо фактическое перемещение потерпевшего за рубеж. Попытка такого перемещения оценивается как покушение на преступление и квалифицируется по ч. 1 ст. 14, п. 8 ч. 2 ст. 181 УК. Сам по себе вывоз жертв торговли людьми за пределы государства может быть легальным или нелегальным. Нарушение правил пересечения Государственной границы Республики Беларусь лицом, осуществляющим торговлю людьми с перемещением потерпевшего за пределы государства, при наличии оснований влечет для виновного ответственность дополнительно по ст. 371 УК.

Перемещение в ряде случаев может быть связано с организацией незаконной миграции (ст. 371^1 УК). Если лицо организует въезд на территорию Республики Беларусь, пребывание на ее территории, а также транзитный проезд и выезд из Республики Беларусь иностранных граждан или лиц без гражданства, являющихся жертвами торговли людьми, и не осведомлено об истинной цели их перемещения, его действия квалифицируются по ст. 371^1 УК. В случае такой осведомленности, при отсутствии самого факта непосредственной перевозки потерпевших от торговли людьми лицо подлежит ответственности за соучастие в торговле людьми с вывозом за пределы государства.

Действия лица квалифицируются как *использование рабского труда* (ст. 181^1 УК), если использовался труд человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности. Кроме рабского труда, диспозицией ст. 181^1 УК охватываются и иные формы эксплуатации человека, включая институты и обычаи, сходные с рабством, а также принудительный труд, запрет на который установлен Конституцией Республики Беларусь. Для привлечения виновного к ответственности за использование рабского труда не имеет значения продолжительность труда, его характер (физический или интеллектуальный), а также законность выполняемых работ.

Наличие у лица реальной возможности по собственной воле не выполнять работу или не оказывать услугу и покинуть место пребывания

без угрозы для жизни, здоровья или иных прав и законных интересов исключает ответственность за использование рабского труда.

При конструировании уголовно-правовой нормы законодатель ограничил возможность уголовного преследования за использование рабского труда отсутствием признаков преступления, предусмотренного ст. 181 УК. По сути, наличие в содеянном объективных и субъективных признаков торговли людьми во всех случаях исключает ответственность по ст. 181[1] УК, поэтому указанные деяния не могут образовывать совокупности преступлений. В то же время факт эксплуатации человека не охватывается рамками ст. 181 УК, следовательно, если лицо сначала совершило действия (либо одно действие), образующие торговлю людьми, а впоследствии подвергло потерпевшего эксплуатации, оно будет подлежать ответственности лишь по одной статье.

Иные преступления против личной свободы, которые сопутствовали использованию рабского труда или иной форме эксплуатации человека, требуют дополнительной квалификации по соответствующим статьям УК.

Похищение человека (ст. 182 УК) рассматривается как преступление при условии, что составляющие его объективную сторону действия (завладение человеком, связанное с его перемещением в другое место) являются противоправными. Ответственность исключается при инсценировке похищения, когда потерпевший дает на него свое согласие, например для получения выкупа, который распределяется впоследствии между «жертвой» и похитителем.

Потерпевшим от указанного преступления может быть любой человек независимо от пола, психического или физического состояния и т. п. Если похищение имело место в отношении лица, не достигшего 18-летнего возраста, действия виновного подлежат квалификации по п. 1 ч. 2 ст. 182 УК. В случае похищения представителя иностранного государства или международной организации с целью провокации международных осложнений или войны либо дестабилизации общественного порядка в иностранном государстве, ответственность наступает по ч. 1 ст. 124 УК как акт терроризма в отношении представителя иностранного государства или международной организации.

Если похищаемое лицо является должником похитителя, а последний стремится таким образом принудить потерпевшего к уплате долга, содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений (ч. 1 или ч. 2 (кроме п. 3) ст. 182 и ч. 2 ст. 384 УК).

Случаи похищения родителем, усыновителем (в том числе и лишенным родительских прав) собственного ребенка у другого родителя или

иных лиц, которым ребенок передан в установленном законом порядке на воспитание, а также похищение ребенка близкими родственниками, если эти действия совершаются в интересах ребенка, не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 182 УК. Некоторые правоведы подобные случаи предлагают оценивать как малозначительное деяние (ч. 4 ст. 11 УК)[1].

Иногда похищение человека может сопровождаться только одним насильственным действием – удержанием. Речь идет о тех ситуациях, когда лицо под влиянием обмана или злоупотребления доверием со стороны виновного самостоятельно покидает привычное место пребывания, а затем удерживается виновным в новом месте. В правоприменительной практике такие действия признаются похищением человека.

Избранный способ при похищении человека во многом зависит от возраста, рода занятий потерпевшего, его состояния здоровья и т. п.

Действия виновного квалифицируются как тайное похищение человека, если преступление совершено в отсутствии очевидцев на месте преступления либо в их присутствии, но незаметно для них, когда в силу различных обстоятельств эти люди не наблюдают факт совершения преступления и объективно не могут сознавать значение и смысл происходящего.

Если преступление совершается в присутствии посторонних лиц, которые сознают противоправный характер действий виновного, на что рассчитывает и сам похититель, имеются признаки открытого похищения человека.

Сознательное сообщение заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений относительно своих намерений самому потерпевшему либо лицам, передающим потерпевшего во владение виновному, а равно использование доверительных отношений с потерпевшим квалифицируются как похищение человека путем обмана или злоупотребления доверием.

Завладение человеком нередко сопряжено с причинением похищенному лицу или иным лицам, пытающимся воспрепятствовать совершению преступления, телесных повреждений, нанесением побоев или совершением иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы.

Данное преступление имеет сходные признаки с захватом заложника (ст. 291 УК). Однако у этих деяний различны основные объекты (личная

[1] См.: Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. С. 372.

свобода и общественная безопасность), способы осуществления деяний (захват), а также содержание выдвигаемых требований (если таковые выдвигаются). Главное отграничение похищения человека от захвата заложника следует проводить по субъективной стороне. Похищение человека не обусловлено строго определенными целями, достижение которых выступает как условие освобождения заложника. В частности, в ч. 1 ст. 291 УК четко указано, что захват или удержание заложника совершаются в целях понуждения государственного органа, международной организации, юридического или физического лица или группы лиц совершить либо воздержаться от совершения какого-либо действия.

Как правило, при похищении человека выдвигаемые требования к близким потерпевшего не афишируются. При захвате заложника, напротив, виновный стремится сделать содеянное достоянием широкого круга лиц, в том числе и властей.

В литературе отмечается, что при захвате заложника личность человека безразлична для виновного, т. е. он не имеет каких-либо взаимоотношений с заложником. Главный упор делается на понуждение. В свою очередь, при похищении человека виновные по тем или иным причинам заинтересованы в конкретной личности похищаемого (при взыскании долга, устранении конкурента и т. д.)[1]. Однако по такому обстоятельству четко разграничить эти преступления не всегда возможно. Во-первых, похищение конкретного человека может перерасти в захват заложника, и, во-вторых, сам захват заложника может быть сопряжен с захватом конкретного человека. Например, осужденные, отбывающие наказание в виде лишения свободы в исправительном учреждении, захватывают конкретное лицо из администрации этого учреждения, выставляя при этом свои требования[2].

Неслучайно в литературе было высказано мнение, что похищение человека и захват заложника, совершенные из корыстных побуждений и сопряженные с предъявлением требований к третьей стороне, следует рассматривать только как захват заложника[3].

Похищение человека граничит не только с захватом заложника, но и близко примыкает к ряду других преступлений, посягающих на

[1] См.: Полный курс уголовного права : в 5 т. / А.С. Горелик [и др.] ; под ред. А.И. Коробеева. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. Т. 2 : Преступления против личности. С. 424.

[2] См.: Уголовная ответственность за посягательства на личную свободу человека : учеб. пособие / О.И. Бахур [и др.] ; под общ. ред. Э.А. Саркисовой, Н.И. Ретневой ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2016. С. 73.

[3] См.: Бриллиантов В. Похищение человека или захват заложника? // Рос. юстиция. 1999. № 9. С. 43.

личную свободу человека, а именно: к незаконному лишению свободы (ст. 183 УК), принуждению (ст. 185 УК), угрозе убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (ст. 186 УК). Разграничение этих преступлений и похищения человека является одним из условий их правильной квалификации.

Отграничение похищения человека от незаконного лишения свободы следует проводить по объективной стороне. В отличие от похищения человека объективная сторона незаконного лишения свободы характеризуется единственным противоправным действием – удержанием лица в месте его постоянного или временного нахождения. При похищении человека его изымают из привычной обстановки, перемещают в пространстве и незаконно удерживают, препятствуя его свободному передвижению. Незаконное лишение свободы по своим объективным признакам предполагает лишь удержание потерпевшего в определенном месте помимо его воли, при этом имеется в виду, что в этом месте потерпевший оказался добровольно.

При похищении потерпевший может принуждаться к выполнению или невыполнению какого-либо действия под угрозой применения насилия к нему или его близким, уничтожения или повреждения их имущества, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые они желают сохранить в тайне, либо под угрозой ущемления прав, свобод и законных интересов этих лиц. В данном случае похищением человека охватывается принуждение, предусмотренное ст. 185 УК, и дополнительной квалификации по этой статье не требуется. Аналогичным образом решается вопрос и в тех случаях, когда завладение человеком сопровождалось угрозой убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества. Вменение ст. 186 УК также не требуется.

Обязательный признак *преступления, предусмотренного ст. 183 УК*, – незаконность, что означает отсутствие законных оснований для насильственного ограничения свободы лица. Закон предусматривает строго определенные случаи, когда лицо может быть лишено свободы государственным органом: административное задержание, принудительная госпитализация в психиатрический стационар, меры уголовно-процессуального принуждения, уголовное наказание, применяемые в установленном законом порядке.

Согласие самого человека на изоляцию в определенном месте исключает состав указанного преступления. Однако последующее противоправное удержание лица, находящегося в определенном месте по собственной воле, квалифицируется как незаконное лишение свободы.

Период удержания потерпевшего в определенном месте не имеет значения для квалификации преступления. Вместе с тем явно незначительный промежуток времени, на который лицо было принудительно ограничено в свободе передвижения, может свидетельствовать о малозначительности деяния (ч. 4 ст. 11 УК).

Ч. 1 ст. 183 УК охватывает причинение потерпевшему только легких телесных повреждений, не повлекших кратковременного расстройства здоровья. Если незаконно лишенному свободы причинены легкие телесные повреждения, предусмотренные ст. 153 УК, содеянное квалифицируется по ч. 2 ст. 183 УК. Аналогично решается вопрос и в том случае, если потерпевшему причинено менее тяжкое телесное повреждение. Причинение незаконно лишенному свободы тяжкого телесного повреждения требует дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 147 УК. В случае убийства лица при попытке лишить его свободы виновный подлежит ответственности по совокупности преступлений (ч. 2 ст. 183 и ч. 1 ст. 139 УК (при отсутствии квалифицирующих признаков)).

Для применения ст. 183 УК необходимо отсутствие признаков должностного или другого более тяжкого преступления (ст. 182, 184, 291, 397, 426 УК и др.). В связи с этим возникает вопрос о квалификации действий лица, использующего незаконное лишение свободы в процессе совершения другого преступления. Если лишение свободы являлось способом совершения другого преступления, действует правило, исключающее дополнительную квалификацию по ст. 183 УК. Так, при захвате заложника незаконное лишение свободы полностью охватывается этим преступлением и не требует дополнительной квалификации по ст. 183 УК. Если ограничение свободы осуществляется должностными лицами органов правосудия, содеянное подлежит квалификации по ст. 392 УК за вынесение заведомо неправосудного приговора. Заведомо незаконное задержание или заключение под стражу влекут ответственность по ст. 397 УК. Незаконное лишение свободы граждан иными должностными лицами является превышением власти или служебных полномочий, ответственность за которое предусмотрена ч. 3 ст. 426 УК.

Целесообразно распространить данное положение и на другие составы преступлений, в которых незаконное лишение свободы может выступать составной частью способа их совершения.

Вместе с тем следует отметить, что в правоприменительной практике суды иногда игнорируют правила квалификации преступлений, составной частью которых является незаконное лишение свободы. Так, президиум областного суда отменил приговор районного суда и определение судебной коллегии по уголовным делам областного суда в части осуждения Ж. по ч. 1 ст. 183 УК. Из материалов дела следует, что Ж. закрыл потерпевшего в квартире с целью исключения его сопротивления совершаемому хищению и, соответственно, удержания похищенного имущества, обращения его в свою собственность, что свидетельствовало о направленности умысла не на лишение свободы потерпевшего, а на завладение имуществом. По мнению суда, наличие умысла на совершение другого преступления (речь шла о ч. 2 ст. 207 УК) посредством незаконного лишения свободы является способом достижения преступного результата и исключает квалификацию как совокупность преступлений[1].

Мотивы и цели преступления не влияют на квалификацию, однако при назначении наказания могут учитываться в качестве обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность.

Для квалификации действий по ч. 2 ст. 183 УК необходимо, чтобы виновным сознательно был избран такой способ, при котором создается реальная угроза для жизни или здоровья потерпевшего. Если в результате удержания лицу причинены тяжкие телесные повреждения способом, носящим характер мучения, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений (п. 3 ч. 2 ст. 147 и ч. 2 ст. 183 УК).

Как *незаконное помещение в психиатрический стационар* (ст. 184 УК) квалифицируются действия лица, которое поместило в психиатрический стационар заведомо психически здорового человека либо незаконно удерживало такое лицо в психиатрическом стационаре.

Основанием для принудительного помещения в психиатрический стационар является решение суда о принудительной госпитализации и лечении, которое выносится в случае нахождения лица в состоянии, обусловливающем его непосредственную опасность для себя и (или) иных лиц; его беспомощность, т. е. неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности; возможность причинения существенного вреда своему здоровью вследствие ухудшения состояния психического здоровья, если такое лицо будет оставлено без психиатрической помощи (ст. 36 Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 349-З «Об оказании психиатрической помощи»).

При отсутствии указанных оснований принудительное помещение в психиатрический стационар является незаконным.

[1] См.: Постановление президиума областного суда от 2 октября 2017 г. (извлечение) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-поисков. системы «ЭТАЛОН. Судебная практика».

Не может квалифицироваться как преступление, предусмотренное ст. 184 УК, помещение в психиатрический стационар лица, имеющего психическое расстройство, но не нуждающегося в госпитализации. Однако практике известны случаи незаконного помещения в стационар в связи с настойчивой инициативой помещаемого лица при отсутствии фактических оснований. Чаще всего такое происходит при попытке укрыться от уголовного преследования или с целью уклонения от воинской службы. В этих случаях в зависимости от конкретных обстоятельств дела речь идет об ответственности должностных лиц, которые осуществили такую госпитализацию, а равно лиц, являвшихся организаторами или пособниками самого лица, укрывшегося в психиатрическом стационаре. Действия виновных подлежат квалификации по совокупности преступлений, включая деяния против интересов службы или правосудия.

Удержание лица, находившегося в психиатрическом стационаре на законном основании, но излечившегося от психиатрического расстройства или подлежащего переводу на амбулаторное лечение, подлежит квалификации по статье о незаконном лишении свободы (ст. 183 УК).

Ответственность за незаконное помещение в психиатрический стационар устанавливает ст. 184 УК. Следовательно, стационирование психически больного в другие организации здравоохранения, где отсутствует отделение по оказанию помощи лицам, страдающим психическими расстройствами, не может образовывать состава преступления, предусмотренного ст. 184 УК. Содеянное должно квалифицироваться как незаконное лишение свободы (ст. 183 УК) или как преступление против интересов службы.

В юридической литературе отсутствует единый подход в вопросе оценки действий судьи, который вынес незаконное решение о помещении лица в психиатрический стационар. Такое поведение должностного лица, по мнению И.М. Тяжковой, следует оценивать по правилам статьи, предусматривающей ответственность за вынесение заведомо неправосудного решения либо иного судебного акта[1]. Аналогичная позиция высказана и А.В. Барковым[2].

[1] См.: Курс уголовного права : в 5 т. [Электронный ресурс] / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М. : Зерцало-М, 2002. Т. 3 : Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. URL: http://alleng.org/d/jur/jur244.htm (дата обращения: 22.01.2024).

[2] См.: Барков А.В. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Особенная часть. Раздел VII. Преступления против человека. Глава 22. Преступления против личной свободы, чести и достоинства (статьи 181–189) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».

Вместе с тем, по мнению С.М. Свило, «вынесение судьей незаконного решения о помещении в психиатрический стационар является частным случаем вынесения заведомо неправосудного решения, т. е. нормы ст. 184 УК носят специальный характер по отношению к нормам ст. 392 УК, а поэтому именно они должны применяться в случае конкуренции»[1].

Уголовную ответственность по ст. 186 УК влечет *угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества* общеопасным способом, если имелись основания опасаться ее осуществления.

Потерпевшим от преступления может быть только тот человек, которому адресована соответствующая угроза. Если уголовно наказуемая угроза адресуется лицу в связи с его профессиональной или общественной деятельностью, при наличии иных признаков состава преступления применяются специальные нормы ответственности за угрозу (например: ст. 364 «Насилие либо угроза применения насилия в отношении сотрудника органов внутренних дел» УК, ст. 366 «Насилие либо угроза в отношении должностного лица, выполняющего служебные обязанности, или иного лица, выполняющего общественный долг» УК, ст. 389 «Угроза в отношении судьи или народного заседателя» УК, ст. 442 «Угроза начальнику» УК).

Угроза квалифицируется по ст. 186 УК лишь при условии, что у потерпевшего имелись основания опасаться ее осуществления. В случае если после высказывания угрозы виновный совершает конкретные действия по ее реализации, ответственность наступает либо за покушение на совершение соответствующего преступления (убийство, причинение тяжких телесных повреждений, уничтожение или повреждение имущества), либо как за оконченное преступление.

Угроза причинением вреда может выступать конструктивным признаком иных составов преступлений, например: угроза уничтожением или повреждением имущества при понуждении к действиям сексуального характера (ст. 170 УК), угроза распространения клеветнических сведений при вымогательстве (ст. 208 УК), угроза убийством и причинением тяжких телесных повреждений с целью совершить изнасилование или насильственные действия сексуального характера (ст. 166, 167 УК) и т. п. В этих случаях угроза охватывается составом соответствующего преступного деяния и не требует дополнительной квалификации по ст. 186 УК.

Следует отметить, что в правоприменительной практике суды не всегда учитывают данное требование. Так, президиум Минского об-

[1] Уголовная ответственность за посягательства на личную свободу человека. С. 96.

ластного суда прекратил уголовное дело в части осуждения лица по ст. 186 УК за отсутствием состава преступления. Из материалов уголовного дела следовало, что угроза насилием являлась формой проявления особо злостного хулиганства и охватывалась составом преступления, предусмотренного ст. 339 УК, а, следовательно, квалификация действий виновных по ст. 186 УК была излишней[1].

Мотивы и цели уголовно-правового значения не имеют. Вместе с тем установление и оценка указанных признаков субъективной стороны являются обязательными при реализации принципа индивидуализации наказания.

Для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 187 УК необходимо установить, что *действия, направленные на трудоустройство граждан за границей*, являются незаконными, а результатом таких действий стала эксплуатация человека, трудоустроенного за границей.

Деятельность, связанная с трудоустройством граждан за пределами Республики Беларусь, должна отвечать определенным требованиям, установленным законодательством.

Обязательным условием вменения ст. 187 УК является наличие причинной связи между нарушением требований законности действий, направленных на трудоустройство граждан за границей, и последующей эксплуатацией потерпевшего лица. Теория необходимого причинения, применяемая в судебной практике Республики Беларусь, не может быть использована в данном случае, поскольку последствия как результат незаконных действий лица не находились с деянием в непосредственной причинной связи и не явились его закономерным следствием. Эксплуатация человека применительно к ст. 187 УК – это результат действий другого лица, которое невиновно в нарушении требований, предъявляемых к трудоустройству гражданина за границей. Такие действия выступают лишь условием (но не причиной), при котором у иных лиц появляется возможность подвергнуть потерпевшего эксплуатации.

Ответственность по ст. 187 УК исключается, если будет доказано, что за границей трудоустроенное лицо по собственной инициативе вступило в трудовые отношения, результатом которых стала его эксплуатация.

[1] См.: Ответственность за угрозу по ст. 186 УК наступает лишь в тех случаях, когда угроза не является признаком другого более тяжкого преступления. Угроза, являющаяся формой проявления хулиганства, сопряженная с грубым нарушением общественного порядка, охватывается составом преступления, предусмотренного ст. 339 УК (извлечение) [Электронный ресурс] : постановление президиума Мин. обл. суда, 22 февр. 2005 г. Доступ из справ.-поисков. системы «ЭТАЛОН».

Особенности квалификации преступлений против чести и достоинства. Действия лица квалифицируются как *клевета* (ст. 188 УК), если имело место распространение сведений, заведомо ложных, порочащих другое лицо, в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи.

По ст. 188 УК подлежат квалификации и действия лица, распространившего клеветнические сведения, которые содержали обвинение в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Потерпевшим от клеветы всегда является другое лицо, в связи с чем распространение человеком заведомо ложных сведений о самом себе, даже если оно причиняет вред правам и законным интересам третьих лиц, не образует состава клеветы. Не может квалифицироваться по ст. 188 УК и распространение заведомо ложных сведений, подрывающих деловую репутацию юридического лица, защита репутации которого осуществляется в гражданско-правовом порядке.

Обязательным условием привлечения к уголовной ответственности за клевету является ложный характер распространяемых сведений. Не образует состава клеветы распространение порочащей информации, которая соответствует действительности.

В качестве обязательного признака объективной стороны преступления выступает публичный способ распространения ложной информации.

Для квалификации деяния по признаку распространения заведомо ложных сведений в печатном или публично демонстрирующемся произведении необходимо, чтобы к данным произведениям имел доступ неограниченный круг лиц. Действия виновного образуют клевету и в случае выставления даже одного экземпляра произведения в общественном месте для публичного обозрения.

При клевете, соединенной с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, распространяются не просто сведения, порочащие другое лицо, а не соответствующие действительности данные о причастности лица к совершению преступления, признаки которого подпадают под категории преступлений, предусмотренных ч. 4 или 5 ст. 12 УК. Если клевета касается совершения преступления иной категории, уголовная ответственность исключается.

Клевету, соединенную с обвинением в тяжком или особо тяжком преступлении, необходимо отличать от заведомо ложного доноса

(ст. 400 УК). Разграничительным критерием указанных преступлений является направленность умысла виновного. При заведомо ложном доносе умысел виновного направлен на иной объект – интересы правосудия – и имеет целью привлечение невиновного к уголовной ответственности. В связи с этим и сведения адресуются, как правило, органам, правомочным осуществлять уголовное преследование.

Обязательным условием привлечения к ответственности за клевету является установление факта осведомленности виновного о том, что сведения, которые он распространяет, изначально являются ложными, не соответствующими действительности. Если лицо добросовестно заблуждалось относительно характера распространяемых им сведений (считало их истинными) или хотя бы сомневалось в этом, ответственность за клевету исключается.

Если сведения достоверны, но виновный считает их ложными и путем их распространения порочит другое лицо, то согласно правилам квалификации фактической ошибки содеянное квалифицируется по направленности умысла как покушение на клевету.

Клевету, предусмотренную ст. 188 УК, следует отличать от распространения заведомо ложных сведений в отношении Президента Республики Беларусь (ст. 367 УК). Объектом клеветы (ст. 188 УК) являются честь и достоинство, а объектом преступления, предусмотренного ст. 367 УК, выступает авторитет Президента Республики Беларусь. Потерпевшим по ст. 188 УК признается любое лицо независимо от статуса и должностного положения, по ст. 367 УК – только Президент.

Как правило, распространение клеветнических сведений (ст. 188 УК) обусловлено личными неприязненными отношениями, сложившимися между виновным и потерпевшим. Мотивом преступления, предусмотренного ст. 367 УК, является прежде всего конституционная деятельность Главы государства. Виновный сознает, что распространяет клеветнические сведения именно в отношении Президента, и желает их распространять.

Деяние, описанное в ст. 188 УК, влечет уголовную ответственность только по требованию потерпевшего (п. 15 ч. 1 ст. 33 УК), в то время как клевета в отношении Президента Республики Беларусь относится к делам публичного обвинения, возбуждаемым независимо от требования потерпевшего о привлечении лица к уголовной ответственности.

3.1.4. Особенности квалификации преступлений против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних

Общие положения. Семья является исторически сложившейся естественной структурной ячейкой общества. Согласно ст. 32 Конституции Республики Беларусь семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства. Важным средством такой защиты служит установление ответственности за преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних (ст. 172–180 гл. 21 УК).

Видовым объектом преступлений против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних являются общественные отношения, сложившиеся в процессе надлежащего функционирования семьи и соблюдения интересов несовершеннолетних. Непосредственным объектом могут быть конкретные общественные отношения, охраняемые конкретной нормой. Так, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 177 «Разглашение тайны усыновления (удочерения)» УК, являются общественные отношения, сложившиеся между усыновленным (удочеренным) и усыновителем (удочерителем). На уровне анализа общественных отношений, входящих в непосредственный объект, возможно выделение основного и дополнительного или факультативного объектов, а также двухобъектных преступлений.

Предметом преступления могут быть сведения о заболевании или результаты освидетельствования, семейная тайна об усыновлении (удочерении), а также материальные интересы (прежде всего деньги) при уклонении от уплаты средств на содержание детей, родителей.

Потерпевшими от этого преступления могут быть родители, несовершеннолетние, в том числе и малолетние, усыновители (удочерители), усыновленные (удочеренные), которым преступлением причиняется моральный или материальный вред (ущерб) либо названные социальные ценности поставлены в опасность причинения вреда.

Объективная сторона указанных преступлений выполняется действием (например, вовлечение несовершеннолетнего в преступление) либо бездействием (уклонение детей от содержания родителей). Объективная сторона некоторых преступлений выражается в виде совершения нескольких альтернативных действий (например, злоупотребление правами опекуна или попечителя может выражаться в использовании опеки или попечительства в корыстных целях, либо в жестоком обращении с подопечными, либо умышленном оставлении их без надзора и необходимой помощи). Большинство преступлений по конструкции объективной стороны относятся к формальным. Некоторые сконструи-

рованы по типу материальных составов преступлений. В материальных составах преступлений обязательна причинная связь между деянием и наступившими последствиями (вредом).

В составах преступлений, предусмотренных ст. 177^1 и ч. 2 ст. 174 УК, необходимым условием уголовной ответственности является административная преюдиция. В некоторых составах преступлений предусмотрен способ их совершения (например, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана или иным способом).

Субъектом преступлений против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних может быть вменяемое физическое лицо, достигшее 16 либо 18 лет и в ряде случаев обладающее специальными признаками (родители, педагоги, дети, медицинские, фармацевтические работники).

В теории уголовного права традиционно принято классифицировать преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних:

– на преступления против нравственного и физического развития несовершеннолетних (ст. 172, 173 УК);

– преступления, сопряженные с неисполнением алиментных обязанностей (ст. 174, 175 УК);

– иные преступления, посягающие на уклад семейных отношений и интересы несовершеннолетних (ст. 176–180 УК).

Субъективная сторона данного вида преступлений характеризуется умышленной формой вины. В некоторых преступлениях обязательному установлению подлежат специальный мотив либо цель (например, злоупотребление правами опекуна или попечителя в корыстных целях).

Особенности квалификации преступлений против нравственного и физического развития несовершеннолетних. При квалификации *вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления* (ст. 172 УК) совершение преступления внешне проявляется в форме активного поведения преступника, т. е. путем действия, направленного на возбуждение у несовершеннолетнего желания (волевого активного поведения) совершить преступление. Способы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления могут быть разными.

В п. 17 Постановления от 28 июня 2002 г. № 3 указано, что под иным способом вовлечения несовершеннолетнего в преступление необходимо понимать действия, направленные на возбуждение у него желания участвовать в совершении одного или нескольких преступлений. Такие

действия могут быть сопряжены с применением как физического, так и психического воздействия (убеждение, обман, запугивание, уверение в безнаказанности, подкуп, возбуждение чувства мести, зависти и других низменных побуждений, а равно инициирование преступления советами о месте и способе совершения преступления, обещанием скрыть следы преступления, оказать содействие в сбыте похищенного и т. п.).

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления следует признавать юридически оконченным с момента, когда несовершеннолетний в результате воздействия взрослого начал приготовление к совершению преступления. Если несмотря на такое воздействие несовершеннолетний не стал участвовать в преступлении, действия взрослого расцениваются как покушение на вовлечение несовершеннолетнего в преступление.

В п. 16 Постановления от 28 июня 2002 г. № 3 указано: «При рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних с участием взрослых судам надлежит тщательно выяснять характер взаимоотношений между взрослым и несовершеннолетним, поскольку эти данные могут иметь существенное значение для установления роли взрослого в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления или иное антиобщественное поведение».

Субъектом этого преступления может быть физическое вменяемое лицо, достигшее 18-летнего возраста. Не имеет значения для квалификации характер предыдущих взаимоотношений или родства с несовершеннолетним.

В п. 18 Постановления от 28 июня 2002 г. № 3 обращено внимание на следующие особенности квалификации преступлений, совершенных несовершеннолетними с участием взрослых:

– если взрослый вовлек несовершеннолетнего, достигшего возраста, установленного ст. 27 УК, в совершение преступления, но сам участия в нем не принимал, действия несовершеннолетнего квалифицируются по статье, предусматривающей ответственность за преступление, которое он совершил, а действия взрослого – по этой же статье, ст. 16 и соответствующей части ст. 172 УК;

– если взрослый вовлек несовершеннолетнего, не достигшего возраста, установленного ст. 27 УК, в совершение конкретного преступления, но сам участия в нем не принимал, в силу ч. 3 ст. 16 УК взрослый несет ответственность за содеянное как исполнитель преступления, и его действия квалифицируются по статье, предусматривающей ответственность за преступление, совершенное несовершеннолетним, а также по соответствующей части ст. 172 УК.

Субъективная сторона данного преступления характеризуется прямым умыслом, при этом вина субъекта преступления доказывается как в отношении возраста несовершеннолетнего, так и конкретного преступления, в совершение которого вовлекался несовершеннолетний, прежде всего по характеру и степени тяжести, так как это влияет на квалификацию. Отличительную позицию по данному вопросу занимает Постановление от 28 июня 2002 г. № 3, в п. 16 которого указано: «Уголовная ответственность взрослого за вовлечение несовершеннолетнего в преступление или иное антиобщественное поведение наступает при доказанности умышленной вины (прямого или косвенного умысла), то есть что он был достоверно осведомлен о несовершеннолетнем возрасте вовлекаемого лица. Следует также устанавливать, осознавал ли взрослый либо допускал, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления».

Применение насилия или угрозы его применения как квалифицированного способа вовлечения в совершение преступления (ч. 2 ст. 172 УК) охватывает нанесение побоев, причинение легких и менее тяжких телесных повреждений. Если результатом физического воздействия на потерпевшего было причинение тяжких телесных повреждений, содеянное квалифицируется дополнительно по ст. 147 УК.

При совершении данного преступления родителем к субъекту преступления относятся кровные родители или усыновители несовершеннолетнего.

Вовлечение в совершение преступления несовершеннолетнего иным лицом, на которое возложена обязанность по воспитанию несовершеннолетних, имеет место в том случае, если это лицо является опекуном или попечителем, работником детских учреждений, детских домов семейного типа, детской деревни (города). На вышеперечисленных лиц возлагается обязанность по воспитанию несовершеннолетних ст. 174 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь. К иным лицам, занимающимся воспитанием несовершеннолетних, следует относить руководителей детских коллективов, тренеров, мастеров, которые работают в детских спортивных клубах, кружках и других учреждениях, организующих обучение и воспитание детей и подростков.

При квалификации *вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественное поведение* (ст. 173 УК) объективная сторона преступления выражается в вовлечении несовершеннолетнего в следующие альтернативные действия: систематическое употребление спиртных напитков, систематическое немедицинское употребление сильнодействующих

или других одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством. Отмеченные в диспозиции спиртные напитки, сильнодействующие и другие одурманивающие вещества являются средствами, потребляемыми несовершеннолетними, вовлеченными в антиобщественное поведение, но не предметом данного преступления, так как названное преступление беспредметное. Вовлечение применительно к указанному составу преступления целесообразно определять как умышленные действия совершеннолетнего лица, направленные на склонение несовершеннолетнего к антиобщественному поведению. Виновный не просто возбуждает у несовершеннолетнего желание употреблять одурманивающие вещества, бродяжничать или попрошайничать, а втягивает (заманивает) потерпевшего в такое поведение.

Согласно п. 18 Постановления от 28 июня 2002 г. № 3 данное преступление является оконченным с момента вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественное действие, указанное в статье, независимо от того, совершил ли несовершеннолетний какое-либо из этих противоправных действий.

Иной способ вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественное поведение может выражаться в убеждении, запугивании, уверении в безнаказанности, подкупе или иных действиях, не связанных с применением насилия или угрозой его применения. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что способами вовлечения несовершеннолетнего в такое поведение могут также быть предложение совершить антиобщественные действия, советы о наиболее удобном способе и месте употребления спиртных напитков, помощь в их приобретении или угощение ими.

Согласно ч. 15 ст. 4 УК под систематичностью понимается признак, указывающий на совершение лицом более двух тождественных или однородных правонарушений. Систематичность предполагает установление непродолжительного периода времени, в течение которого совершались противоправные действия. С учетом правоприменительной практики и зарубежного опыта за непродолжительный период времени, в течение которого происходит вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление спиртных напитков либо систематическое немедицинское употребление сильнодействующих или других одурманивающих веществ, принимается один год.

Употребление спиртных напитков выражается в основном в их распитии. Сильнодействующие или другие одурманивающие вещества могут быть употреблены как путем инъекций, так и перорально либо

путем вдыхания паров веществ. Немедицинское употребление означает, что вещества употребляются без назначения (рецепта) врача. Под спиртными напитками в ст. 173 УК, как следует из анализа научной и иной литературы, подразумеваются винно-водочные изделия промышленного производства или домашней выработки, а также различные спиртосодержащие жидкости медицинского, бытового и технического назначения (спирт, водка, коньяки, вина, коктейли, самогон, лекарственные настойки, одеколон, денатурированный спирт и т. д.). Сильнодействующими являются вещества, оказывающие опасное для здоровья и жизни человека действие при приеме их в значительных дозах или при медицинских противопоказаниях. Они вызывают одурманивание, но не являются наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами. Поскольку для определения вида и свойств сильнодействующих веществ необходимы специальные знания, при рассмотрении данной категории дел требуется заключение эксперта.

К одурманивающим веществам относятся лекарственные средства, растительные вещества, средства или вещества технического или бытового назначения (например: ацетон, бензин, клей), которые воздействуют на нервную систему, вызывая опьянение, галлюцинации и т. п., при этом не являются наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами. Вопрос об отнесении веществ к одурманивающим решается экспертным путем.

Бродяжничество – скитание лица, не имеющего постоянного места жительства (независимо от его наличия), работы или учебы, из одного населенного пункта в другой либо в одном городе (районе) из одного места в другое в течение длительного времени при отсутствии социально полезной деятельности.

Попрошайничество – проживание лица на нетрудовые доходы, добываемые путем систематического выпрашивания у посторонних лиц (под различными предлогами и без них) денег, продуктов питания, одежды или иных материальных ценностей. При вовлечении в попрошайничество виновный стремится склонить несовершеннолетнего к выпрашиванию у посторонних лиц денег, продуктов питания, одежды или иных материальных ценностей для получения основного или дополнительного источников существования. Для привлечения к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в бродяжничество или попрошайничество установления признака систематичности не требуется.

Субъективная сторона преступления характеризуется умышленной формой вины. В п. 16 Постановления от 28 июня 2002 г. № 3 указано, что уголовная ответственность взрослого лица за вовлечение несовершеннолетнего в преступление или иное антиобщественное поведение наступает при доказанности умышленной вины. Следует также устанавливать, сознавал ли взрослый либо допускал, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления. Умышленная вина будет иметь место и в том случае, если взрослый сознавал общественно опасный характер вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественное поведение, достоверно зная о его возрасте, и желал совершить такие действия. Указание в ст. 173 УК на заведомость свидетельствует о наличии прямого умысла виновного на совершение данного преступления.

Единичный факт вовлечения взрослым лицом несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков, сильнодействующих и других одурманивающих веществ не влечет уголовной ответственности, а образует состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП).

Наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги также относятся к одурманивающим веществам, однако вовлечение несовершеннолетних в их потребление образует квалифицированный состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 331 УК (склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов).

Особенности квалификации преступлений, сопряженных с неисполнением алиментных обязанностей. При квалификации *уклонения родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении* (ст. 174 УК), потерпевшими являются как дети до достижения ими 18-летнего возраста, так и дети совершеннолетние, но нетрудоспособные и нуждающиеся в материальной помощи, а также один из родителей, который содержит детей при наличии другого и его уклонении от содержания детей. В Республике Беларусь детям-инвалидам устанавливается и выплачивается пенсия, а также они могут учиться и получать стипендию. Однако за такими детьми сохраняется право на получение содержания от родителей, если имеющихся средств (пенсии, стипендии, пособия) недостаточно для удовлетворения необходимых потребностей. В иных случаях дети могут содержаться за счет государства. В связи с этим у государства имеется

право требовать возмещения расходов, затраченных на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении.

Объективная сторона этого преступления выражается деянием – бездействием, а иногда действием:

– уклонением родителей более трех месяцев в течение года от уплаты по судебному постановлению средств на содержание несовершеннолетних или совершеннолетних, но нетрудоспособных и нуждающихся в материальной помощи детей;

– уклонением родителей от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении, выразившимся в неявке на работу 10 рабочих дней и более в течение трех месяцев (ч. 2 ст. 174 УК);

– сокрытием или занижением родителями размера заработной платы и приравненных к ней доходов, а равно уклонением от трудоустройства по судебному постановлению, совершенным в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение, повлекшее за собой неисполнение или неполное исполнение ежемесячных обязательств по возмещению расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении (ч. 2 ст. 174 УК).

В примечании к ст. 174 УК разъясняется, что под уклонением от трудоустройства по судебному постановлению понимаются уклонение от явки в органы по труду, занятости и социальной защите, организации для трудоустройства, от прохождения медицинского осмотра, получения необходимых для трудоустройства документов, а также иные виновные действия (бездействие), повлекшие неисполнение судебного постановления о трудоустройстве. Данное преступление считается оконченным по истечении указанных в диспозициях ч. 1 и 2 ст. 174 УК сроков.

Субъектом этого преступления может быть физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, обладающее специальным признаком (являться отцом или матерью лица, в пользу которого взыскиваются алименты).

При квалификации *уклонения детей от содержания родителей* (ст. 175 УК) деяние совершается в форме бездействия – уклонением совершеннолетних трудоспособных детей более трех месяцев в течение года от уплаты по решению суда (судьи) средств на содержание нетрудоспособных и нуждающихся в материальной помощи родителей. Состав преступления формальный (последствия не предусмотрены).

Субъектом этого преступления может быть физическое вменяемое лицо, достигшее 18-летнего возраста, обладающее специальным признаком: быть трудоспособным и являться сыном или дочерью (или быть усыновленным (удочеренным) потерпевшего).

Отграничение данного преступления от преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 174 УК, осуществляется на основе элементов составов преступлений. Объектом преступлений, предусмотренных ст. 174 и 175 УК, являются общественные отношения, регулирующие исполнение обязанностей по содержанию, но в первом случае детей, а во втором – родителей, т. е. различаются по потерпевшим лицам. Объективная и субъективная стороны сходны, а субъекты различны по признаку специального субъекта: в первом случае – родители, а во втором – дети, достигшие 18-летнего возраста и являющиеся трудоспособными.

Особенности квалификации преступлений, посягающих на уклад семейных отношений и интересы несовершеннолетних. При квалификации *злоупотребления правами опекуна или попечителя* (ст. 176 УК) деяние совершается бездействием (неисполнением обязанностей опекуна или попечителя) либо действием (использованием прав опекуна или попечителя вопреки правам или законным интересам названных лиц в корыстных целях либо жестоким обращением с несовершеннолетними). Опека и попечительство устанавливаются управлениями (отделами) образования, здравоохранения или комиссиями по делам несовершеннолетних администрации местных органов власти и осуществляются в соответствии со ст. 142–178 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье.

Субъектом этого преступления может быть физическое вменяемое лицо, достигшее 18-летнего возраста, обладающее признаками специального субъекта: опекун или попечитель. Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины, а иногда и корыстной целью, при этом лицо сознает общественную опасность и противоправность своего деяния (при установлении опеки или попечительства лицу разъясняются его права и обязанности) и поступает вопреки установленному порядку.

При квалификации *разглашения тайны усыновления (удочерения)* (ст. 177 УК) усыновление (удочерение) является одной из форм устройства детей – сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Усыновлены (удочерены) могут быть лица до 18-летнего возраста. Усынов-

ление (удочерение) устанавливается судом и осуществляется в соответствии с требованиями ст. 119–141 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье. Между усыновителем (удочерителем) и усыновленным (удочеренным) устанавливаются такие же права и обязанности, как между кровными родителями и детьми, т. е. отношения доверия, заботы и взаимопомощи.

Данное преступление совершается в форме действия, т. е. путем разглашения сведений о том, что усыновленные (удочеренные) дети не являются кровными детьми этих родителей. Разглашение таких сведений считается оконченным преступлением, если об этом стало известно хотя бы одному лицу, при этом такое разглашение совершается вопреки воле родителей (обоих) или усыновленного (удочеренного). Состав формальный, т. е. последствия находятся за рамками преступления.

Следует отметить, что ст. 52 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье предусмотрена возможность рождения детей путем использования вспомогательных репродуктивных технологий. Тайна зачатия и рождения таких детей оговаривается в контракте (договоре), ее разглашение аморально и может быть предметом гражданского иска (взыскание компенсации за причинение морального вреда).

При квалификации *незаконных действий по усыновлению (удочерению) детей* (ст. 177[1] УК) необходимо обратить внимание на то, что такой вид предпринимательской, а точнее посреднической деятельности, как подбор детей для усыновления (удочерения), так же, как и подбор лиц, желающих усыновить (удочерить) детей в Республике Беларусь, запрещен, поскольку он преследует корыстные цели или иную личную заинтересованность, а не интересы несовершеннолетних.

Объективная сторона выражается совершением следующих действий:

– подбор и передача детей на усыновление (удочерение) от имени или в интересах лиц, желающих их усыновить (удочерить), осуществляемые лицом, не уполномоченным на это законодательством, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение;

– склонение названным лицом к согласию на усыновление (удочерение) детей из корыстных побуждений.

Оконченным данное преступление признается с момента совершения какого-либо одного из перечисленных действий.

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла, а в некоторых случаях и корыстными мотивами.

При квалификации *разглашения врачебной тайны* (ст. 178 УК) объективная сторона выражается действием или бездействием виновного, умышленно разгласившего сведения о состоянии здоровья, диагнозе или результатах медицинского освидетельствования пациента без профессиональной или служебной необходимости. Состав формальный (сведения стали известны хотя бы одному лицу, которому их знать без служебной или профессиональной необходимости не положено). Понятия «профессиональная необходимость» или «служебная необходимость» оценочны, поэтому на основании социальной практики родителям сообщается о состоянии здоровья несовершеннолетних детей, супругам или иным близким родственникам о состоянии здоровья больного, если требуется их участие в уходе за ним либо материальных затратах на его лечение, и т. п.

Субъект специальный – медицинский, фармацевтический работник или иное лицо, чья деятельность связана с осуществлением медицинской практики. Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины, при этом лицо сознает общественную опасность и противоправность своего деяния (поскольку такая информация входит в круг его профессиональных обязанностей) и желает или допускает, что указанные сведения станут известны третьим лицам.

Поскольку УК не предусмотрена ответственность за разглашение тайны использования вспомогательных репродуктивных технологий при зачатии и рождении ребенка, в случаях разглашения сведений о данном факте речь можно вести о разглашении тайны диагноза о бесплодии.

Объективная сторона *подмены ребенка* (ст. 180 УК) характеризуется действием – подменой одного ребенка другим. Такая подмена может быть совершена сразу же после родов, когда мать еще не имела возможности рассмотреть и запомнить своего ребенка, а также и в доме малютки, куда был направлен так называемый отказной ребенок. В случаях если мать оставила своего ребенка без присмотра в коляске и его подменили, содеянное следует квалифицировать как похищение (ч. 2 ст. 182 УК).

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла, т. е. лицо сознает общественную опасность своего деяния и желает его совершить.

3.2. Особенности квалификации преступлений против собственности

Общие положения. Уголовная ответственность за совершение преступлений против собственности предусмотрена ст. 205–219, объединенными в гл. 24 разд. VIII «Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности» УК[1]. Общественная опасность данной группы преступлений заключается в причинении или создании угрозы причинения существенного вреда экономико-правовым отношениям собственности, которые образуют видовой и непосредственный объект указанных посягательств. Дополнительным непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 206, ст. 207 УК, могут выступать жизнь и здоровье, ст. 208 УК – честь, достоинство личности и компьютерная безопасность. Предметом названных преступлений является имущество, для преступлений, предусмотренных ст. 208–210 УК, – еще и право на имущество, а для преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 208 УК, – действия имущественного характера и компьютерная информация. При уголовно-правовой оценке действий виновных необходимо учитывать, что в понятие имущества как предмета преступлений против собственности уголовное право не включает объекты, уголовно-правовая охрана которых осуществляется отдельными главами УК (личные документы, наркотические средства, ядовитые вещества, оружие и т. д.).

Большинство данных преступлений совершаются деянием в форме действия. Общественно опасные последствия рассматриваемых видов преступлений всегда носят материальный характер и выражаются в причинении прямого (реального) имущественного ущерба. В случае причинения имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 УК) ущерб может быть как реальным, так и в форме упущенной выгоды.

Во многих статьях об ответственности за преступления против собственности закреплен способ их совершения, дифференцирующий уголовную ответственность (насильственный или ненасильственный, тайный или открытый и т. д.). Для квалификации преступлений особую значимость приобретает установление момента их окончания. Объективная сторона большинства составов преступлений против собственности имеет материальную конструкцию. Вместе с тем составы преступлений, предусмотренных ст. 207, 208 УК, сконструированы законодателем как усеченные, а ст. 214 УК – как формальные.

[1] За период действия УК гл. 24 претерпела изменения: из нее были исключены ст. 213 «Повторное мелкое хищение» (2006 г.) и ст. 220 «Недобросовестная охрана имущества» (2015 г.).

С субъективной стороны составы преступлений против собственности характеризуются виной в виде прямого умысла, за исключением преступления, предусмотренного ст. 218 УК, которое может быть совершено и с косвенным умыслом, а также преступления, предусмотренного ст. 219 УК, совершаемого по неосторожности.

Субъект анализируемых видов преступлений, как правило, общий. За кражу (ст. 205 УК), грабеж (ст. 206 УК), разбой (ст. 207 УК), вымогательство (ст. 208 УК), хищение имущества путем модификации компьютерной информации (ст. 212 УК), угон транспортного средства или маломерного судна (ст. 214 УК), умышленные уничтожение либо повреждение чужого имущества (ч. 2 и 3 ст. 218 УК) ответственность наступает с 14 лет, за остальные виды преступлений против собственности – с 16 лет. Субъект таких преступлений, как хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК), присвоение либо растрата (ст. 211 УК), незаконное отчуждение вверенного имущества (ст. 217 УК), является специальным. Им является должностное лицо либо лицо, которому имущество было вверено.

Для правильного отграничения преступлений против собственности друг от друга и от иных преступлений важное значение имеет их классификация. Наиболее предпочтительной представляется классификация названных преступлений в зависимости от механизма причинения имущественного ущерба. Согласно данной классификации все преступления против собственности разделяются на корыстные и некорыстные преступления против собственности, не являющиеся хищением. К хищениям относятся кража (ст. 205 УК), грабеж (ст. 206 УК), разбой (ст. 207 УК), вымогательство (ст. 208 УК), мошенничество (ст. 209 УК), хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК), присвоение либо растрата (ст. 211 УК), хищение имущества путем модификации компьютерной информации (ст. 212 УК). Ненасильственные хищения включают в себя следующие нормы: ст. 205, ч. 1 ст. 206, ст. 209–212 УК, а насильственные хищения – ч. 2 ст. 206, ст. 207, 208 УК. К преступлениям против собственности, не являющимся хищением, относятся угон транспортного средства или маломерного судна (ст. 214 УК), присвоение найденного имущества (ст. 215 УК), причинение имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 УК), незаконное отчуждение вверенного имущества (ст. 217 УК), умышленные уничтожение либо повреждение чужого имущества (ст. 218 УК),

уничтожение либо повреждение чужого имущества по неосторожности (ст. 219 УК). К корыстным преступлениям против собственности, не являющимся хищением, относятся нормы, предусмотренные ст. 215 и 216 УК, а к некорыстным – ст. 214, 217–219 УК.

При квалификации деяний лиц, совершивших преступления против собственности, нередко допускаются ошибки, связанные с неверным пониманием объекта и предмета таких видов преступлений, способов изъятия имущества, момента окончания преступления и иных признаков. В связи с этим особую значимость для правильной уголовно-правовой оценки указанных деяний приобретает уяснение нормативных положений постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» (далее – Постановление от 21 декабря 2001 г. № 15).

Особенности квалификации хищений. Среди преступлений против собственности наиболее распространенными и представляющими повышенную общественную опасность являются хищения. На основании ч. 1 примечаний к гл. 24 УК под хищением понимается умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью путем кражи, грабежа, разбоя, вымогательства, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения, растраты или модификации компьютерной информации. Отсутствие хотя бы одного из указанных признаков свидетельствует об отсутствии хищения. Так, если действия лица, изъявшего имущество потерпевшего, были направлены не на завладение этим имуществом с корыстной целью, а такое имущество им изъято из хулиганских побуждений, действия виновного следует квалифицировать по ст. 339 УК как хулиганство.

Особое внимание при квалификации следует уделять предмету хищения. Если в имущество, явившееся предметом противоправного завладения, не был вложен человеческий труд, такое имущество должно признаваться предметом не хищения, а иных видов преступлений. Следует отметить и то, что имущество, утратившее материальную ценность, а равно которое выбыло из обладания собственника (утеряно, брошено), не признается предметом хищения.

Важными признаками, дифференцирующими ответственность и влияющими на квалификацию хищения, являются его совершение повторно, группой лиц, в крупном либо особо крупном размере, а также организованной группой.

Повторным (согласно ч. 2 примечаний к гл. 24 УК) признается хищение, которому предшествовало другое хищение, предусмотренное ст. 205–212 УК, или какое-либо из преступлений, предусмотренных ст. 294, 323, 327, 333 УК. Хищение в соответствии с ч. 14^1 ст. 4 УК не может признаваться повторным, если за ранее совершенное преступление лицо было освобождено от уголовной ответственности либо судимость за это преступление была погашена или снята в установленном законом порядке.

Повторность следует отличать от продолжаемого хищения. Продолжаемым хищением считается неоднократное противоправное безвозмездное завладение имуществом с корыстной целью, складывающееся из ряда тождественных преступных действий, имеющих общую цель незаконного завладения конкретным имуществом, которые охватываются единым умыслом виновного на хищение определенного количества материальных ценностей и составляют в своей совокупности одно преступление. В судебной практике распространены случаи, когда длительные, многоэпизодные, состоящие из ряда тождественных действий хищения не охватываются единым умыслом и стремлением виновного завладеть имуществом конкретного размера. Данные действия свидетельствуют о неконкретизированном умысле в отношении размера хищения. В таких случаях ответственность наступает в зависимости от фактически наступивших последствий – размера причиненного ущерба. Для признания хищения, совершенного в крупном или особо крупном размере, следует обращаться к ч. 3 примечаний к гл. 24 УК.

При квалификации хищений по признакам группы лиц, группы лиц по предварительному сговору или организованной группы следует руководствоваться положениями ст. 17 и 18 УК. Признак совершения преступления группой лиц вменяется независимо от того, что другие его участники освобождены от уголовной ответственности по законным основаниям.

Уголовная противоправность такой формы хищения, как *кража* (ст. 205 УК), выражается в тайном похищении имущества. При определении тайного способа завладения имуществом необходимо учитывать в совокупности два критерия: объективный и субъективный.

Объективный критерий состоит в том, что изъятие имущества осуществляется в одной из следующих ситуаций:

– когда завладение совершено в отсутствие потерпевшего или иных лиц;

– когда завладение совершено в присутствии потерпевшего или иных лиц, но незаметно для них;

– когда завладение совершено в присутствии потерпевшего или иных лиц, понимающих противоправный характер действий, но виновный, заблуждаясь, полагает, что действует незаметно для них;

– когда завладение осуществляется в присутствии каких-либо лиц, не способных по возрасту, умственному развитию либо по иным причинам (состояние сильного опьянения, сна и др.) сознавать происходящее;

– когда завладение осуществляется в присутствии каких-либо лиц, со стороны которых у виновного не возникает оснований опасаться противодействия и разоблачения.

Субъективный критерий заключается в осознании виновным того, что изъятие он совершает тайно. Если объективный и субъективный критерии не совпадают, т. е. в коллизионных случаях, практика признает решающим субъективный критерий.

Кража является материальным составом преступления и считается оконченной, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им распоряжаться по своему усмотрению или пользоваться им. Если лицо не имело реальной возможности распорядиться похищенным, его действия необходимо квалифицировать как покушение на кражу.

Ответственность за кражу, совершенную с проникновением в жилище, предусмотрена ч. 2 ст. 205 УК. Под жилищем следует понимать помещение, предназначенное для постоянного или временного проживания людей (индивидуальный дом, квартира, комната в гостинице, дача, садовый домик и т. п.), а также те его составные части, которые используются для отдыха, хранения имущества либо для удовлетворения иных потребностей человека (балконы, застекленные веранды, кладовые и т. п.). В понятие «жилище» не могут включаться помещения, не приспособленные для постоянного или временного проживания, например: обособленные от жилых построек погреба, амбары, гаражи и другие хозяйственные помещения (п. 28 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15).

Под проникновением в жилище понимается тайное или открытое вторжение в жилище с целью совершения кражи. Оно может совершаться как с преодолением препятствий, сопротивления людей или путем обмана, так и беспрепятственно, а равно с помощью приспособлений, позволяющих виновному извлекать похищаемое имущество без входа в жилище. Решая вопрос о наличии в действиях лица признака проникновения в жилище, необходимо выяснить, с какой целью виновный оказался в жилище и когда именно у него возник умысел на завладение

имуществом. Если лицо сначала находилось в жилище без намерения совершить хищение, но затем завладело имуществом, в его действиях указанный признак отсутствует.

Если действия, начатые как кража с проникновением в жилище, в дальнейшем стали осуществляться открыто в присутствии потерпевшего и воспринимались последним, о чем было известно виновному, содеянное следует квалифицировать как грабеж, а при наличии соответствующих признаков – как разбой, совершенные с проникновением в жилище (п. 27 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15).

При квалификации кражи с проникновением в жилище, совершенным группой лиц, следует иметь в виду, что действия виновного, который не проникал в жилище, но согласно договоренности о распределении ролей участвовал во взломе дверей либо выполнял в процессе совершения хищения иные действия, связанные с проникновением другого лица в жилище либо изъятием имущества оттуда, являются соисполнительством, не требующим дополнительной квалификации по ст. 16 УК.

Содействие совершению кражи с проникновением в жилище советами, указаниями, предоставлением информации или орудий и средств совершения преступления, ранее данным обещанием скрыть следы преступления, приобрести или сбыть похищенное, а также устранением препятствий, не связанных с оказанием помощи в непосредственном проникновении или изъятии имущества из жилища, при отсутствии признаков организованной группы надлежит квалифицировать как соучастие в такой краже в форме пособничества (п. 29 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15).

Уголовная противоправность *грабежа* (ст. 206 УК) выражается в открытом похищении имущества, т. е. когда похищение происходит в присутствии потерпевшего либо других лиц, сознающих противоправный характер поведения виновного (объективный критерий), и виновный сознает это обстоятельство (субъективный критерий). Ч. 2 ст. 206 УК предусматривает ответственность за грабеж, соединенный с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия.

Под насилием, не опасным для жизни или здоровья, следует понимать причинение легких телесных повреждений, не повлекших за собой кратковременного расстройства здоровья либо незначительной стойкой утраты трудоспособности, нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему фи-

зической боли либо с ограничением его свободы (п. 4 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15).

Под угрозой применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, следует понимать такие действия или высказывания виновного, которые выражали намерение немедленно применить к потерпевшему насилие, не опасное для его жизни или здоровья.

Вырывание вещи из рук потерпевшего и другие подобные действия, если они не связаны с причинением потерпевшему боли и не соединены с иным насилием, следует квалифицировать по ч. 1 ст. 206 УК как грабеж, не соединенный с насилием.

Насилие или угроза применения насилия при грабеже являются способом завладения имуществом либо его удержания. Если насилие или угроза применения насилия применялись не с целью завладения имуществом, а из личных неприязненных отношений к потерпевшему, при этом имел место факт хищения имущества, содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений: причинение телесных повреждений соответствующей степени тяжести и соответствующая форма хищения (кража либо ненасильственный грабеж).

Отличительными признаками *разбоя* (ст. 207 УК) являются применение насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо угроза применения такого насилия с целью непосредственного завладения имуществом.

Под насилием, опасным для жизни или здоровья, следует понимать причинение потерпевшему легких телесных повреждений, повлекших за собой кратковременное расстройство здоровья либо незначительную стойкую утрату общей трудоспособности, или телесного повреждения большей степени тяжести, а равно насилие, которое хотя и не повлекло за собой причинения таких телесных повреждений, однако в момент применения создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего (п. 5 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15).

Под угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья, следует понимать такие действия или высказывания виновного, которые выражали намерение немедленно применить к потерпевшему насилие, опасное для его жизни или здоровья (может быть выражена словесно, с помощью жестов либо путем молчаливой демонстрации огнестрельного, холодного или газового оружия и т. д.). Угроза при разбое должна быть реальной, при этом необходимо учитывать не только субъективное восприятие потерпевшего, но и конкретные обстоятельства дела, а также направленность умысла виновного (п. 5 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15).

Является ли угроза применения насилия опасной для жизни или здоровья потерпевшего либо нет, определяется на основании всех обстоятельств происшедшего, мнения потерпевшего, виновного, а также на усмотрение правоприменителя.

При квалификации следует учитывать, что насилие или угроза применения насилия при разбое всегда выступают в качестве средства завладения чужим имуществом или средства его удержания и могут быть применены как к собственнику имущества, лицу, в ведении или под охраной которого оно находится, либо вообще к посторонним лицам, могущим оказать сопротивление либо противодействие преступнику.

Иногда лицо при разбое может использовать в качестве средства угрозы применения насилия заведомо неисправное оружие или предметы, внешне напоминающие оружие. Если виновный заведомо рассчитывал, что указанные предметы будут восприниматься потерпевшим как создающие реальную угрозу насилия и должны формировать у него убеждение, что эта угроза будет реализована, такие действия следует квалифицировать как разбой.

Разбой признается оконченным с момента применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия с целью непосредственного завладения имуществом.

Действия, начатые как кража, обнаруженные потерпевшим или другими лицами и, несмотря на это, продолженные виновным с целью завладения имуществом или его удержания, квалифицируются как грабеж, а при применении насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия – как разбой. Не являются грабежом или разбоем случаи, когда насильственные действия совершены по окончании кражи с целью скрыться или избежать задержания. Такие деяния подлежат самостоятельной квалификации по статьям за преступления против жизни и здоровья в зависимости от характера и наступивших последствий.

В случаях когда в целях хищения чужого имущества в организм потерпевшего против его воли или путем обмана введено опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние, содеянное должно квалифицироваться как разбой. Если с той же целью в организм потерпевшего введено вещество, не представляющее опасности для жизни или здоровья, содеянное надлежит квалифицировать как грабеж, соединенный с насилием. Свойства и характер действия веществ, примененных при совершении преступления, могут быть при необходи-

мости установлены с помощью соответствующего специалиста либо экспертным путем (п. 6 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15).

Ч. 1 ст. 207 УК охватывает умышленное причинение в процессе применения насилия менее тяжкого телесного повреждения либо тяжкого телесного повреждения по неосторожности. Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения квалифицируется по ч. 3 ст. 207 УК и дополнительной квалификации по ст. 147 УК не требует. Для квалификации разбоя по ч. 3 ст. 207 УК не имеет значения, когда были причинены тяжкие телесные повреждения: в момент завладения имуществом, при преодолении сопротивления потерпевшего либо непосредственно после завладения имуществом с целью его удержания. Если в процессе разбоя совершены убийство или умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, действия виновного следует квалифицировать по совокупности (ч. 3 ст. 207 УК и статье, предусматривающей ответственность за преступление против жизни и здоровья).

При квалификации *вымогательства* (ст. 208 УК) нужно учитывать, что его предметом могут выступать не только имущество и право на имущество, но и действия имущественного характера, а также компьютерная информация. Вымогательство признается оконченным с момента заявления требования о передаче имущества, подкрепленного угрозой совершения действий, перечисленных в ст. 208 УК (п. 33 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15).

При отграничении разбоя от вымогательства, которое также сопряжено с применением насилия, необходимо исходить из того, что при разбое насилие или угроза его применения используются в качестве средства немедленного завладения имуществом. Если насилие или угроза его применения подкрепляли требование виновного передать имущество в будущем либо потерпевшему предъявлено требование о немедленной передаче имущества под угрозой применения насилия в будущем, содеянное следует квалифицировать как вымогательство.

В случаях когда насилие или угроза насилием были применены с целью непосредственного завладения имуществом, но в связи с отсутствием имущества требование о его передаче было перенесено на будущее, действия виновного должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 207, 208 УК. По совокупности преступлений, предусмотренных ст. 207, 208 УК, следует квалифицировать требование лица передачи ему имущества в будущем под угрозой применения насилия, опасного

для жизни или здоровья, сопряженное с непосредственным изъятием части имущества потерпевшего. Для квалификации вымогательства не имеет значения, имелось ли намерение в действительности осуществить угрозу. Достаточно, чтобы потерпевший воспринимал ее как реальную. Угроза может быть высказана устно или письменно, в том числе через третьих лиц.

Если насилие, повреждение или уничтожение имущества, уничтожение, завладение, блокирование, модификация компьютерной информации, разглашение сведений, которые лицо желает сохранить в тайне, совершаются не в целях вымогательства, а из мести за отказ выполнить требования вымогателя, такие действия подлежат самостоятельной правовой оценке (п. 8 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15).

Отличительным признаком вымогательства от принуждения к выполнению обязательств (ст. 384 УК) является то обстоятельство, что при принуждении к выполнению обязательств виновный не преследует цели незаконно обогатиться за счет потерпевшего, а принуждает его к исполнению договорных обязательств, от выполнения которых уклоняется потерпевший. В случае требования от потерпевшего выполнения указанных обязательств в размере, заведомо превышающем установленное договором или законодательством, ответственность наступает по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 208 и 384 УК.

К иным тяжким последствиям, влекущим квалификацию вымогательства по ч. 3 ст. 208 УК, могут быть отнесены наступление смерти или самоубийство потерпевшего или его близких, причинение в процессе вымогательства тяжких телесных повреждений, вынужденное прекращение деятельности предприятий или организаций либо профессиональной деятельности потерпевшего, а равно иные последствия, которые суд с учетом конкретных обстоятельств дела может признать тяжкими.

Уголовная противоправность *мошенничества* (ст. 209 УК) заключается в завладении имуществом либо приобретении права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Завладение предметом преступления при мошенничестве имеет свои особенности, поскольку выражается в его обращении в пользу виновного или других лиц посредством добровольной передачи потерпевшим вследствие обмана или злоупотребления доверием.

Использование обмана для облегчения совершения или завершения кражи состава мошенничества не образует. Например, когда обман используется как способ облегчения проникновения в жилище потерпевшего, а само хищение совершается путем кражи.

В случае использования лицом изготовленных им фиктивных документов при совершении мошенничества дополнительной квалификации его действий по ст. 380 и 427 УК не требуется (п. 34 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15).

Отграничивая мошенничество от гражданско-правового деликта, следует учитывать, что получение имущества под условием выполнения какого-либо обязательства может быть квалифицировано как мошенничество лишь в том случае, если виновный еще в момент заключения сделки на получение имущества, производство работ или оказание услуг имел цель присвоения имущества или не намеревался выполнять принятое обязательство (п. 12 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15). В судебной практике направленность умысла на совершение мошенничества в момент совершения сделки подтверждается:

– установленными фактами отсутствия возможности возврата долга;

– сообщением виновным ложных сведений;

– сокрытием сведений о фактическом использовании полученного имущества;

– оценкой финансового состояния юридического лица, свидетельствующей об отсутствии средств для выполнения принимаемых обязательств;

– привлечением денежных средств от одних лиц для исполнения обязательств перед другими и т. д.

Если установлено, что умысел виновного на завладение имуществом путем обмана или злоупотребления доверием возник не до момента заключения договорного обязательства, а уже после него, вести речь о наличии признаков уголовно наказуемого мошенничества нельзя. В таком случае квалификация действий виновного может быть дана следующим образом:

– если виновный в силу трудовых, гражданско-правовых или иных отношений, договорных обязательств был наделен полномочиями владения, пользования или распоряжения имуществом (вверенное имущество), но впоследствии противоправно завладел им, такие действия должны квалифицироваться как присвоение и влечь уголовную ответственность по ст. 211 УК;

– если виновный извлек имущественную выгоду от временного позаимствования имущества (когда признак хищения «безвозмездность» отсутствует), чем причинил потерпевшему имущественный ущерб в значительном (крупном) размере, содеянное следует квалифицировать по ч. 1 (ч. 2) ст. 216 УК как причинение имущественного ущерба без признаков хищения.

Уголовная противоправность *хищения путем злоупотребления служебными полномочиями* (ст. 210 УК) выражается в использовании должностным лицом своих служебных полномочий для завладения имуществом либо приобретения права на него. Разновидностями такого хищения в соответствии с п. 14 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15 могут являться:

– присвоение имущества, в отношении которого должностное лицо в силу своих служебных полномочий имеет право по управлению и распоряжению;

– умышленное незаконное получение должностным лицом средств в качестве премий, надбавок к заработной плате, а также пенсий, пособий и других выплат;

– обращение в свою собственность средств по заведомо фиктивным трудовым соглашениям или иным договорам под видом заработной платы за работу или услуги, которые фактически не выполнялись или были выполнены не в полном объеме, и т. п.

Субъектом преступления является должностное лицо, признаки которого раскрыты в ч. 4 ст. 4 УК. Для верной квалификации содеянного необходимо установить содержание и объем полномочий должностного лица, а также их взаимосвязь с деяниями по противоправному и безвозмездному завладению имуществом. Действия должностных лиц, уполномоченных на получение с граждан денег за выполнение работ или оказание услуг и похитивших полученные деньги, квалифицируются по ст. 210 УК. Лица, выполняющие работы или оказывающие услуги, но не обладающие такими полномочиями, за совершение указанных действий могут нести ответственность по ст. 216 УК (п. 17 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15).

Злоупотребление служебными полномочиями, которое хотя и было совершено по корыстным мотивам и причинило имущественный вред, однако не связано с безвозмездным завладением имуществом (например: сокрытие путем запутывания учета недостачи, образовавшейся в результате служебной халатности, временное пользование имуществом без намерения обратить его в свою собственность, расходование денег на устройство банкетов, приемов и т. п.), не образует состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК (п. 15 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15). Данные действия могут быть квалифицированы как злоупотребление властью или служебными полномочиями из корыстной заинтересованности (ч. 2 ст. 424 УК).

В случае использования лицом изготовленных им фиктивных документов при совершении хищения путем злоупотребления служебными

полномочиями дополнительной квалификации его действий по ст. 380 и 427 УК не требуется. Сокрытие совершенного хищения путем служебного подлога или подделки документов квалифицируется по совокупности преступлений (п. 34 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15).

При квалификации хищения путем злоупотребления служебными полномочиями группой лиц следует учитывать, что понятие «группа лиц по предварительному сговору» судебная практика толкует расширительно. Так, в п. 19 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15 разъясняется, что лица, непосредственно участвовавшие в похищении имущества путем злоупотребления служебными полномочиями группой лиц по предварительному сговору с должностным лицом, несут ответственность по ст. 210 УК. В остальных случаях их ответственность наступает за соучастие в этом преступлении.

Уголовная противоправность *присвоения либо растраты* (ст. 211 УК) состоит в двух самостоятельных формах хищения: присвоении либо растрате. Присвоение выражается в обращении виновным в свою пользу вверенного ему имущества, а растрата – в отчуждении такого имущества или потреблении его самим виновным. Растрата ранее уже присвоенного имущества не меняет способа хищения с присвоения на растрату (п. 16 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15).

Обязательным признаком присвоения и растраты является то, что виновный завладевает вверенным ему имуществом. Вверенным является имущество, в отношении которого лицо в силу трудовых, гражданско-правовых или иных отношений наделено полномочиями владения, пользования или распоряжения (п. 16 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15). Правомочия субъекта в отношении такого имущества могут быть закреплены в определенной документальной форме, либо материальные ценности передаются виновному без документального оформления.

Похищение лицом имущества, переданного ему по количеству или весу с возложением обязанностей отчитаться за него (сторожем, охранником, шофером и т. п.), должно квалифицироваться по ст. 211 УК. Если имущество такому лицу по количеству или весу не передавалось, при похищении имущества в силу доступа к нему по роду выполняемой работы его действия подлежат квалификации по ст. 205 УК (п. 18 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15).

Если вверенное имущество отчуждено виновным незаконно и безвозмездно, при отсутствии корыстной цели его действия могут быть квалифицированы по ст. 217 УК.

Несмотря на то что субъект преступления, предусмотренного ст. 211 УК, обладает специальными признаками, в п. 19 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15 разъясняется, что лица, которым имущество не было вверено, совершившие хищение в соучастии и по предварительному сговору с лицами, указанными в ч. 1 ст. 211 УК, подлежат ответственности по ч. 2 ст. 211 УК за совершение преступления группой лиц по предварительному сговору. В то же время работник охраны, умышленно содействовавший лицу, совершающему присвоение или растрату, в выносе имущества, похищаемого с охраняемой территории, или иным способом устраняющий препятствия для хищения, несет ответственность за соучастие в присвоении или растрате в форме пособничества (п. 18 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15).

Хищение путем присвоения либо растраты следует также отграничивать от хищения путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК). Если должностное лицо не использовало своих служебных полномочий для завладения вверенным ему имуществом, его действия следует квалифицировать по ст. 211 УК.

Уголовная противоправность *хищения имущества путем модификации компьютерной информации* (ст. 212 УК), учитывая понятие «модификация компьютерной информации», закрепленное примечанием к ст. 208 УК, заключается в двух альтернативных действиях: хищении имущества путем противоправного изменения компьютерной информации и хищении имущества путем введения в компьютерную систему заведомо ложной компьютерной информации.

Если упомянутое деяние сопряжено с несанкционированным доступом к компьютерной информации, такие действия при наличии соответствующих условий надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 212 и 349 УК.

Указанное преступление следует отличать от причинения имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 УК) по характеру извлечения имущественной выгоды. При совершении преступления, предусмотренного ст. 216 УК, лицо не завладевает чужим имуществом, а причиняет имущественный ущерб собственнику в виде неполучения должного или незаконного пользования имуществом.

Особенности квалификации преступлений против собственности, не являющихся хищением. Уголовная противоправность *угона транспортного средства или маломерного судна* (ст. 214 УК) выражается в двух взаимосвязанных действиях: неправомерном завладении транспортным средством или маломерным судном и последующей за

ним поездке на этом транспортном средстве или маломерном судне. Если угон сопряжен с применением насилия или угрозой его применения, подобные действия квалифицируются по ч. 2 или 3 ст. 214 УК в зависимости от вида насилия. Не могут квалифицироваться по ч. 2 или 3 ст. 214 УК действия лица, когда насилие или его угроза применялись не для совершения угона, а из иных соображений (из хулиганских побуждений, во избежание задержания при неудавшемся покушении на угон и т. п.).

Завладение предметом преступления должно быть неправомерным. Не является преступлением самовольное завладение транспортным средством кем-либо из членов семьи либо другим близким, если ему ранее позволялось пользоваться этим транспортным средством без дополнительного согласия владельца, поскольку такие лица исходят в своем поведении из действительного или предполагаемого права на пользование транспортным средством. Водитель, за которым транспортное средство закреплено в связи с трудовыми отношениями, также не может нести ответственность по ст. 214 УК в случае самовольного (без разрешения администрации или собственника) использования им этого транспортного средства. Однако если транспортным средством или маломерным судном завладевает лицо, ранее закрепленное за ним, а затем отстраненное от управления, содеянное квалифицируется как угон.

Обязательным признаком данного преступления является отсутствие цели хищения. Завладение транспортным средством или маломерным судном с целью обратить их в свою пользу следует квалифицировать как хищение, при этом дополнительной квалификации по ст. 214 УК не требуется. Угон транспортного средства с целью хищения находящегося в нем имущества надлежит квалифицировать по совокупности преступлений: как угон и хищение.

Угон, сопряженный с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекший последствия, указанные в ст. 317 УК, влечет ответственность по названной статье и ст. 214 УК. Угон, сопряженный с умышленным уничтожением либо повреждением чужого имущества, должен влечь ответственность по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 214 и 218 УК.

При квалификации *присвоения найденного имущества* (ст. 215 УК) следует учитывать, что его предметом является найденное заведомо чужое имущество, выбывшее из владения собственника, или клад. Выбывшим признается имущество, которое утеряно либо брошено, собственник от которого отказался. Не является выбывшим из владения

собственника имущество, временно оставленное без присмотра в подсобных и служебных помещениях, в месте его хозяйственного назначения и др.

Имущество, временно оставленное без присмотра, квалифицируется как кража, если оно:

– оставлено собственником в достоверно известном ему месте или на непродолжительное время;

– имеет идентификационные признаки принадлежности конкретным людям или субъектам хозяйствования;

– находится в месте, позволяющем присутствующим обозревать его в момент его отчуждения;

– пребывает без присмотра в пределах обособленной территории организации.

Как хищение утерянного или забытого имущества следует квалифицировать действия лица, которое отслеживало и дожидалось факта оставления или утери этого имущества, знало, кому оно принадлежит или где находится его владелец.

Если лицо присвоило найденное имущество или клад в размере, не являющимся особо крупным, его действия влекут административную ответственность по ст. 11.4 КоАП.

Уголовная противоправность *причинения имущественного ущерба без признаков хищения* (ст. 216 УК) состоит в причинении ущерба в значительном размере посредством извлечения имущественных выгод в результате обмана, злоупотребления доверием или путем модификации компьютерной информации при отсутствии признаков хищения. В правоприменительной практике возможны следующие формы данного преступления:

– незаконное использование имущества либо иных объектов гражданских прав;

– уклонение от передачи (уплаты) должного;

– незаконное обращение виновным в свою собственность или собственность третьих лиц имущества, которое не поступило, но должно было от виновного поступить потерпевшему;

– возложение виновным бремени своих расходов на потерпевшего.

Действия лиц, не уполномоченных на получение с граждан денег за выполнение работ или оказание услуг и обративших в свою пользу полученные от них деньги, могут квалифицироваться по ст. 216 УК (п. 17 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15).

Отграничивая причинение имущественного ущерба без признаков хищения от мошенничества и хищения имущества путем модификации

компьютерной информации, следует учитывать, что при совершении преступления, предусмотренного ст. 216 УК, лицо не завладевает имуществом и правом на него соответствующими способами, а вынуждает потерпевшего взять на себя оплату расходов, произведенных виновным, не передает оплату за пользование имуществом, уклоняется от иных платежей и др.

Уголовная противоправность *незаконного отчуждения вверенного имущества* (ст. 217 УК) выражается в незаконном безвозмездном отчуждении в значительном размере чужого имущества, вверенного виновному. Указанное преступление характеризуется обязательным признаком – отсутствием корыстной цели. Если имело место незаконное безвозмездное отчуждение вверенного чужого имущества в пользу близких виновного или других лиц, в материальном благополучии которых он заинтересован, содеянное следует рассматривать как хищение чужого имущества путем растраты и квалифицировать по ст. 211 УК.

Если в результате совершения данного преступления виновный совершил отчуждение чужого имущества в крупном размере или в особо крупном размере, такие действия не влияют на квалификацию преступления по ст. 217 УК, однако могут быть учтены судом при индивидуализации наказания. Незаконное безвозмездное отчуждение вверенного имущества в размере, не являющемся значительным, уголовной и административной ответственности не влечет.

Уголовная противоправность *умышленных уничтожения либо повреждения чужого имущества* (ст. 218 УК) выражена в уничтожении либо повреждении чужого имущества в значительном размере. Не может являться предметом данного преступления имущество, за уничтожение или повреждение которого установлена самостоятельная уголовная ответственность (ст. 269, 275, 277, 295^2, 309 УК и др.). Умышленные уничтожение либо повреждение чужого имущества, причинившие ущерб в размере, не являющемся значительным, исключают данный состав преступления и влекут административную ответственность по ст. 11.3 КоАП.

Умышленные уничтожение либо повреждение чужого имущества общеопасным способом (ч. 2 ст. 218 УК) признаются преступными независимо от размера причиненного ущерба.

При исчислении ущерба уничтоженного имущества следует руководствоваться разъяснением, данным в п. 25 Постановления от 21 декабря 2001 г. № 15, согласно которому ущерб исчисляется посредством его оценки в денежном выражении исходя из государственных розничных, рыночных, комиссионных или иных цен на день совершения преступления, т. е. изначальной стоимости, уменьшенной на сумму амортизационного износа, использования и просто потребительского старения данного имущества. При определении размера ущерба поврежденного имущества стоимость работ по его восстановлению не учитывается.

При квалификации преступления следует учитывать, что субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 218 УК, является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, а ч. 2 и 3 ст. 218 УК согласно п. 13 ч. 2 ст. 27 УК – достигшее 14-летнего возраста. В случае уничтожения или повреждения чужого имущества должностным лицом указанные действия должны квалифицироваться по совокупности преступлений: ст. 218 УК и соответствующее преступление против интересов службы (ст. 426 или 424 УК).

Если уничтожение и (или) повреждение чужого имущества являются способом совершения другого более тяжкого преступления (например: вымогательство, соединенное с уничтожением или повреждением имущества (ч. 2 ст. 208 УК), акт терроризма (ст. 289 УК), массовые беспорядки (ст. 293 УК), хулиганство (ст. 339 УК), диверсия (ст. 360 УК) и др.), содеянное квалифицируется по статье УК, предусматривающей ответственность за наиболее тяжкое преступление.

При квалификации *уничтожения либо повреждения чужого имущества по неосторожности* (ст. 219 УК) следует учитывать, что не может являться предметом данного вида преступления имущество, за уничтожение или повреждение по неосторожности которого установлена самостоятельная уголовная ответственность (ст. 270, 276, ч. 2 ст. 345, ст. 461 УК и др.). Уничтожение либо повреждение чужого имущества по неосторожности, повлекшие причинение ущерба в незначительном, значительном либо крупном размере, уголовной и административной ответственности не влекут, в таких случаях ответственность лица наступает в гражданско-правовом порядке. Гибель людей, наступление иных тяжких последствий в качестве признаков данного состава преступления не закреплены, поэтому деяние, повлекшее по неосторожности такие последствия, должно квалифицироваться по совокупности соответствующих преступлений.

3.3. Особенности квалификации преступлений против порядка осуществления экономической деятельности

Общие положения. Ответственность за преступления против порядка осуществления экономической деятельности установлена ст. 221–

261[1], помещенными в гл. 25 разд. VIII Особенной части УК, именуемого «Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности». В последние годы законодательство об уголовной ответственности за указанные виды преступлений претерпевает значительные изменения, которые обусловлены процессами, происходящими в социально-экономической сфере государства[1]. Наблюдается тенденция его либерализации и гуманизации.

Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за рассматриваемые преступления состоит в том, что, посягая на порядок осуществления экономической деятельности, названные деяния вносят дезорганизацию в экономическую жизнь страны, причиняют существенный вред государству, субъектам хозяйствования, индивидуальным предпринимателям и гражданам.

Давая уголовно-правовую оценку общественно опасным деяниям, признаки которых описаны в статьях гл. 25 УК, следует отметить, что видовым объектом этих преступлений является порядок осуществления экономической деятельности, представляющий собой сложившуюся в обществе систему отношений в сфере производства, распределения и присвоения материальных благ.

[1] Так, за период действия УК гл. 25 претерпела существенные изменения. Из нее были исключены 15 статей: ст. 224 «Нарушение порядка открытия счетов за пределами Республики Беларусь» (2019 г.), ст. 232 «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности» (2019 г.), ст. 234 «Лжепредпринимательство» (2019 г.), ст. 234[1] «Незаконное распоряжение денежными средствами, находящимися на банковских счетах субъекта хозяйствования» (2021 г.), ст. 238 «Ложная экономическая несостоятельность (банкротство)» (2022 г.), ст. 244 «Нарушение антимонопольного законодательства» (2019 г.), ст. 247 «Ограничение конкуренции» (2018 г.), ст. 248 «Незаконное использование деловой репутации конкурента» (2018 г.), ст. 249 «Дискредитация деловой репутации конкурента» (2019 г.), ст. 256 «Спекуляция» (2003 г.), ст. 257 «Обман потребителей» (2021 г.), ст. 259 «Фальсификация средств измерений» (2015 г.), ст. 260 «Нарушение правил торговли» (2003 г.), ст. 261 «Незаконные действия в отношении почтовых марок, иных знаков почтовой оплаты, международных ответных купонов, именных вещей» (2015 г.), ст. 262 «Подделка проездных документов» (2015 г.). Вместе с тем появились восемь новых статей: ст. 226[1] «Незаконные использование либо разглашение сведений, внесенных в реестр владельцев ценных бумаг, или информации о результатах финансово-хозяйственной деятельности эмитента ценных бумаг» (2007 г.), ст. 226[2] «Незаконные действия с простыми и (или) переводными векселями» (2007 г.), ст. 226[3] «Манипулирование рынком ценных бумаг» (2012 г.), ст. 228[1] «Незаконное перемещение товаров через таможенную границу» (2015 г.), ст. 243[1] «Уклонение от исполнения обязанностей налогового агента по перечислению налогов, сборов» (2021 г.), ст. 243[2] «Налоговое мошенничество» (2021 г.), ст. 243[3] «Уклонение от уплаты страховых взносов» (2021 г.), ст. 261[1] «Изготовление, сбыт либо использование поддельных акцизных марок Республики Беларусь» (2003 г.).

Обязательным признаком большинства данных видов преступлений является предмет преступления (например: поддельные деньги или ценные бумаги (ст. 221 УК), поддельные платежные инструменты и средства платежа (ст. 222 УК) и др.).

Для точной квалификации анализируемых преступлений следует уделять внимание признакам их объективной стороны. Большинство статей гл. 25 УК носят бланкетный характер, поэтому для уяснения признаков, описанных в диспозициях указанных статей, нужно обращаться к анализу норм иных, неуголовных нормативных правовых актов (например: административного, гражданского, предпринимательского, таможенного, налогового, банковского и иного законодательства, законодательства о внешнеэкономической деятельности и др.). В этой связи важно учитывать нормативные положения названного законодательства, а также следить за изменениями соответствующих правовых норм, нарушения которых образуют экономические преступления.

Большинство преступлений, закрепленных гл. 25 УК, имеют формальный состав. Преимущественно в качестве общественно опасных последствий данных видов преступлений фигурирует имущественный вред, представленный ущербом, доходом (наживой) в крупном либо особо крупном размере.

По общему правилу, в соответствии с примечаниями к гл. 25 УК крупным размером (сделкой, ущербом, доходом (наживой) в крупном размере) признается размер (сделка, ущерб, доход (нажива)) на сумму, в тысячу раз и более превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, а особо крупным размером (сделкой, ущербом, доходом (наживой) в особо крупном размере) – в две тысячи раз и более превышающую размер такой базовой величины, если иное не оговорено в примечаниях к статьям вышеназванной главы. Для материальных составов важно устанавливать причинную связь между общественно опасным деянием и указанными в законе общественно опасными последствиями.

Состав незаконного перемещения товаров через таможенную границу (ст. 228[1] УК) сформулирован с признаками административной преюдиции.

Особенность субъективной стороны данных преступлений состоит в том, что все они характеризуются умышленной формой вины. Для ряда анализируемых преступлений обязательным признаком субъективной стороны их составов являются цель (например: для ст. 221 УК – сбыт, для ст. 251 УК – корысть и др.) либо мотив преступления (например: ст. 222, 226[1], 255, 258 УК – корыстная заинтересованность).

Субъектом этих преступлений является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Многие из диспозиций составов преступлений против порядка осуществления экономической деятельности описывают специальный субъект, к числу признаков которого относятся:

– должностное лицо (ст. 227 УК);

– лицо, которому сведения или информация известны в связи с его профессиональной или служебной деятельностью (ст. 226^1 УК);

– индивидуальный предприниматель или должностное лицо, учредитель (участник) либо собственник имущества юридического лица (ст. 239 УК);

– работник индивидуального предпринимателя или юридического лица (ст. 252 УК) и др.

Особую значимость для правильной уголовно-правовой оценки указанных деяний приобретает уяснение нормативных положений постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь: от 25 сентября 1997 г. № 10 «О судебной практике по делам об изготовлении, хранении либо сбыте поддельных денег или ценных бумаг» (далее – Постановление от 25 сентября 1997 г. № 10), от 28 июня 2001 г. № 6 «О судебной практике по делам о предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии)» (далее – Постановление от 28 июня 2001 г. № 6), от 26 марта 2015 г. № 1 «О практике применения судами законодательства по делам об уклонении от уплаты налогов, сборов (статья 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» (далее – Постановление от 26 марта 2015 г. № 1).

Особенности квалификации отдельных преступлений против порядка осуществления экономической деятельности. При квалификации *изготовления, хранения либо сбыта поддельных денег или ценных бумаг* (ст. 221 УК) следует учитывать, что предметом этого преступления являются только банкноты или монеты в официальной денежной единице Республики Беларусь, государственные или иные ценные бумаги в официальной денежной единице Республики Беларусь, денежные знаки в иностранной валюте, ценные бумаги в иностранной валюте. Изготовление, хранение либо сбыт денежных знаков и ценных бумаг, изъятых из обращения (монеты старой чеканки, деньги, отмененные денежными реформами, и т. п.) и имеющих лишь коллекционную ценность, не влечет ответственности по ст. 221 УК и должно, при наличии к тому оснований, квалифицироваться как мошенничество (п. 11 Постановления от 25 сентября 1997 г. № 10). Изготовление поддельных лотерейных билетов с целью их сбыта должно квалифицироваться как приготовление к мошенничеству.

Для признания изготовления и хранения поддельных денежных знаков или ценных бумаг уголовно наказуемым следует установить цель их сбыта. Отсутствие этой цели при формальном наличии факта изготовления или хранения исключает уголовную ответственность по ст. 221 УК.

Изготовление поддельных денежных знаков или ценных бумаг является оконченным преступлением, если с целью последующего сбыта изготовлены хотя бы один денежный знак или ценная бумага, независимо от того, удалось ли осуществить их сбыт (п. 7 Постановления от 25 сентября 1997 г. № 10).

Последовавшая за хранением попытка сбыта поддельных денежных знаков или ценных бумаг, находившихся у лица в целях их сбыта, не требует дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 14 и соответствующей части ст. 221 УК. Не образуют покушения на преступление и случаи приобретения заведомо поддельных денежных знаков или ценных бумаг с целью их последующего сбыта под видом подлинных. Такое поведение рассматривается в качестве уголовно наказуемого хранения, которое квалифицируется как оконченное преступление по ст. 221 УК.

Действия лица, сбывшего поддельную купюру потерпевшему и пытающегося от него скрыться, квалифицируются по ст. 221 УК и дополнительной квалификации по ст. 206 УК не требуют, поскольку умысел виновного направлен на сбыт поддельного денежного знака, а все его последующие действия, в том числе корыстный мотив, охватываются целью сбыта.

Использование поддельных денежных знаков в качестве средств по приобретению имущества или права на имущество является одним из видов их сбыта, поэтому все действия виновного охватываются ст. 221 УК и дополнительной квалификации по ст. 209 УК не требуют. Однако если сбыт поддельных денежных знаков образует состав иного преступления, например дачи взятки, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений (ст. 221 и 431 УК).

Неоднократные попытки лицом сбыта одной и той же поддельной купюры либо попытки сбыта поддельной купюры и последующий ее сбыт не могут квалифицироваться по ч. 2 ст. 221 УК по признаку повторности, поскольку лицом руководит единый умысел на сбыт одной поддельной купюры. Кроме того, совершение лицом перечисленных в ст. 221 УК альтернативных действий, охватываемых единым умыслом и направленных к одной цели по изготовлению, последующему хранению, а затем и сбыту поддельных денежных знаков или ценных бумаг, должно рассматриваться как единое преступление, не образующее повторности.

Повторность имеет место в тех случаях, когда поведение лица не охватывалось единым умыслом, а представляло самостоятельную деятельность по изготовлению, хранению либо сбыту различных партий поддельных денежных знаков или ценных бумаг. Повторность отсутствует, если ко дню совершения нового преступления истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности за названные действия либо судимость за данное преступление снята или погашена в установленном порядке (п. 12 Постановления от 25 сентября 1997 г. № 10).

Если предметом подделки являются банковские платежные карточки, чековые книжки, чеки и иные платежные инструменты и средства платежа, не являющиеся ценными бумагами, содеянное должно квалифицироваться по ст. 222 УК. Подделка подписи на простом и (или) переводном векселе или на присоединенном к нему добавочном листе (аллонже), подписание простого и (или) переводного векселя, в том числе при индоссаменте, авале, акцепте, или добавочного листа (аллонжа) от имени вымышленного лица должны квалифицироваться по ч. 2 ст. 226^2 УК. Подделка в целях сбыта акцизных марок Республики Беларусь квалифицируется по ст. 261^1 УК.

Особые затруднения в правоприменительной практике вызывает вопрос отграничения изготовления, хранения либо сбыта поддельных денег или ценных бумаг от мошенничества (ст. 209 УК). Для квалификации деяния по ст. 221 УК необходимо установить, являются ли денежные знаки или ценные бумаги поддельными и имеют ли они существенное сходство по форме, размеру, цвету и другим основным реквизитам с находящимися в обращении подлинными денежными знаками или ценными бумагами. Если умысел виновного при изготовлении денежных знаков или ценных бумаг либо их сбыте был направлен на обман потерпевшего (вследствие плохого зрения, ограниченной видимости при сбыте подделки, некомпетентности либо неосведомленности и т. п.), а поддельные денежные знаки или ценные бумаги не могли участвовать в обороте в результате грубого характера подделки (существенного отличия от подлинных денег), действия виновного подлежат квалификации по ст. 209 УК как мошенничество (п. 6 Постановления от 25 сентября 1997 г. № 10).

Уголовная противоправность *контрабанды* (ст. 228 УК) выражается в незаконном перемещении предмета этого преступления в крупном размере через таможенную границу ЕАЭС.

Предметом данного преступления являются товары в крупном размере, запрещенные или ограниченные к перемещению через таможенную границу ЕАЭС (ч. 1 ст. 228 УК), и наличные денежные средства

или денежные инструменты в крупном размере (ч. 2 ст. 228 УК). Товары, запрещенные или ограниченные к перемещению, регламентированы соответствующими перечнями, к которым применяются запреты и ограничения на их ввоз или вывоз. Под денежными инструментами понимаются дорожные чеки, векселя, чеки (банковские чеки), а также ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата (ч. 4 примечаний к ст. 228 УК).

Если предметом контрабанды выступают наркотические средства, психотропные вещества либо их прекурсоры или аналоги, а также сильнодействующие, ядовитые, отравляющие вещества, радиоактивные материалы, огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства, оружие массового поражения или средства его доставки, а также иные виды вооружения и военной техники, действия виновных квалифицируются по ст. 328^1 либо 333^1 УК.

Незаконное перемещение через таможенную границу ЕАЭС товаров, запрещенных или ограниченных к такому перемещению, признается совершенным в крупном размере, если их стоимость превышает в 2 000 раз и более размер базовой величины, установленный на день совершения преступления (ч. 2 примечаний к ст. 228 УК), а незаконное перемещение через таможенную границу ЕАЭС наличных денежных средств или денежных инструментов признается совершенным в крупном размере, если сумма перемещаемых наличных денежных средств и (или) стоимость перемещаемых денежных инструментов превышают двукратный размер суммы наличных денежных средств и (или) стоимости дорожных чеков, разрешенных Таможенным кодексом Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС) к перемещению без таможенного декларирования в письменной форме.

При расчете размера суммы незаконно перемещаемых наличных денежных средств и (или) стоимости незаконно перемещаемых денежных инструментов из всей суммы перемещаемых наличных денежных средств и (или) стоимости перемещаемых денежных инструментов подлежит исключению та часть, которая ТК ЕАЭС разрешена к перемещению без таможенного декларирования в письменной форме или была задекларирована (ч. 3 примечаний к ст. 228 УК).

Перемещение предмета контрабанды в размере, не являющимся крупным, при наличии соответствующих признаков влечет ответственность по ст. 15.1 «Перемещение товаров через таможенную границу Ев-

разийского экономического союза вне определенных законодательством мест или в неустановленное время» КоАП. Если лицо в течение года после наложения административного взыскания по ст. 15.1 КоАП вновь совершает такое же правонарушение, его действия могут быть квалифицированы по ст. 228^1 УК.

Для квалификации контрабанды следует учитывать, что важным ее признаком является способ совершения этого преступления. В ч. 1 примечаний к ст. 228 УК указаны следующие альтернативные способы незаконного перемещения предмета контрабанды через таможенную границу ЕАЭС: вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с заведомо недостоверным декларированием или недекларированием товаров, либо с использованием документов, содержащих заведомо недостоверные сведения о товарах, или с использованием поддельных или относящихся к другим товарам средств идентификации.

Контрабанда признается оконченной с момента фактического перемещения лицом предмета контрабанды в соответствующем размере через линию, по которой проходит таможенная граница ЕАЭС. Действия лица, пытавшегося переместить предмет контрабанды через таможенную границу ЕАЭС, пресеченные таможенными органами, квалифицируются как покушение на контрабанду по ч. 1 ст. 14 и соответствующей части ст. 228 УК.

Контрабанда, совершенная должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, влечет ответственность по ч. 3 ст. 228 УК и в соответствии с ч. 1 примечаний к гл. 35 УК не требует дополнительной квалификации по ст. 424 УК. Совершение контрабанды должностным лицом с использованием своих служебных полномочий предполагает действия со стороны должностного лица, злоупотребляющего властью или служебным положением, в целях совершения контрабанды. Если должностное лицо не использует для совершения контрабанды свои служебные полномочия, указанный признак в его действиях отсутствует.

Под применением насилия к лицу, проводящему таможенный или осуществляющему пограничный контроль (ч. 3 ст. 228 УК), понимается физическое воздействие на сотрудника, как связанное, так и не связанное с причинением ему телесных повреждений, совершаемое во время выполнения функций таможенного или пограничного контроля. Насилие может выражаться в ограничении свободы, умышленном причинении боли или телесных повреждений, включая умышленное причинение менее тяжких телесных повреждений. Если насилие, примененное к лицу, проводящему таможенный или осуществляющему пограничный контроль, сопряжено с причинением ему тяжкого телесного повреждения либо убийством такого лица, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений: по ч. 3 ст. 228 и п. 5 ч. 2 ст. 147 либо п. 10 ч. 2 ст. 139 УК.

Действия лиц, которые непосредственно не перемещали предметы контрабанды через таможенную границу ЕАЭС в крупном размере, а лишь организовывали или оказывали помощь в совершении этого преступления, надлежит квалифицировать как соучастие в контрабанде со ссылкой на соответствующую часть ст. 16 УК.

Согласно ч. 5 примечаний к ст. 228 УК лицо, добровольно сдавшее наличные денежные средства и (или) денежные инструменты, указанные в ст. 228 УК, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Не могут признаваться добровольной сдачей наличных денежных средств или денежных инструментов их обнаружение при применении форм таможенного контроля, их изъятие при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию.

Особенностью предмета *незаконного перемещения товаров через таможенную границу* (ст. 228^1 УК) является то, что им являются товары, запрещенные или ограниченные к перемещению через таможенную границу ЕАЭС не в крупном размере, и товары, не подлежащие таможенному декларированию.

Уголовная противоправность преступления выражается в перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС вне определенных законодательством мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах. Обязательным условием наступления уголовной ответственности по ч. 1 ст. 228^1 УК является время совершения преступления – в течение года после наложения административного взыскания за совершение правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 15.1 «Перемещение товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза вне определенных законодательством мест или в неустановленное время» КоАП. Совершение повторно в течение года правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 15.1 КоАП, а равно незаконное перемещение товаров не в крупном размере через таможенную границу ЕАЭС посредством сокрытия от таможенного контроля, с заведомо недостоверным декларированием или недекларированием товаров,

с использованием документов, содержащих заведомо недостоверные сведения о товарах, с использованием поддельных или относящихся к другим товарам средств идентификации, независимо от привлечения за указанные действия в течение года к административной ответственности, уголовной ответственности не влекут. Это обусловлено тем, что данные способы не являются признаками названного преступления.

Для квалификации содеянного по ч. 2 и 3 ст. 228[1] УК по признаку незаконного перемещения товаров через таможенную границу лицом, ранее судимым за преступления, предусмотренные ст. 228 и 228[1] УК, а равно совершения данного преступления организованной группой в качестве условия наступления уголовной ответственности административная преюдиция не требуется.

Данное преступление отличается от контрабанды (ст. 228 УК) предметом этих преступлений, размером перемещаемых предметов, а также ограниченным кругом способов перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС.

Незаконное перемещение наличных денежных средств или денежных инструментов не в крупном размере через таможенную границу ЕАЭС, в том числе повторно в течение года, уголовной ответственности не влечет. При определенных условиях за недекларирование перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС физическими лицами подлежащих таможенному декларированию наличных денежных средств и (или) денежных инструментов лицо может быть привлечено к административной ответственности по ч. 2 ст. 15.5 КоАП.

Уголовная противоправность *предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии)* (ст. 233 УК) заключается в осуществлении предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), когда такое специальное разрешение (лицензия) обязательно. Ответственность по ст. 233 УК наступает не только в случае отсутствия специального разрешения (лицензии), но и когда действие лицензии просрочено, приостановлено либо когда предприниматель лишен ее; при осуществлении деятельности, не указанной в специальном разрешении (лицензии).

Условием уголовной ответственности является получение незаконного дохода в крупном (ч. 1 ст. 233 УК) либо в особо крупном (ч. 2 ст. 233 УК) размере. Предпринимательская деятельность, осуществляемая без специального разрешения (лицензии), не сопряженная с получением дохода в крупном размере, а равно предпринимательская деятельность, осуществляемая без государственной регистрации, или

предпринимательская деятельность, являющаяся в соответствии с законодательными актами незаконной (запрещенной), или осуществляемая лицом, для которого установлен законодательными актами запрет на осуществление такой деятельности, вне зависимости от размера полученного дохода, влечет административную ответственность по ст. 13.3 «Незаконная предпринимательская деятельность» КоАП.

Если доход в размере, влекущем уголовную ответственность для данного преступления, не был получен виновным в связи с наступлением обстоятельств, не зависящих от его воли (например, в связи с пресечением противоправной деятельности правоохранительными органами), указанные действия являются покушением на преступление и подлежат квалификации по ч. 1 ст. 14 и соответствующей части ст. 233 УК (п. 8 Постановления от 28 июня 2001 г. № 6).

В качестве признака, усиливающего уголовную ответственность, закон называет предпринимательскую деятельность, осуществляемую без специального разрешения (лицензии), сопряженную с привлечением денежных средств, электронных денег или иного имущества граждан в крупном размере, если выплата дохода или возврат денежных средств, электронных денег или иного имущества осуществляются полностью или частично за счет привлеченных денежных средств, электронных денег или иного имущества других граждан (ч. 2 ст. 233 УК).

Доход признается полученным в крупном размере, если он в 1 000 раз и более превышает размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, в особо крупном размере – в 2 000 раз и более превышает размер такой базовой величины (ч. 2 примечаний к ст. 233 УК).

Под доходом от предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии), следует понимать сумму выручки (дохода – для индивидуальных предпринимателей, применяющих общий порядок налогообложения) от реализации товаров (работ, услуг), имущественных прав, полученной по этой деятельности, за вычетом косвенных налогов, а также понесенных при осуществлении указанной деятельности документально подтвержденных затрат по производству и реализации товаров (работ, услуг), имущественных прав, учитываемых при применении общего порядка налогообложения (в том числе таких затрат, понесенных в период применения особого режима налогообложения) (ч. 1 примечаний к ст. 233 УК).

Под доходом от предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии), сопряженной с привлече-

нием денежных средств, электронных денег или иного имущества граждан, следует понимать всю сумму (стоимость) привлеченных денежных средств, электронных денег или иного имущества. Доход, полученный в натуральной форме, подлежит определению в денежном выражении (ч. 1 примечаний к ст. 233 УК).

Если должностное лицо использовало свои служебные полномочия для совершения преступления, предусмотренного ст. 233 УК, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений: ст. 233 УК и соответствующей статье Особенной части УК, предусматривающей ответственность за преступление против интересов службы (п. 13 Постановления от 28 июня 2001 г. № 6).

Действия лиц, не осуществляющих предпринимательскую деятельность без специального разрешения (лицензии), однако умышленно оказывающих виновному содействие в ее осуществлении, квалифицируются как соучастие в совершении указанного преступления по соответствующим частям ст. 16 и 233 УК (п. 5 Постановления от 28 июня 2001 г. № 6).

В случае если предпринимательская деятельность выражается в совершении преступлений, ответственность за которые предусмотрена соответствующими статьями (например: торговля людьми (ст. 181 УК), незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей (ст. 187 УК), незаконные приобретение и сбыт оружия (ст. 295 УК), наркотических средств (ст. 328 УК)), содеянное квалифицируется только по указанным статьям УК и дополнительной квалификации по ст. 233 УК не требуется (п. 11 Постановления от 28 июня 2001 г. № 6).

Действия лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность без специального разрешения (лицензии), не требуют дополнительной квалификации по ст. 243 УК за уклонение от уплаты налогов, сборов (п. 12 Постановления от 28 июня 2001 г. № 6).

Уголовная противоправность *легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем* (ст. 235 УК), выражается в легализации («отмывании») средств, полученных заведомо преступным путем, т. е. в совершении финансовых операций (сделок независимо от формы и способа их осуществления) с указанными средствами для придания правомерного вида владению, пользованию и (или) распоряжению ими.

При квалификации следует учитывать, что предметом данного преступления являются средства, полученные заведомо преступным путем, под которыми понимаются денежные средства, ценные бумаги, электронные деньги, иное имущество, в том числе имущественные права, а

также исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (ч. 2 примечаний к ст. 235 УК). Не могут быть предметом преступления средства, полученные от преступления, не связанного с получением средств (например, денежные средства, «сэкономленные» в результате уклонения от уплаты налогов, сборов (ст. 243 УК), не являются полученными в результате совершения этого преступления, поскольку они выступают его ущербом и подлежат поступлению в бюджет).

Уголовный закон не регламентирует размер средств, полученных преступным путем, с которыми совершается финансовая операция. Однако при мизерном их размере не следует исключать возможности применения нормы о малозначительности деяния (ч. 4 ст. 11 УК).

Для привлечения лица к ответственности по ст. 235 УК необходимо, чтобы по преступлению, являющемуся источником получения средств, был вынесен обвинительный приговор. Не влечет уголовной ответственности по ст. 235 УК легализация дохода от использования средств, полученных преступным путем. Преступление признается оконченным с момента совершения соответствующей финансовой сделки с предметом преступления.

Если легализация средств, полученных преступным путем, сопряжена с изготовлением и использованием поддельных документов, действия лица подлежат квалификации по совокупности преступлений: ст. 235 и 380 или 427 УК.

Обязательным признаком преступления является цель, которая выражается в утаивании или искажении происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности средств, полученных заведомо преступным путем. Для квалификации действий по ст. 235 УК не имеет значения, достигло лицо данной цели или нет. Если лицо, совершившее финансовую операцию, преследует иную цель (например, получить доход от продажи имущества, похищенного иным лицом, не скрывая от покупателя его преступное происхождение), его действия следует квалифицировать по ст. 236 УК.

Квалифицирующим признаком преступления является его совершение должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 2 ст. 235 УК). Указанный признак имеет место, когда лицо для совершения данного преступления использует предоставленные ему по службе полномочия, при этом дополнительная квалификация таких действий должностного лица по ст. 424 УК не требуется.

Лицо, участвовавшее в легализации средств, полученных преступным путем, освобождается от уголовной ответственности за эти дей-

ствия, если оно добровольно заявило о содеянном и способствовало выявлению преступления (ч. 3 примечаний к ст. 235 УК).

Совершение юридическим лицом финансовой операции со средствами, полученными заведомо для должностного лица этого юридического лица преступным путем, повлекшее придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению указанными средствами, влечет ответственность по ст. 12.28 «Совершение финансовой операции, повлекшей легализацию доходов, полученных преступным путем» КоАП.

Уголовная противоправность *приобретения либо сбыта материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем* (ст. 236 УК), выражается в заранее не обещанных приобретении, хранении или сбыте материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем. В качестве материальных ценностей могут выступать денежные средства, ценные бумаги, иные материальные объекты, в том числе, в которые не вложен труд человека (деревья, водные животные и т. д.).

Если до начала совершения преступления лицо обещало приобрести, хранить или сбыть материальные ценности, добываемые преступным путем, его действия квалифицируются как соучастие в виде пособничества в соответствующем преступлении, связанном с приобретением данных материальных ценностей, и не подлежат квалификации за преступление, предусмотренное ст. 236 УК.

При квалификации не требуется установления того, знало ли лицо, в результате какого конкретного преступления добыты материальные ценности. Достаточно определить, что лицо знало, что они добыты преступным путем. Если лицо узнало о преступном происхождении материальных ценностей после их приобретения и продолжило пользоваться ими, ответственность по ст. 236 УК исключается.

Если лицо в результате совершения преступления само добыло материальные ценности, а в последующем их хранило или сбыло, его действия не подлежат квалификации по ст. 236 УК.

Последовательное осуществление действий по приобретению, хранению и сбыту одних и тех же материальных ценностей не образует повторности данного преступления.

Если действия лица по передаче предмета преступления другому лицу не были связаны с его отчуждением, такие действия не являются сбытом и в зависимости от обстоятельств совершенного деяния могут квалифицироваться как подстрекательство к хранению и (или) пособничество в хранении предмета преступления по ч. 5 и (или) 6 ст. 16 и

ст. 236 УК. Лицо, принявшее предмет преступления и которому было известно о способе его приобретения, подлежит ответственности за его хранение по ст. 236 УК.

Действия лица, совершившего приобретение, хранение или сбыт материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, незаконный оборот которых является самостоятельным преступлением (оружие, наркотические или ядовитые вещества и т. д.), квалифицируются по совокупности преступлений: ст. 236 УК и соответствующей статье УК, предусматривающей ответственность за незаконный оборот таких предметов.

Данное преступление следует отграничивать от легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем (ст. 235 УК), по предмету и цели совершения преступления. В предмет преступления, предусмотренного ст. 236 УК, не входят электронные деньги, имущественные права, исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности. Если лицо не преследовало цели легализовать средства, полученные преступным путем, их приобретение, хранение или сбыт должны влечь ответственность по ст. 236 УК. Если сбыт средств, полученных заведомо преступным путем, являлся способом легализации указанных средств, такие действия следует квалифицировать только по ст. 235 УК.

В ходе квалификации *незаконного получения кредита или субсидии* (ст. 237 УК) важно учитывать, что его предметом являются предоставляемые (выделяемые) по договору индивидуальному предпринимателю или должностному лицу юридического лица кредит или субсидия. В отличие от кредита субсидия имеет безвозвратный, целевой и безвозмездный характер. Нарушение или неисполнение обязательств по соответствующему договору влечет гражданско-правовую ответственность. Кредит, выданный хотя и индивидуальному предпринимателю или должностному лицу, но на потребительские нужды как частному лицу, не является предметом данного преступления.

Уголовная противоправность незаконного получения кредита или субсидии представлена в двух альтернативных формах:

– получении предмета преступления с использованием заведомо ложных документов и сведений об обстоятельствах, имеющих существенное значение для его получения, повлекшем причинение ущерба в крупном (ч. 1 ст. 237 УК) или особо крупном (ч. 2 ст. 237 УК) размере;

– несообщении кредитору или органу, выделившему субсидию, информации о возникновении обстоятельств, влекущих приостановление

или прекращение кредитования или субсидирования, повлекшем причинение ущерба в крупном (ч. 1 ст. 237 УК) или особо крупном (ч. 2 ст. 237 УК) размере.

Преступление признается оконченным с момента причинения ущерба в соответствующем размере. Между деянием и общественно опасным последствием должна быть установлена причинная связь.

Подделка документов, внесение в официальные документы ложных сведений и представление таких документов в банк или иную небанковскую кредитно-финансовую организацию в целях получения кредита либо субсидии охватываются составами преступления, предусмотренного ст. 237 УК, и дополнительной квалификации по ст. 380, 427 УК не требуют.

Правоприменителю необходимо тщательно выяснять направленность умысла и истинную цель получения предмета преступления. Если виновное лицо преследует цель присвоения незаконно полученных средств, такое деяние содержит состав хищения в форме мошенничества или злоупотребления служебным положением. В этой связи практика применения анализируемой статьи свидетельствует о том, что если лицо, предоставив в банк заведомо ложные документы, получило кредит и использовало его не по целевому назначению, не имело возможности исполнить обязательства по его возврату, на протяжении длительного времени мер к его погашению не предпринимало и не намеревалось его возвращать, поскольку знало, что ответственность по кредитному договору будет нести поручитель, такие действия квалифицируются по ст. 209 УК как мошенничество.

При квалификации следует учитывать, что субъект данного преступления специальный: индивидуальный предприниматель или должностное лицо юридического лица, достигшие 16-летнего возраста. Действия лиц, не являющихся специальными субъектами указанного преступления, но умышленно содействовавших незаконному получению кредита или субсидии, квалифицируются как соучастие в этом преступлении, а должностных лиц – и по статьям УК, предусматривающим ответственность за соответствующие должностные преступления, при этом незаконное получение кредита или субсидии, совершенное должностным лицом в форме действия, не требует дополнительной квалификации по ст. 424 УК, а совершенное в форме бездействия – по ст. 425 УК.

3.4. Особенности квалификации отдельных преступлений против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования

Общие положения. Одним из направлений государственной политики Республики Беларусь в сфере национальной безопасности является обеспечение такой важнейшей ее составляющей, как экологическая безопасность. Экологическое законодательство включает в себя весьма обширный перечень нормативных правовых актов как республиканского, так и международного уровня. В этой связи уголовное законодательство белорусского государства является одним из самых действенных рычагов противодействия противоправным посягательствам на экологическую безопасность и природную среду.

Принятое законодателем название разд. IX и, соответственно, гл. 26 «Преступления против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования» УК означает, что все предусмотренные в них преступления посягают на окружающую природную среду. На современном этапе развития общества существует большая опасность антропогенного воздействия (деятельности людей), что причиняет или может причинить вред природе.

В правоприменительной практике существует ряд проблем при квалификации преступлений данной категории, отграничении их от смежных составов, например от преступлений против собственности. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 2003 г. № 13 «О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования» разъясняет специфику применения некоторых уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за указанные преступления.

Круг преступлений исследуемой группы достаточно обширен. В соответствии с учебной программой дисциплины «Квалификация преступлений» ниже будут рассмотрены лишь вопросы уголовно-правовой оценки преступлений против животного мира, которые наиболее часто встречаются в правоприменительной практике.

Особенности квалификации преступлений против животного мира. Квалификация преступления, предусмотренного *ст. 281 «Незаконная добыча рыбы или других водных животных» УК*, предполагает четкое установление его предмета.

Необходимо иметь в виду, что околоводные млекопитающие (бобр, выдра, ондатра и др.) предметом названного преступления не являются

и их незаконная добыча может при соответствующих условиях влечь ответственность по ст. 282 УК.

Преступление считается оконченным с момента совершения действий, направленных на незаконную добычу рыбы или других водных животных. Это может выражаться в установке сетей, приспособлений, иных средств и орудий незаконной добычи рыбы или других водных животных, независимо от того, были ли они фактически добыты.

Если виновный использует при незаконной добыче рыбы или других водных животных орудия лова, работа которых основана на действии электромагнитного поля, ультразвука, или взрывчатые вещества, его действия следует квалифицировать по ч. 2 ст. 281 УК независимо от количества добытого при этом.

Ответственность по ч. 2 ст. 281 УК за незаконную добычу рыбы или других водных животных, занесенных в Красную книгу Республики Беларусь, наступает лишь в том случае, если виновный, завладевая ими, сознает, что эта рыба или другие водные животные находятся под особой охраной.

Следует иметь в виду, что действия должностных лиц, совершивших незаконную добычу рыбы, других водных животных с использованием своих служебных полномочий, охватываются ч. 3 ст. 281 УК и дополнительной квалификации за преступления против интересов службы не требуется. Должностные лица, использовавшие свои служебные полномочия при необоснованной выдаче разрешительных документов на добычу рыбы, других водных животных, несут ответственность за преступления против интересов службы.

В соответствии с примечанием к ст. 281 УК крупным размером ущерба в ст. 281 и 282 УК признается размер ущерба на сумму, в 100 раз и более превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, а особо крупным – на сумму, в 250 раз и более превышающую размер такой базовой величины.

Ущерб, причиненный в результате деяния, предусмотренного ст. 281 УК, подлежит возмещению в размере, определенном в соответствии с таксами, утвержденными постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 апреля 2022 г. № 219 «О таксах для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, и порядке его исчисления».

Действия лиц, виновных в добыче рыбы или водных животных, выращиваемых юридическими или физическими лицами (независимо от форм собственности) в специально устроенных или приспособленных

водоемах (например, в нагульных прудах), либо завладение отловленной рыбой или другими водными животными при наличии необходимых признаков подлежат квалификации как хищение по соответствующей статье гл. 24 УК.

Если виновному не было известно о том, что он добыл рыбу, других водных животных в указанных водоемах, его действия должны квалифицироваться как незаконная добыча рыбы или других водных животных.

Предметом преступления, предусмотренного *ст. 282 «Незаконная охота» УК*, являются охотничьи животные, т. е. находящиеся в условиях естественной свободы дикие животные (звери и птицы), относящиеся к объектам охоты, группы и виды которых определены соответствующим законодательством.

Преступление, предусмотренное ст. 282 УК, считается оконченным с момента совершения действий, направленных на непосредственное завладение предметом охоты. Это может выражаться в преследовании, установке капканов, сетей, приспособлении иных средств и орудий незаконной охоты, независимо от того, были ли фактически добыты предметы охоты.

Запрещенными орудиями охоты следует признавать те средства добычи диких животных, которые не соответствуют Правилам охоты, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 21 марта 2018 г. № 112 «Об охоте и ведении охотничьего хозяйства».

Ответственность по ч. 2 ст. 282 УК за незаконную добычу диких животных, занесенных в Красную книгу Республики Беларусь, наступает лишь в том случае, если виновный, завладевая ими, сознает, что эти дикие животные находятся под особой охраной. Осуществляя незаконную охоту на территории заповедника, национального парка, заказника, на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, где установлен контрольно-пропускной режим, лицо должно сознавать, что совершает незаконные действия в пределах этих территорий (ч. 2 ст. 282 УК).

Под использованием механических наземных, водных или воздушных транспортных средств при незаконной охоте (ч. 4 ст. 282 УК) следует расценивать их эксплуатацию в качестве орудия преступления непосредственно в процессе охоты (преследование, выслеживание, загон животных, отстрел и т. п.). Если транспортные средства использовались лишь для доставки нарушителя к месту незаконной охоты и перевозки добытого, такое их применение не является основанием для квалификации действий виновного по ч. 4 ст. 282 УК.

Незаконная охота с использованием незаконно изготовленного охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия требует дополнительной квалификации содеянного по ч. 2 или 3 ст. 295[1] УК. Когда такие действия совершены с использованием незаконно хранившегося, изготовленного или приобретенного иного огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, действия виновного, в зависимости от обстоятельств дела, подлежат дополнительной квалификации по соответствующей части ст. 295 УК.

Действия должностных лиц, совершивших незаконную охоту с использованием своих служебных полномочий, квалифицируются по ч. 3 ст. 282 УК и дополнительной квалификации за преступления против интересов службы не требуют. Должностные лица, использовавшие свои служебные полномочия при необоснованной выдаче разрешительных документов на добычу охотничьих животных, несут ответственность за преступления против интересов службы.

Ущерб, причиненный в результате деяния, предусмотренного ст. 282 УК, подлежит возмещению в том же порядке, что и ущерб, причиненный в результате незаконной добычи рыбы или других водных животных в соответствии с утвержденными таксами.

Действия лиц, виновных в добыче животных, извлеченных из естественной среды обитания и находящихся в зоопарке, питомнике, вольере, виварии и других местах, где они содержатся под наблюдением человека и обеспечиваются питанием, при наличии соответствующих признаков подлежат квалификации как хищение по соответствующей статье гл. 24 УК. Если виновному не было известно о том, что он добыл животных в указанных местах, его действия должны квалифицироваться как незаконная охота.

Предметом преступления, предусмотренного *ст. 282[1] «Незаконные перемещение (транспортировка) или разделка диких животных» УК*, являются охотничьи животные, относящиеся к объектам охоты, группы и виды которых определены соответствующим законодательством, в том числе погибшие, или их части.

Данное преступление считается оконченным с момента совершения действий, направленных на незаконные перемещение (транспортировку) или разделку диких животных, относящихся в соответствии с законодательными актами к объектам охоты, в том числе погибших, или их частей.

Стоимость незаконно перемещенных (транспортированных) или разделанных диких животных, в том числе погибших, или их частей определяется в порядке, установленном для определения размера возмещения вреда, причиненного в результате их незаконного изъятия.

3.5. Особенности квалификации преступлений против общественной безопасности и здоровья населения

В разд. X «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения» УК размещены гл. 27 «Преступления против общественной безопасности», гл. 28 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» и гл. 29 «Преступления против здоровья населения». Преступления против общественной безопасности, исходя из содержания объекта и источника угрозы, содержатся и в других главах УК, в том числе в гл. 17 «Преступления против мира и безопасности человечества», гл. 26 «Преступления против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования» и др.

Особенности квалификации отдельных преступлений против общественной безопасности. Общие положения. Преступления против общественной безопасности, предусмотренные гл. 27 УК, – общественно опасные деяния, посягающие на основы общественной безопасности, общественную безопасность в сферах оборота специальных предметов и веществ, производства работ, обеспечения безопасности граждан в условиях существующей опасности.

Уголовная ответственность за преступления против общественной безопасности предусмотрена ст. 285–308 УК. Видовым объектом преступлений является общественная безопасность – нормативно урегулированное состояние реальной действительности, исключающее возможность причинения вреда жизни, здоровью, имуществу неопределенного количества людей. Сущность общественной безопасности состоит в обеспечении безопасных условий жизнедеятельности граждан и общества. Дополнительным объектом преступлений являются жизнь и здоровье человека (ч. 2 и 3 ст. 291, ст. 299, 300, ч. 3 ст. 301, ч. 2 ст. 302, ст. 303, ч. 2 и 3 ст. 304, ч. 2 ст. 305, ст. 306–308 УК), отношения собственности (ст. 289, ч. 2 ст. 292, ст. 293, 294, 298, ч. 2 ст. 302, ст. 304 УК).

Предметом преступлений против общественной безопасности могут являться:

– здания, сооружения, пути или средства сообщения и связи, иные коммуникации (ч. 1 ст. 292 УК);

– боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства, предметы, поражающее действие которых основано на использовании горючих веществ, ядерное, химическое, биологическое и другие виды оружия массового поражения либо основные части такого оружия (ч. 3 ст. 292, ч. 2 ст. 294, ст. 295[3] УК);

– огнестрельное оружие, его составные части или компоненты, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства (ч. 1 ст. 294, ч. 2 ст. 295, ст. 298 УК);

– охотничье огнестрельное гладкоствольное оружие и боеприпасы к нему, составные части или компоненты охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия (ст. 295[1] УК);

– холодное оружие (ст. 296 УК);

– газовое, пневматическое или метательное оружие (ст. 297 УК);

– огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства (ст. 298 УК);

– огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывоопасные, легковоспламеняющиеся, едкие вещества и пиротехнические изделия (ст. 299 УК);

– огнестрельное оружие (ст. 300 УК).

Объективная сторона большинства указанных преступлений выражается в общественно опасных действиях виновных лиц (ст. 285–297 УК). Лишь два состава предусматривают преступное бездействие: непринятие мер по спасанию людей (ст. 307 УК) и несообщение информации об опасности для жизни людей (ст. 308 УК). Остальные преступления могут совершаться как действием, так и бездействием виновного (ст. 301–306, 298–300 УК). Обязательными признаками объективной стороны преступлений являются: место (ст. 301, 302 УК), обстановка (ст. 303 УК), время (ст. 295[1], 296, 297, 304, 305 УК), способ (ст. 288, 289, 291, 292–294 УК), средства (ч. 3 ст. 289 УК).

Для правильной квалификации преступлений имеет значение уяснение конструкции объективной стороны преступления. Составы преступлений, предусмотренных ст. 285–287, ч. 1 ст. 288, 290, 291, ст. 292, 295–297, ч. 1 ст. 301, 302 УК, сформулированы как формальные. Материальную конструкцию состава имеют преступления, предусмотренные ст. 298–300, ч. 2 и 3 ст. 301, ч. 2 ст. 303, ст. 304–308 УК. Общественно опасными последствиями, с наступлением которых связан момент окончания таких преступлений, являются: ущерб в крупном или особо крупном размере, смерть человека, причинение телесных повреждений различной степени тяжести, иные тяжкие последствия, радиоактивное загрязнение. Составы преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 288, ч. 2 и 3 ст. 289, ч. 2 ст. 290, ч. 2 и 3 ст. 291 УК, имеют формально-материальную конструкцию, их окончание может быть связано как с совершением деяния, так и с наступлением предусмотренных альтернативно общественно опасных последствий.

Субъективная сторона большинства преступлений характеризуется умышленной формой вины (ст. 285–297 УК), умышленным также признается преступление с двойной формой вины, предусмотренное ч. 3 ст. 291 УК. Неосторожной формой вины характеризуются преступления, оценка которых связана с отношением виновного к последствиям своего деяния (ст. 298–300, ч. 2 и 3 ст. 301, ч. 2 ст. 302, ст. 303–308 УК). Для преступлений, относящихся к составам поставления в опасность (ч. 1 ст. 301, ч. 1 ст. 302 УК), к наступлению возможных последствий допускается не только неосторожное, но и умышленное в виде косвенного умысла отношение виновного.

Для некоторых умышленных преступлений обязательными признаками субъективной стороны являются цель их совершения (ст. 286, 289–290[1], 290[4], 291, 292, ч. 3 ст. 294 УК) и корыстные побуждения (п. 7 ч. 2 ст. 291 УК).

Субъектом названных преступлений может быть физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. За совершение преступлений, предусмотренных ст. 291 и 294 УК, ответственность наступает с 14-летнего возраста. Некоторые преступления могут совершаться только специальными субъектами, которые должны обладать такими дополнительными признаками, как наличие административного взыскания за такие же действия (ст. 296, 297, 304 УК), должностных полномочий (ч. 3 ст. 285, ч. 2 ст. 290[1], ч. 2 ст. 290[2], ч. 3 ст. 294, ст. 308 УК), специально возложенных обязанностей либо правомочий (ч. 3 ст. 294, ст. 298, 300–307 УК).

Ч. 1 и 2 примечаний к разд. X «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения» УК определены суммы размера ущерба в статьях глав указанного раздела, предусматривающих ответственность за преступления против общественной безопасности и безопасности движения и эксплуатации транспорта, а также сформулировано правило квалификации, согласно которому преступления, совершенные в составе преступной организации или банды, оцениваются самостоятельно и влекут ответственность по совокупности преступлений. Примечаниями к ст. 287, 289, 290[1]–290[5], 291, 295 УК закреплены условия освобождения виновных лиц от уголовной ответственности за совершение данных преступлений, а примечанием к ст. 304 УК определены требования пожарной безопасности. Следует иметь в виду, что основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием предусмотрены не только примечаниями к указанным статьям, но и ст. 20 «Освобождение от уголовной ответственности участника преступной организации или банды» УК.

Особенности квалификации незаконных действий в отношении предметов вооружения. Особенности квалификации незаконных дей-

ствий в отношении предметов вооружения, в частности огнестрельного оружия, его составных частей или компонентов, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 294–297 УК), обусловлены необходимостью установления признаков их предмета и особенностями объективной стороны.

Понятие и особенности предмета преступлений, предусмотренных ст. 294–297 УК, классификация и виды оружия, вопросы регулирования оборота оружия и боеприпасов закреплены Законом об оружии и некоторыми иными актами законодательства.

Для правильного применения терминов «оружие» (огнестрельное, охотничье, огнестрельное гладкоствольное, холодное, газовое, пневматическое, метательное), «составные части и компоненты огнестрельного оружия», «боеприпасы» следует руководствоваться их определениями, содержащимися в Законе об оружии. Понятия «взрывчатые вещества» и «взрывные устройства» приводятся в Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 3 апреля 2008 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с незаконными действиями в отношении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (ст. 294–295[2], 296, 297 Уголовного кодекса Республики Беларусь) (далее – Постановление от 3 апреля 2008 г. № 1). Согласно п. 3 Постановления от 3 апреля 2008 г. № 1 к взрывчатым веществам нужно относить химические вещества и смеси, обладающие способностью к взрыву без доступа кислорода (порох, динамит, тротил и т. п.), а взрывными устройствами необходимо признавать предназначенные к взрыву при определенных условиях изделия, изготовленные промышленным или самодельным способом, объединяющие взрывчатое вещество и приспособление для инициирования взрыва.

В любом случае вопрос о том, являются ли оружием, составными частями или компонентами к нему, боеприпасами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами те или иные предметы, следует решать с учетом заключения эксперта.

Оружие – устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, а также подачи сигналов пиротехническими составами (абзац второй части первой ст. 1 Закона об оружии).

Огнестрельное оружие – оружие, которое производит выстрел, предназначено или может быть легко приспособлено для производства выстрела или ускорения пули или снаряда за счет энергии взрывчатого вещества (абзац третий части первой ст. 1 Закона об оружии). К огнестрельному оружию следует относить боевое и служебное оружие, некоторые виды гражданского оружия (спортивное и охотничье огнестрельное оружие, огнестрельное бесствольное, огнестрельное оружие травматического действия).

В уголовном праве ранее рассматривались лишь два вида оружия – огнестрельное и холодное. С принятием Закона об оружии и криминализацией в УК незаконных действий с некоторыми новыми видами оружия (газового, пневматического, метательного) возникли определенные затруднения при уголовно-правовой оценке их незаконного оборота.

Актуальные вопросы квалификации незаконных действий в отношении предметов вооружения. Не относится к огнестрельному оружию и не является предметом указанных преступлений сигнальное оружие, конструктивно предназначенное только для подачи световых, дымовых или звуковых сигналов пиротехническими составами. Однако если сигнальное оружие приспосабливается для стрельбы малокалиберными пулями, оно приобретает свойства огнестрельного оружия, ответственность за незаконные действия с которым предусмотрена ч. 2 ст. 295 УК.

На территории Республики Беларусь запрещен оборот газовых или сигнальных пистолетов и револьверов, конструкция которых позволяет вести стрельбу пулевыми или дробовыми патронами (ст. 8 Закона об оружии). В связи с этим возникает вопрос квалификации незаконных действий с такого рода оружием, которое фактически обладает функциями комбинированного оружия (огнестрельно-газового либо огнестрельно-сигнального). Одна из проблем, как отмечает В.В. Марчук, заключается в том, что ряд незаконных действий в отношении газового оружия образует самостоятельное преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 297 УК. Таким образом, в этой части возникает конкуренция между нормами, предусмотренными ч. 2 ст. 295 и ст. 297 УК. Поскольку конструкция некоторых видов газового оружия не исключает возможности использования дробовых или пулевых боеприпасов, при уголовно-правовой оценке содеянного в таких случаях решающее значение имеет направленность умысла лица, совершающего соответствующее незаконное действие[1].

[1] См.: Марчук В.В. Перспективы уголовно-правовой оценки незаконных действий в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».

Проблемным остается вопрос квалификации незаконных действий с использованием огнестрельного оружия травматического действия и огнестрельного бесствольного оружия. Фактическое тождество огнестрельного оружия, огнестрельного оружия травматического действия и огнестрельного бесствольного оружия законодатель закрепил ст. 1 Закона об оружии, используя при этом термин «огнестрельное» как видовой их признак. В судебной и следственной практике незаконные изготовление, приобретение, передача во владение, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение огнестрельного оружия травматического действия, боеприпасов к нему либо незаконные изготовление, приобретение, передача во владение, сбыт, перевозка, пересылка или ношение составных частей или компонентов огнестрельного оружия травматического действия квалифицируются по ч. 2 ст. 295 УК. В части квалификации указанных незаконных действий с огнестрельным бесствольным оружием отдельными авторами высказывается и обосновывается точка зрения, согласно которой такое оружие не должно рассматриваться в качестве предмета преступления[1]. Отмечаемая в юридической литературе коллизионность норм в регулировании ответственности за незаконные действия с данными видами травматического оружия может быть устранена только законодателем путем внесения соответствующих изменений в Закон об оружии.

Особенности установления признаков объективной стороны незаконных действий в отношении предметов вооружения. В судебной практике к *незаконному изготовлению* оружия относят и восстановление утраченных поражающих свойств, а также переделку каких-либо предметов (например, строительного пистолета), в результате которой они приобрели свойства огнестрельного оружия.

Обращение с оружием, в том числе и приобретение, допускается только при наличии специального разрешения, поэтому любой способ получения оружия, в том числе и в результате находки, является *незаконным приобретением*. Исключением является хищение соответствующих предметов, квалифицируемое по ст. 294 УК.

Незаконное ношение предметов вооружения, предусмотренное ч. 2 ст. 295, ч. 1 ст. 296 и ч. 1 ст. 297 УК, предполагает их нахождение непосредственно при себе (на ремне, в кобуре, в руках, в сумке, в одежде и т. п.) без соответствующего разрешения.

[1] См.: Марчук В.В. Перспективы уголовно-правовой оценки незаконных действий в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ ; Климова И.В. Сравнительный анализ и правовые пробелы законодательства в части применения огнестрельного оружия травматического действия // Право.by. 2014. № 4. С. 93–94.

Понятие «передача» уточнено ч. 2 ст. 295 УК: речь идет не просто о «передаче», а о «передаче во владение». *Незаконной передачей во владение* следует признавать, в частности, предоставление указанных предметов для временного использования, в качестве залога, для хранения на безвозмездной или возмездной основе иным лицам с нарушением установленного законодательством порядка. Таким образом, передача соответствующего предмета вооружения только во владение предполагает временное обладание им.

Под *сбытом* названных в ст. 295 УК предметов надлежит понимать их отчуждение в любой форме другому лицу для постоянного владения, пользования и распоряжения (продажа, дарение, отчуждение в иной форме их владельцами другим лицам в нарушение порядка, установленного законодательством).

Незаконные хранение и перевозку необходимо отличать от нарушения правил хранения и перевозки огнестрельного оружия и боеприпасов (ст. 24.30 КоАП). Нарушение правил хранения и перевозки является административным правонарушением и имеет место в случае, когда лицо, имеющее разрешение на хранение или перевозку огнестрельного оружия и боеприпасов, нарушает соответствующие правила хранения или перевозки данных предметов. При незаконных хранении или перевозке, предусмотренных ч. 2 ст. 295 УК, лицо не имеет соответствующего разрешения на обращение с огнестрельным оружием, его составными частями, компонентами или боеприпасами. Лица, осуществляющие незаконные перевозку или пересылку, несут ответственность независимо от того, принадлежат ли им перемещаемые предметы.

Преступления, ответственность за которые предусмотрена ч. 2 ст. 295 УК, следует признавать оконченными с момента совершения хотя бы одного из альтернативных действий, указанных в данной статье. В случае совершения нескольких альтернативных действий, одним из которых является неоконченный сбыт предмета преступления, содеянное охватывается соответствующей частью ст. 295 УК, дополнительной квалификации за покушение на сбыт в таких случаях не требуется.

В соответствии с примечанием к ст. 295 УК лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в ст. 295–297 УК, освобождается от уголовной ответственности за действия, предусмотренные названными статьями, кроме случаев сбыта, независимо от привлечения к уголовной ответственности за иные преступления, совершенные с применением этих предметов. Добровольной признается такая сдача, когда лицо, имея возможность и далее обладать любым из этих предметов, по

своей воле независимо от мотивов передает их или информацию об их местонахождении представителям власти. Добровольность сдачи оценивается с учетом конкретных обстоятельств дела.

Особенности квалификации отдельных преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Общие положения. Уголовная ответственность за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта предусмотрена ст. 309–321 гл. 28 УК.

Видовым объектом данной группы преступлений выступает безопасность движения и эксплуатации транспорта. В качестве дополнительного объекта выступают жизнь и здоровье человека, собственность, имущественные интересы и экологическая безопасность.

Исходя из признаков непосредственного объекта, указанные преступления можно разделить:

– на преступления, связанные с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (ст. 317–317^2 УК);

– преступления, связанные с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст. 311, 312, 314–316, 321 УК);

– преступления, нарушающие безопасное состояние (безопасность эксплуатации) как самих транспортных средств, так и различных объектов, обеспечивающих работу и процесс движения транспортных средств (ст. 309, 310, 313, 318–320 УК).

Предметом преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта являются:

– средства железнодорожного, водного, воздушного, автодорожного, магистрального трубопроводного транспорта, пути сообщения, сооружения на них, средства сигнализации или связи или другого транспортного оборудования (ст. 309 УК);

– транспортные коммуникации (ст. 310 УК);

– железнодорожный подвижной состав, воздушные или водные суда (ст. 311 УК);

– поезда (ст. 312 УК);

– железнодорожный, воздушный, водный транспорт или метрополитен (ст. 314 УК);

– маломерные суда (ст. 316 УК);

– транспортные средства – механические транспортные средства, предназначенные для движения по дороге и для перевозки пассажиров, грузов или установленного на них оборудования, а также шасси транспортных средств и самоходные машины (ст. 317–318 УК);

– дороги, улицы, железнодорожные переезды и другие дорожные сооружения (ст. 319 УК);

– магистральные трубопроводы (ст. 320 УК);

– все виды транспорта (ст. 321 УК).

Критерии отнесения того или иного средства передвижения к транспортным средствам, о которых идет речь в ст. 317, 317^1, 318 УК, сформулированы в примечании к ст. 317 УК. Для правильного применения терминов «механическое транспортное средство», «самоходная машина» следует руководствоваться их определениями, содержащимися в Правилах дорожного движения, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 28 ноября 2005 г. № 551 «О мерах по повышению безопасности дорожного движения» (далее – Правила дорожного движения).

Не являются предметом указанных преступлений *средства персональной мобильности* – устройства или приспособления, не являющиеся транспортными средствами, приводимые в движение двигателем и предназначенные для индивидуального или совместного (в случае наличия специально оборудованных мест для сидения) использования пешеходами (электросамокат, гироскутер, сигвей, моноколесо и др.). Лицо, передвигающееся с использованием средства персональной мобильности, приравнивается к пешеходу.

С объективной стороны преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта могут совершаться как путем действия (угон либо захват с целью угона железнодорожного подвижного состава, воздушного или водного судна (ст. 311 УК)), так и путем действия или бездействия (нарушение правил безопасности движения или эксплуатации железнодорожного, воздушного, водного транспорта или метрополитена (ст. 314 УК)). Многие нормы имеют бланкетные диспозиции, поэтому для установления в действиях виновного состава преступления необходимо обращаться к нормативным правовым актам, регламентирующим правила движения или эксплуатации того или иного вида транспорта.

По конструкции объективной стороны к формальным относятся основные составы преступлений, предусмотренных ст. 309, 311, 315, 317^1, 317^2 УК. Эти преступления считаются оконченными с момента совершения общественно опасного деяния. Все остальные составы преступлений относятся по своей конструкции к материальным и признаются оконченными в случае наступления предусмотренных статьей общественно опасных последствий. В качестве преступных последствий указаны смерть или причинение вреда здоровью человека (тяжкого или

менее тяжкого), а также материальный ущерб (особо крупный размер) или иные тяжкие последствия. Если при нарушении правил безопасности движения и эксплуатации транспорта причиняются легкие телесные повреждения, а также ущерб, не являющийся особо крупным, такие деяния могут влечь административную ответственность.

С субъективной стороны большинство преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта являются неосторожными. Однако такие преступления, как угон либо захват с целью угона железнодорожного подвижного состава, воздушного или водного судна (ст. 311 УК), нарушение правил международных полетов (ст. 315 УК), управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования) (ст. 317^1 УК), а также управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления (ст. 317^2 УК), могут быть совершены только умышленно.

Субъектом преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта является лицо, достигшее 16-летнего возраста. За умышленное приведение в негодность транспортного средства или путей сообщения (ст. 309 УК) ответственность наступает с 14-летнего возраста. В отдельных преступлениях уголовной ответственности подлежит только специальный субъект, т. е. лицо, наделенное дополнительными признаками, например: обязанное соблюдать правила безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст. 314 УК), управляющее водным судном (ст. 316 УК), управляющее транспортным средством (ст. 317 УК), не имеющее права управления (ст. 317^2 УК).

Особенности квалификации нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств. Учитывая бланкетный характер диспозиций ст. 317, 318 и 321 УК, при установлении объективной стороны преступлений следует разграничивать правила дорожного движения и правила эксплуатации транспортных средств. Лицо может нарушить как правила дорожного движения, так и правила эксплуатации транспортных средств, либо правила дорожного движения наряду с правилами эксплуатации.

Основным нормативным правовым актом, регламентирующим порядок движения на дорогах и его безопасность, являются Правила дорожного движения. В процессуальных документах, отражающих ход движения уголовного дела (постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, приговор),

должно содержаться указание о том, какие пункты Правил дорожного движения или положения нормативных правовых актов, регламентирующих безопасность движения или порядок эксплуатации транспортных средств, нарушены, а также должно быть раскрыто содержание этих нарушений (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 1 октября 2008 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (ст. 317, 317^1, 318, 321 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» (далее – Постановление от 1 октября 2008 г. № 7)).

Нарушение правил дорожного движения может заключаться в превышении разрешенной скорости движения, нарушении правил обгона, остановки, стоянки, маневрирования на дороге, ином невыполнении предписаний Правил дорожного движения.

Нарушение правил эксплуатации может выражаться в допуске технически неисправных транспортных средств к участию в дорожном движении, несоблюдении правил перевозки пассажиров, грузов, иных нарушениях как Правил дорожного движения, так и требований технических нормативных правовых актов (п. 11 Постановления от 1 октября 2008 г. № 7).

При применении ст. 317 УК учитывается только движение транспортного средства, осуществляемое с помощью двигателя. Причинение физического вреда в результате перемещения транспортного средства толканием вручную без использования двигателя может стать основанием для квалификации по ст. 321 УК.

Нарушение лицом, управляющим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, которое повлекло наступление последствий, предусмотренных несколькими частями ст. 317 УК, но составляющих одно преступление, следует квалифицировать по той части ст. 317 УК, которая предусматривает ответственность за наиболее тяжкие из наступивших последствий. Причинение нескольких различных по степени тяжести последствий, не связанных между собой нарушениями, образует повторность преступлений и квалифицируется самостоятельно по различным частям ст. 317 УК.

Как самостоятельные преступления должны квалифицироваться деяния с различными уголовно наказуемыми последствиями, когда они совершены в разное время и последствия наступили в результате нескольких взаимно не связанных нарушений правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств. П. 12 Постановления от

1 октября 2008 г. № 7 закрепляет правило, согласно которому при совершении нескольких взаимно не связанных нарушений, повлекших наступление одинаковых последствий, действия виновного охватываются соответствующей частью ст. 317 УК, содержащей указание на наступление этих последствий.

По ч. 3 ст. 317 УК квалифицируется причинение смерти двум лицам и более только вследствие одного и того же дорожно-транспортного происшествия. Если в результате различных нарушений в каждом из этих случаев погибает один человек, действия виновного необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 317 УК.

Следует иметь в виду, что далеко не всякое нарушение правил дорожного движения могло быть причиной наступления указанных в ст. 317 УК последствий. При установлении причинной связи нужно использовать метод мысленного исключения: если представить, что нарушенное правило было бы соблюдено лицом, управляющим транспортным средством, и последствие в таком случае не наступило, следовательно, наступившее общественно опасное последствие находится в причинной связи с нарушенным правилом.

Независимо от характера допущенных нарушений правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, преступления, предусмотренные ст. 317, 318, 321 УК, признаются совершенными по неосторожности, поскольку субъективная сторона этих деяний характеризуется неосторожным отношением виновного к наступлению общественно опасных последствий. Особое внимание следует обращать на возможность наличия косвенного умысла к последствиям, так как по содержанию такой умысел имеет существенное сходство с легкомыслием. В случае когда водитель не желал, но сознательно допускал наступление опасных последствий либо относился к ним безразлично, ответственность наступает за соответствующее умышленное преступление против человека.

Если нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортного средства имело место при управлении учебным автомобилем, к ответственности, по общему правилу, привлекается инструктор. Однако действия обучаемого могут быть квалифицированы по ст. 317 УК в том случае, если он грубо нарушил соответствующие правила и проигнорировал указания инструктора. При сознательном совместном нарушении соответствующих правил к ответственности привлекаются инструктор и обучаемое лицо.

Деяния лица, допустившего нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, которое повлекло причинение

телесных повреждений, и заведомо оставившего без помощи потерпевшего, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии, в судебной практике квалифицируют по совокупности преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 317 и ч. 3 ст. 159 УК. Если лицо, управляющее транспортным средством, не было виновно в нарушении указанных правил, но жизнь и здоровье потерпевшего, находящегося в опасном для жизни состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению, были поставлены под угрозу в результате дорожно-транспортного происшествия с его участием, заведомое невыполнение этим лицом обязанности по оказанию помощи потерпевшему, предписанной ему Правилами дорожного движения, может влечь ответственность по ч. 2 ст. 159 УК. Ответственность водителя по ст. 159 УК не наступает в случаях, если он не имел возможности оказать потерпевшему помощь или телесные повреждения являлись неопасными для его жизни и здоровья либо смерть потерпевшего наступила в момент дорожно-транспортного происшествия.

Преступные деяния, ответственность за которые установлена ч. 1 ст. 317^1 УК, характеризуются умышленной формой вины и могут выражаться в совершении любого из предусмотренных ею альтернативных действий повторно в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения, независимо от того, вступило постановление о наложении административного взыскания в законную силу или нет.

Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» была введена ст. 317^2 УК, предусматривающая ответственность за управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления этим средством, если такое деяние совершено неоднократно.

Особенностью состава данного преступления является то, что ответственность за названное деяние наступает в случае совершения такого деяния неоднократно. В соответствии с примечанием к ст. 317^2 УК деяние признается совершенным лицом неоднократно, если лицо в течение одного года после наложения административного взыскания за управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления этим средством, предусмотренного ч. 2 ст. 18.14 КоАП, вновь управляло транспортным средством, не имея права управления этим средством.

Этим же законом была дополнена ч. 6 ст. 51 УК, которой закреплено правовое последствие управления транспортным средством лицом, от-

бывающим наказание в виде лишения права управления им. Так, если транспортным средством повторно управляло лицо, осужденное к наказанию в виде лишения права управления таким средством, ему как злостно уклоняющемуся от отбывания этого наказания согласно ч. 6 ст. 51 УК по представлению уголовно-исполнительной инспекции суд может заменить лишение права управления транспортным средством ограничением свободы на срок не свыше пяти лет.

Вместе с тем в судебной практике имеют место случаи, когда суд такое право не использует, например, назначая наказание в виде лишения свободы по ст. 214 УК за угон транспортного средства таким лицом и определяя в приговоре, что ранее назначенное наказание в виде лишения права управления транспортным средством приводится в исполнение самостоятельно.

В связи с вышеизложенным и в целях правильного применения ст. 317^2 УК нужно уточнить субъект этого преступления, а именно кого следует относить к лицам, не имеющим права управления транспортным средством. Как показывает анализ законодательства и правоприменительной практики, к таковым относятся лица как не имеющие права управления транспортным средством, так и лишенные права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами (ст. 6.7 КоАП) в связи с совершением административного правонарушения.

Необходимо обратить внимание на то, что по ст. 318 УК несут ответственность лица, на которых действующими инструкциями или правилами, соответствующим распоряжением либо в силу служебных полномочий возложена ответственность за техническое состояние или эксплуатацию транспортных средств, принадлежащих юридическим лицам, а также владельцы либо водители транспортных средств. Определение характера допущенных нарушений должно производиться на основе анализа соответствующих правил технической эксплуатации, иных нормативных правовых актов и всех обстоятельств содеянного.

Лицо, виновное в незаконном допуске к управлению транспортным средством перечисленных в диспозиции статьи лиц, повлекшем наступление указанных в законе последствий, несет ответственность по ст. 318 УК, а лицо, фактически управлявшее в этом случае транспортным средством и совершившее дорожно-транспортное происшествие, – по ст. 317 УК.

Ответственность за нарушение правил безопасности движения или эксплуатации всех видов транспорта предусмотрена ст. 321 УК (общая

норма). К ним следует относить средства железнодорожного, водного и воздушного транспорта, предназначенные для перевозки пассажиров и грузов, а также, помимо перечисленных в примечании к ст. 317 УК, велосипед, гужевое транспортное средство, средство персональной мобильности и т. п.

Необходимо отграничивать преступления, предусмотренные ст. 317, 318, 321 УК, от преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда, безопасности работ с использованием транспортных средств или против жизни и здоровья. В случаях когда смерть или телесные повреждения причиняются в результате нарушения правил безопасности строительных, сельскохозяйственных или других работ, правил охраны труда, погрузки или выгрузки грузов, ремонта транспортных средств, содеянное в зависимости от конкретных обстоятельств дела должно квалифицироваться по статьям УК, предусматривающим ответственность за такие нарушения или за преступления против жизни и здоровья (п. 4 Постановления от 1 октября 2008 г. № 7).

Нарушение правил вождения или эксплуатации боевой, специальной или транспортной машины Вооруженных Сил Республики Беларусь, других войск и воинских формирований лицом, на которое распространяется статус военнослужащего, повлекшее по неосторожности причинение менее тяжкого или тяжкого телесного повреждения либо наступление смерти, подлежит квалификации по ст. 464 УК. В иных случаях нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств военнослужащий несет ответственность по ст. 317 УК.

Особенности квалификации отдельных преступлений против здоровья населения. Общие положения. Видовым объектом преступлений является здоровье населения, представляющее собой урегулированную нормами права и морали систему общественных отношений, обеспечивающих состояние полного физического, духовного и социального благополучия граждан. В гл. 29 УК объединены уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за преступления, которые причиняют или могут причинить вред здоровью неопределенно большого количества людей в масштабах определенной местности, района, области, республики.

Преступления против здоровья человека могут причинять вред таким дополнительным объектам, как жизнь человека (ч. 5 ст. 328, ч. 3 ст. 331^1, ч. 3 ст. 331^2, ч. 2 ст. 336, ч. 3 ст. 337, ч. 2 ст. 338 УК), здоровье человека (ч. 3 ст. 323, ч. 2 и 3 ст. 325, ч. 3 ст. 327, ч. 2 ст. 328^1, ч. 2 ст. 331, ч. 2 и 3 ст. 331^1, ч. 3 ст. 331^2, ч. 2 ст. 333, ч. 2 ст. 333^1, ст. 335, ч. 1 ст. 336,

ч. 1 и 2 ст. 337, ч. 1 ст. 338 УК), отношения собственности (ст. 323, 327, 330, 333 УК), нормальное нравственное и физическое развитие несовершеннолетних (ч. 2 ст. 331 УК) и др.

Предметом большинства названных преступлений являются*:*

– радиоактивные материалы, наркотические средства, психотропные вещества либо их прекурсоры и аналоги, сильнодействующие и ядовитые вещества;

– растения и грибы, содержащие наркотические средства или психотропные вещества;

– огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства, оружие массового поражения и средства его доставки, а также иные виды вооружения и военной техники;

– запрещенные в спорте вещества;

– недоброкачественная продукция.

Диспозиции многих норм имеют бланкетный характер. Для уяснения их признаков необходимо обращаться к иным нормативным правовым актам, которые устанавливают:

– правила обращения с радиоактивными материалами;

– правила радиационного контроля;

– перечни наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;

– перечни сильнодействующих и ядовитых веществ;

– санитарно-эпидемиологические, гигиенические требования и процедуры, санитарные нормы и правила, гигиенические нормативы и т. д.

Объективная сторона преступлений с формальным составом характеризуется общественно опасными деяниями, в основном в форме действия. Путем бездействия могут совершаться преступления, связанные с нарушением правил обращения с различными материалами, средствами и веществами, а также нарушением норм, правил и нормативов (ст. 325, 326, 330, 334, 336 УК). Преступления с формальным составом признаются оконченными с момента совершения общественно опасных деяний (например: ст. 322, 324, ч. 1 ст. 325, ст. 326, ч. 1–4 ст. 328, ст. 328^1, 328^2, 329, 331, 332, 333 (за исключением хищения), 333^1, ч. 1 ст. 337 УК).

Преступления с материальными составами признаются оконченными с момента наступления общественно опасных последствий: причинения вреда здоровью или жизни человека (ч. 2 и 3 ст. 325, ч. 5 ст. 328, ст. 335, 336, ч. 2 и 3 ст. 337, ст. 338 УК), утраты либо расхищения предмета преступления (ст. 327, 330, 334 УК), радиоактивного заражения (ч. 2 ст. 325 УК), заболевания или отравления людей (ст. 336 УК), причинения существенного вреда (ст. 334 УК), иных тяжких последствий (ч. 3 ст. 325 УК) и др.

Объективная сторона некоторых составов преступлений предусматривает такие обязательные признаки, как способ (ст. 323, 327, 333, ч. 2 ст. 331^1, ч. 3 ст. 328 УК), средства (ст. 326 УК), место (ст. 328^1 и 333^1 УК) и время (ст. 326, 328^2, 337 УК) совершения преступления.

Субъективная сторона преступлений против здоровья населения может характеризоваться как умышленной (ст. 322–324, 326–329, 331–333 УК), так и неосторожной (ст. 325, 330, 334–336, 338 УК) формой вины. В отдельных составах преступлений обязательным признаком субъективной стороны является цель: понуждение к совершению какого-либо действия или воздержанию от него (ст. 324 УК), изготовление либо сбыт наркотических средств, психотропных веществ (ст. 328, 329 УК), сбыт (ст. 333 УК).

Субъектом преступлений является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, а по ст. 327, ч. 2–5 ст. 328 УК возраст уголовной ответственности установлен с 14 лет.

Некоторые составы преступлений предусматривают наличие специального субъекта, признаками которого являются, например: должностное положение лица (ч. 3 ст. 328, ч. 2 ст. 328^1 УК), его особое правовое положение по отношению к предмету преступления (ч. 2 и 3 ст. 323 УК, ч. 2 ст. 327, ст. 337 УК), возложенная на лицо обязанность соблюдать определенные правила (ст. 325, 330, 334, 336 УК), предыдущее привлечение к административной ответственности, не утратившее своего юридического значения (ст. 326, 328^2, 337 УК), предшествующая преступная деятельность лица (ч. 2 ст. 329, 331, 333 УК), отсутствие у лица надлежащего медицинского образования или надлежащего разрешения (ст. 335 УК).

К гл. 29 «Преступления против здоровья населения» УК и ст. 327, 328, 333 УК законодатель предусмотрел примечания. Так, в примечании к названной главе разъяснено понятие хищения в ст. 323, 327 и 333 УК. В ч. 1–4 примечаний к ст. 327 УК сформулированы понятия наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, особо опасных наркотических средств и психотропных веществ, аналогов наркотических средств и психотропных веществ, а также установлено, что крупный размер наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов для целей указанной статьи и ст. 328 и 328^1 УК устанавливается Советом Министров Республики Беларусь[1]. Примеча-

[1] См.: Об установлении крупного размера наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 9 сент. 2019 г. № 606. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».

нием к ст. 328 УК закреплены условия освобождения лица от уголовной ответственности за данное преступление, а примечанием к ст. 333 УК определено, что перечень сильнодействующих и ядовитых веществ для целей применения названной статьи и ст. 334 УК устанавливается Советом Министров Республики Беларусь[1].

Особенности квалификации незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. При квалификации данных преступлений имеются особенности в установлении их предмета. Так, при рассмотрении дел о преступлениях, предметом которых являются наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги, сильнодействующие и ядовитые вещества, следует руководствоваться ст. 327–334 УК, Законом Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 408-З «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах», республиканским перечнем, установленным постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 11 февраля 2015 г. № 19 «Об установлении республиканского перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь» (далее – Республиканский перечень), а при их количественной оценке – постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 сентября 2019 г. № 606 «Об установлении крупного размера наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов».

Предметом преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, является средство или вещество, указанное в Республиканском перечне (за исключением химических веществ, которые могут быть использованы в процессе изготовления, производства и переработки наркотических средств или психотропных веществ (табл. 2 списка 4)):

– наркотические средства и психотропные вещества, указанные в списках 1, 2, 3 и 5 Республиканского перечня, а также их аналоги;

– прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ, указанные в табл. 1 списка 4 Республиканского перечня.

К предмету преступлений в рамках ч. 3 ст. 328, ч. 2 ст. 328[1], ч. 2 ст. 331 УК следует относить опасные психотропные вещества, указанные в списке 3 Республиканского перечня, и опасные наркотические

[1] См.: Об установлении перечня сильнодействующих и ядовитых веществ [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 15 авг. 2019 г. № 537. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».

средства, не используемые в медицинских целях, указанные в списке 5 Республиканского перечня.

Для определения вида средств и веществ (наркотическое, психотропное, особо опасное наркотическое средство или психотропное вещество), их названий и свойств, происхождения, способа изготовления или переработки, а также для установления принадлежности растений и грибов к культурам, содержащим наркотические средства или психотропные вещества, требуются специальные знания, поэтому при квалификации преступлений этого вида необходимо располагать соответствующими экспертными заключениями.

Особенности в установлении объективной стороны незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Два варианта общественно опасного поведения законодатель предусматривает ч. 2 ст. 328 УК:

– незаконные с целью сбыта изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов;

– незаконный сбыт указанных средств и веществ.

Обязательный признак объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 328–329 УК, – незаконность действий виновных лиц, которые осуществляются в нарушение требований законодательства. Таким образом, например, приобретение и хранение наркотических средств или психотропных веществ по назначению врача не является преступлением.

Не может квалифицироваться как незаконный сбыт инъекция одним лицом другому лицу наркотического средства, психотропного вещества, их аналогов, если такое средство или вещество предоставлено самим потребителем. Так, Л., Ч. и Э. с целью личного потребления изготовили из маковой соломы наркотическое средство – суррогат опия, которое тогда же употребили путем инъекций. Л. ввел полученное средство сначала себе, а затем – Ч. и Э. В определении судебной коллегии по уголовным делам констатируется, что объективных данных о том, что осужденные с целью сбыта изготавливали и хранили наркотическое средство, не имеется, а введение изготовителями наркотического средства путем инъекций друг другу не образует состава сбыта[1].

[1] См.: Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь от 7 ноября 1994 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».

В обзоре о судебной практике по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, обращается внимание на необходимость квалификации как «сбыт» случаев оказания «посреднических» услуг нескольким лицам либо оказание «посреднических» услуг нескольким лицам систематически[1].

Если под видом предмета рассматриваемых преступлений сбывались какие-либо иные вещества с целью завладения деньгами или имуществом граждан, действия виновного надлежит квалифицировать как мошенничество. Приобретатели в этих случаях несут ответственность за покушение на их незаконное приобретение.

В судебной и следственной практике нет единства в понимании и применении таких понятий, как «изготовление» и «переработка» наркотических средств и психотропных веществ.

К *незаконному изготовлению* относятся умышленные действия, направленные на получение из наркотикосодержащих растений, лекарственных, химических и иных веществ одного или нескольких готовых к использованию и потреблению наркотических средств или психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов.

Квалифицируются как *незаконная переработка* умышленные действия, направленные на рафинирование (очистку от посторонних примесей) твердой или жидкой смеси, содержащей одно или несколько наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, либо на повышение их концентрации.

Следует при этом учитывать, что объективные свойства некоторых наркотических средств делают невозможным их изготовление в том смысле, который вкладывается в это понятие. Например, согласно списку 1 особо опасных наркотических средств и психотропных веществ, не используемых в медицинских целях, Республиканского перечня все части любого сорта мака (целые, измельченные, высушенные, невысушенные, за исключением зрелых семян), содержащие наркотически активные алкалоиды опия, относятся к категории наркотических средств – маковой соломе. Следовательно, измельчение частей мака не изменяет его правового статуса. Таким образом, вменение незаконного изготовления или незаконной переработки возможно в том случае, если установлено, что изготовленное средство или вещество включено в Республиканский перечень, является готовым к использованию и потреблению, в нем содержится наркотическое средство или психотропное вещество в определенной концентрации после очистки его от посторонних примесей либо после совершения действий, направленных на повышение в нем концентрации наркотического средства или психотропного вещества.

[1] См.: Калинкович В., Дулько Л. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов // Суд. весн. 2014. № 2. С. 11.

Не могут рассматриваться как незаконные изготовление или переработка, высушивание, измельчение растений и грибов либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, а также растворение наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов без дополнительного их рафинирования или повышения концентрации, в результате которых не меняется химическая структура вещества.

Незаконные изготовление и переработку наркотических средств следует отграничивать от приготовления, т. е. приведения их в состояние, удобное для потребления (внутривенно, подкожно, перорально), поскольку при этом не образуется другого наркотического средства и не происходит его очистки или повышения в нем концентрации наркотического средства.

Под *незаконным приобретением* следует понимать любые действия, в результате которых лицо стало фактическим обладателем наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, за исключением случаев их хищения, образующих самостоятельное преступление. Покупка, получение в обмен на другие товары и вещи, взаймы или в дар, в качестве оплаты за услуги, присвоение найденного, сбор содержащих наркотические вещества дикорастущих растений или их частей (в том числе на земельных участках сельскохозяйственных и иных предприятий, а также на земельных участках граждан, если эти растения не высевались и не выращивались), должны квалифицироваться как незаконное приобретение.

Имеют место спорные вопросы квалификации действий лиц, получающих от сбытчика сообщение о местонахождении наркотического средства. В сложившейся судебной практике такие действия квалифицируются как приобретение, поскольку с этого момента виновный имеет реальную возможность распоряжаться этим средством по своему усмотрению. Вместе с тем размещение наркотического средства в тайнике (так называемая закладка) и сообщение информации о его местонахождении приобретателю, в том числе в тех случаях, когда приобретатель не успел изъять вещество из тайника, должны квалифицироваться как оконченный сбыт[1].

[1] См.: Внукевич Т. Рассмотрение уголовных дел о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами // Суд. весн. 2017. № 4. С. 61.

Как *незаконное хранение* следует квалифицировать любые умышленные действия, связанные с фактическим нахождением наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, особо опасных наркотических средств или психотропных веществ во владении виновного, например: при себе (если только это не связано с их перевозкой), в тайнике, помещении и других местах. Ношение предмета преступления является разновидностью хранения.

Перевозкой наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров и аналогов, особо опасных наркотических средств или психотропных веществ, сильнодействующих и ядовитых веществ являются умышленные действия по их перемещению из одного места в другое, в том числе в пределах одного и того же населенного пункта, совершенные с использованием любого вида транспортных средств и в нарушение порядка, установленного Законом Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 408-З «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах».

Под *пересылкой* названных средств, веществ либо их прекурсоров и аналогов следует понимать отправление их из одного пункта в другой почтой, багажом, нарочным, с использованием транспортных средств или иным способом, когда фактическое перемещение их в пространстве осуществляется без участия отправителя.

Освобождение лица от уголовной ответственности (примечание к ст. 328 УК) возможно при наличии двух обязательных условий: добровольной сдаче наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов и активном способствовании выявлению или пресечению преступления, связанного с незаконным оборотом этих средств и веществ, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем.

В правоприменительной практике указанная норма при сходных обстоятельствах понимается и применяется по-разному. Так, В. была задержана сотрудниками органов внутренних дел после анонимного сообщения о том, что она ходит по дворам и просит продать маковую солому. При задержании ей было предложено добровольно сдать наркотическое средство, после чего она выдала пакет маковой соломы, сообщив, что приобрела ее у М., проживающей в соседней деревне. Перед началом осмотра дома М. ей было предложено добровольно выдать имеющееся у нее наркотическое средство и деньги, полученные от В. за сбыт маковой соломы. М. добровольно выдала имеющиеся у нее маковую солому и деньги. Ссылаясь на примечание к ст. 328 УК, в отношении В. было

вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, а в отношении М. – о возбуждении уголовного дела по ч. 2 ст. 328 УК.

Для правильного применения нормы, предусмотренной примечанием к ст. 328 УК, следует оценивать не только деятельное раскаяние виновного, но и наличие добровольности сдачи предмета преступления, что не усматривается по делу В. Под добровольной сдачей указанных средств и веществ надлежит понимать действия, когда лицо, имея возможность и далее совершать запрещенные уголовным законом деяния с ними, по своей воле передает их или информацию о месте их нахождения органам уголовного преследования до предъявления требования об их сдаче (п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст. 327–334 УК)»).

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 331 УК, выражается в совершении любых действий, направленных на возбуждение у других лиц желания к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов посредством убеждения (предложения, уговоры, дача советов и т. п.), путем обмана, ограничения свободы, применения насилия, издевательства над личностью. Для признания преступления оконченным не требуется, чтобы склоняемое лицо фактически потребило наркотическое средство, психотропное вещество или их аналоги.

Ст. 332 УК предусматриваются несколько видов преступного поведения, которые в сочетании с другими признаками образуют два самостоятельных состава преступления:

– предоставление помещений (ч. 1 ст. 332 УК);

– организация либо содержание притонов (ч. 2 ст. 332 УК).

Ответственность за *предоставление помещения* (ч. 1 ст. 332 УК) наступает как при неоднократном, так и при разовом предоставлении помещений для изготовления, переработки и (или) потребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или других одурманивающих веществ, независимо от того, преследовал ли виновный корыстную цель. Предоставление помещения может выражаться в передаче права, предложении или разрешении посторонним лицам воспользоваться помещением, находящемся во владении, распоряжении или управлении виновного для указанных в законе целей.

Под *организацией притона* (ч. 2 ст. 332 УК) подразумевается активная деятельность по найму или приспособлению помещения для изготовления, переработки и (или) потребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или других одурманивающих веществ, по приобретению последних для их потребления, поиск клиентов либо создание иных условий для потребления соответствующих веществ.

Содержание притона (ч. 2 ст. 332 УК) означает совершение действий, обеспечивающих функционирование притона надлежащим образом: поддержание помещения в надлежащем виде, ремонт, снабжение посетителей наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами или другими одурманивающими веществами, необходимыми инструментами и оборудованием, обеспечение охраны и т. д. Не имеет значения, какую цель – корыстную или иную – преследовал виновный.

Понятие «притон» в уголовном законе не раскрывается. Притон – это место, находящееся в пределах жилого или иного помещения (сооружения), предназначенное, приспособленное или используемое для систематического изготовления, переработки и (или) потребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или других одурманивающих веществ.

3.6. Особенности квалификации отдельных посягательств на общественный порядок и общественную нравственность

Общие положения. Разд. XI «Преступления против общественного порядка и общественной нравственности» содержит одноименную главу (гл. 30). Преступления, в нее включенные, посягают на однородные общественные отношения – общественный порядок и общественную нравственность. Таким образом, родовой и видовой объекты в данном случае совпадают.

Важными составляющими общественной безопасности выступают материальные и духовные ценности (в том числе нравственное состояние общества). Только при здоровом нравственном климате возможно поступательное развитие всего общественного механизма. Лишь духовно здоровое население в состоянии выполнить возложенные на него многочисленные социальные функции. Конечно, общественная нравственность близка к общественному порядку, однако не идентична ему.

Преступления, входящие в гл. 30 «Преступления против общественного порядка и общественной нравственности» УК, разделяются на две группы:

– преступления против общественного порядка (ст. 339–342 УК);

– преступления против общественной нравственности (ст. 343–348 УК).

В качестве непосредственного объекта названных преступлений выступают общественные отношения, нарушаемые конкретным посягательством (общественный порядок – ст. 342 УК, установленный порядок охраны историко-культурных ценностей и пользования ими – ст. 344 УК и т. д.).

В некоторых преступлениях данной группы дополнительным непосредственным объектом могут выступать здоровье, честь и достоинство человека, собственность (например: ст. 339 «Хулиганство» УК, ст. 341 «Осквернение сооружений и порча имущества» УК), нормальная работа транспорта, предприятий, учреждений или организаций (например, ст. 342 «Организация и подготовка действий, грубо нарушающих общественный порядок, либо активное участие в них» УК), нормальное нравственное развитие несовершеннолетних (ч. 2 ст. 343 УК, ст. 343^1 УК и т. д.).

Большинство преступлений в качестве обязательного признака имеют предмет: здания, сооружения, имущество на общественном транспорте (ст. 341 УК), порнографические материалы или предметы порнографического характера (ст. 343, 343^1 УК), труп, могила, братская могила, могила защитника Отечества (ст. 347 УК). Признаки предмета, как правило, имеют бланкетный характер, т. е. для их уяснения требуется обращение к иным законам и подзаконным актам.

Объективную сторону почти всех рассматриваемых преступлений образует общественно опасное действие, при этом большинство составов являются формальными, поскольку не требуют для признания их оконченными наступления каких-либо вредных последствий. Реально наступившие вредные последствия таких преступлений учитываются в качестве отягчающего ответственность обстоятельства согласно ст. 64 УК либо являются признаками квалифицированных составов.

Вместе с тем некоторые составы преступлений названной главы УК сконструированы по типу материальных. Это относится, например, к составам преступлений, предусмотренных ст. 344, 345 УК, окончание которых связывается с наступлением вредных последствий в виде уничтожения или повреждения историко-культурных ценностей.

Отдельные из составов преступлений сконструированы таким образом, что обладают как признаками формального, так и материального составов (например: ст. 339 «Хулиганство» УК, ст. 347 «Надругательство над трупом или могилой» УК). Момент окончания таких преступлений может быть связан, соответственно, как с совершением общественно опасного действия, так и с наступлением общественно опасных последствий.

С субъективной стороны совершение большинства преступлений против общественного порядка и общественной нравственности характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла. Об этом свидетельствуют характер и содержание действий, описанных в диспозициях соответствующих норм, а также прямое указание на данную форму вины либо наличие признака «заведомости» в тексте некоторых из них (как, например, в ст. 340 «Заведомо ложное сообщение об опасности» УК).

Неосторожной формой вины характеризуется лишь совершение преступления, предусмотренного ст. 345 «Уничтожение, повреждение либо утрата историко-культурных ценностей или культурных ценностей, которым может быть придан статус историко-культурной ценности, по неосторожности» УК, о чем свидетельствует прямое указание на данную форму вины в тексте нормы.

Субъектом преступлений указанной группы является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. За совершение преступлений, предусмотренных ст. 339–341 УК, ответственность согласно ст. 27 УК наступает с 14-летнего возраста.

Лишь в одном случае субъектом преступления может быть лицо, дополнительно наделенное законом особым признаком: в соответствии с ч. 2 ст. 343 УК таковым является лицо, достигшее 18-летнего возраста.

Особенности квалификации преступлений, посягающих на общественный порядок. Хулиганство следует отличать от так называемого мелкого хулиганства, за совершение которого предусмотрена административная ответственность (ст. 19.1 КоАП). Основное отличие мелкого хулиганства от уголовно наказуемого состоит в том, что степень общественной опасности этого деяния существенно ниже общественной опасности преступления. Об этом свидетельствует и отсутствие таких конструктивных признаков, характерных и обязательных для уголовно наказуемого хулиганства, как применение насилия либо угроза его применения, уничтожение или повреждение чужого имущества, исключительный цинизм.

В единую объективную сторону хулиганства жестко связаны оценочные признаки (грубое нарушение общественного порядка, явное неуважение к обществу) и признаки достаточно высокой степени определенности (насилие, уничтожение или повреждение чужого имущества). Последние как бы уточняют, раскрывают содержание первых, что способствует правильному применению ст. 339 УК.

Основным составом хулиганства (ч. 1 ст. 339 УК) охватывается насилие, сопряженное с нанесением побоев, ограничением свободы передвижения (связыванием, удержанием), иными подобными действиями, причинением легких телесных повреждений. Причинение в процессе хулиганства менее тяжких телесных повреждений является квалифицирующим признаком этого преступления (ч. 2 ст. 339 УК). Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью или убийство из хулиганских побуждений не образуют совокупности с преступлением, предусмотренным ст. 339 УК. Если помимо указанных деяний совершены иные хулиганские действия, ответственность должна наступать по совокупности преступлений.

В тех случаях, когда уничтожение или повреждение чужого имущества в процессе хулиганства были совершены при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 218 «Умышленные уничтожение либо повреждение чужого имущества» УК, действия виновного в хулиганстве следует квалифицировать по совокупности с указанной статьей.

Исключительно циничными могут признаваться хулиганские действия, сопровождавшиеся демонстративным пренебрежением к основополагающим нравственным ценностям, к чему-либо пользующемуся особым уважением и заботой (например: проявление крайней наглости, бесстыдство, издевательство над больными, малолетними, престарелыми, лицами, находящимися в беспомощном состоянии, и т. п.). Исключительный цинизм может проявляться в совершении хулиганских действий в условиях общественного или стихийного бедствия, паники, в надругательстве над общепринятыми обычаями и традициями (например: грубое нарушение общественного порядка во время похоронного ритуала, половое сношение в общественном месте, срыв концерта или иного крупного общественного мероприятия).

Наибольшее число ошибок в квалификации хулиганства связаны с отграничением его от других преступлений.

Практика подтверждает, что под законодательное определение хулиганства подпадает целый ряд иных умышленных преступлений. В част-

ности, причинение телесных повреждений в общественных местах с применением оружия или других предметов всегда сопряжено с грубым нарушением общественного порядка и проявлением явного неуважения к обществу, однако такие действия не во всех случаях квалифицируются по ст. 339 УК. Совершение подобных деяний по иным, не хулиганским мотивам образует другое преступление (в большинстве случаев – преступление против человека). Например, если телесные повреждения причиняются потерпевшему в общественном месте не из хулиганских побуждений, а на почве ссоры, переросшей в драку, т. е. из личных неприязненных отношений, эти деяния должны квалифицироваться как преступления против человека.

Основным отличительным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 339 УК, является его мотив – хулиганские побуждения как стремление к самоутверждению, самовыражению личности человека, проявляющего свою невоспитанность, хамство, низкую культуру. В основе хулиганских побуждений обычно лежат разнузданный эгоизм, озлобленность, неудовлетворенность, безотчетная злоба, вызванные явным расхождением между уровнем притязаний лица и имеющимися возможностями их осуществления.

Хулиганский мотив заключается в стремлении виновного открыто противопоставить себя, свое поведение общественному порядку, общественным интересам, показать свое пренебрежение к окружающим, общепринятым правилам общественной жизни, правам иных лиц, проявить цинизм, хамство, жестокость, дерзость, учинить буйство и бесчинство, показать грубую силу или продемонстрировать пьяную удаль и таким образом поиздеваться над беззащитными, унизить и подавить другого человека, надругаться над его интересами, обнаружить свое «превосходство» над другими гражданами.

Еще одной отличительной особенностью хулиганства является то, что оно совершается по явно несущественному поводу, как явно неадекватная реакция на поведение потерпевшего или других лиц в силу необоснованности претензий к ним либо даже без каких-либо видимых поводов.

Таким образом, деяние может быть квалифицировано по ст. 339 УК только в том случае, если оно совершено из хулиганских побуждений.

Нанесение оскорблений, побоев, причинение легких и средней тяжести телесных повреждений и другие подобные действия, совершенные в семье, квартире, в отношении родственников, знакомых и вызванные личными неприязненными отношениями, неправильными действиями

потерпевших и т. п., должны квалифицироваться по статьям УК, предусматривающим ответственность за преступления против человека. Однако если указанные действия совершались виновным из хулиганских побуждений, были сопряжены с очевидным для виновного грубым нарушением общественного порядка и выражали явное неуважение к обществу, они должны расцениваться как хулиганство, даже если совершались в семье, квартире, в отношении родственников или знакомых.

Просьбы прекратить хулиганские действия, замечания, уговоры и т. п. не могут рассматриваться как пресечение хулиганских действий. Сопротивление как квалифицирующий признак, предусмотренный ч. 2 ст. 339 УК, имеет место лишь в тех случаях, когда хулиган активно противодействует пресечению, т. е. применяет физическую силу (отталкивание, нанесение побоев, ударов, причинение телесных повреждений и т. д.) или угрожает применить насилие. От сопротивления следует отличать злостное неповиновение соответствующим лицам, характеризующееся пассивным невыполнением предъявляемых требований.

Хулиганские действия, сопряженные с сопротивлением сотруднику органов внутренних дел, народному дружиннику или представителю общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка, или иному гражданину, пресекающему хулиганские действия, в том числе и соединенные с насилием или угрозой его применения в отношении этих лиц, полностью охватываются диспозицией ч. 2 ст. 339 УК и дополнительной квалификации не требуют.

Сопротивление, оказанное лицу, пресекающему хулиганские действия, не охватывается составом хулиганства лишь в тех случаях, когда в результате примененного насилия было совершено еще и другое, более тяжкое преступление. Такие более тяжкие (чем хулиганство) преступления (убийство, умышленное причинение тяжких телесных повреждений и др.), совершенные из хулиганских побуждений, следует квалифицировать только по соответствующим статьям УК, предусматривающим ответственность за их совершение из хулиганских побуждений.

Не является квалифицирующим признаком злостного хулиганства сопротивление сотрудникам органов внутренних дел, представителям общественности или гражданам, пресекающим мелкое хулиганство.

Следует подчеркнуть, что сопротивление должно иметь место именно в процессе хулиганства, выступать его органическим элементом. Оказание сопротивления после прекращения хулиганских действий, например при задержании виновного, а равно сопротивление, оказанное при пресечении мелкого хулиганства, не могут рассматриваться в каче-

стве квалифицирующего признака, предусмотренного ч. 2 ст. 339 УК. Такие действия подлежат самостоятельной юридической оценке.

Продолжаемое хулиганство, состоящее из нескольких хулиганских действий, охватываемых единым умыслом, не образует признака повторности. Окончательная квалификация наступает по той части ст. 339 УК, которая отражает наиболее тяжкий из содеянного вид хулиганства.

Если при совершении группового хулиганства были причинены менее тяжкие телесные повреждения, данный признак вменяется лишь тем соучастникам, умыслом которых охватывалось причинение таких телесных повреждений. Телесные повреждения могут быть причинены не только в результате применения насилия к потерпевшему, но и при повреждении или уничтожении имущества. Например, когда они причиняются потерпевшему в результате попадания в него стекла, разбитого хулиганом, если последний желал или сознательно допускал причинение телесных повреждений таким образом.

Для установления содержания признака «другие предметы, используемые в качестве оружия» при совершении хулиганства необходимо исходить из признаков соответствующего оружия и наличия подобных свойств в «других предметах», используемых для причинения телесных повреждений. Повышенная общественная опасность «других предметов», равно как и оружия, законодателем связывается с созданием угрозы для жизни или здоровья граждан в связи с их использованием при хулиганстве.

Под применением оружия или иных предметов в качестве оружия следует понимать использование либо попытку использования их поражающих свойств для причинения вреда здоровью потерпевшего в процессе совершения хулиганских действий. Поражающие свойства «других предметов» заключаются в их способности нарушать анатомическую целостность или физиологическую функцию органов и тканей за счет твердости, скорости движения, термических, электрических, химических, токсических и иных свойств предметов в сочетании со способом их использования преступником и другими обстоятельствами совершенного преступления.

Под применением взрывчатых веществ или взрывных устройств следует понимать производство или попытку производства взрыва, совершенные в процессе учинения хулиганских действий. Необходимо отметить, что в отличие от применения оружия или иных предметов в качестве оружия в законе специально не оговаривается, для чего должны применяться взрывчатые вещества или взрывные устройства.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о наличии особо злостного хулиганства не только в случае применения данных веществ и устройств для причинения вреда здоровью или жизни потерпевшего (потерпевших), но и при их использовании для уничтожения или повреждения чужого имущества, нарушения общественного спокойствия и т. п.

Под угрозой применения оружия, иных предметов в качестве оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств следует понимать выраженное словесно или иным образом (например, демонстрацией оружия, взрывного устройства) намерение виновного применить указанные предметы. Не имеет значения, было ли у виновного желание осуществить угрозу в действительности, главное, чтобы она воспринималась потерпевшим как реальная.

Однако в том случае, если в процессе хулиганства для психического воздействия на потерпевшего используется заведомо негодное оружие (муляжи, игрушки и т. п.), подобные действия нельзя квалифицировать как особо злостное хулиганство. Действия виновного выражаются лишь в имитации применения оружия и образуют простое хулиганство по признаку угрозы применения насилия (ч. 1 ст. 339 УК).

Если хулиганство было сопряжено с применением огнестрельного оружия, взрывных устройств или взрывчатых веществ, на которые не было соответствующего разрешения, действия виновного необходимо квалифицировать по совокупности ч. 3 ст. 339 и ст. 295 УК (за незаконный оборот огнестрельного оружия).

Еще одним преступлением, посягающим на общественный порядок, является *заведомо ложное сообщение об опасности* (ст. 340 УК). Объективная сторона данного преступления выражается в ложном сообщении о готовящемся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность для жизни и здоровья людей, либо причинения ущерба в крупном размере, либо наступления иных тяжких последствий.

Ложное сообщение – это сообщение в любой форме (устно, письменно, по телефону, в средствах массовой информации и т. д.) информации, не соответствующей действительности, о следующих событиях:

– готовящемся взрыве (например: об установке взрывного устройства, организации утечки взрывоопасных жидкостей или газов и т. п.);

– готовящемся поджоге;

– совершении иных действий, создающих опасность наступления указанных в ч. 1 ст. 340 УК последствий (например: о разливе ртути или иных сильнодействующих ядовитых веществ, выбросе радиоактивных веществ или патогенных микроорганизмов и т. п.).

Ущерб в крупном размере – это предполагаемая из сообщения виновного вероятность причинения ущерба на сумму, в 250 раз и более превышающую размер базовой величины.

Наличие признака «заведомости» означает, что виновный сознает ложность информации, содержащейся в его сообщении, и желает ввести в заблуждение лиц, которым его адресует. Цели и мотивы, которые субъект преследует, могут быть самими разнообразными и, в принципе, значения не имеют. Однако если путем заведомо ложного сообщения об указанных выше обстоятельствах субъект преследует цель устрашения населения, либо оказания воздействия на принятие решений государственными органами, либо воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, содеянное квалифицируется как угроза совершением акта терроризма (ст. 290 УК).

Квалифицированный состав (ч. 2 ст. 340 УК) образует названное деяние, совершенное повторно, группой лиц по предварительному сговору, повлекшее причинение ущерба в крупном размере либо иные тяжкие последствия.

Под иными тяжкими последствиями следует понимать возникновение паники среди населения (в том числе причинение вследствие этого различного вреда жизни и здоровью людей), срыв крупного культурно-массового мероприятия, остановку работы транспорта, отдельных учреждений и предприятий и т. п. Субъективное отношение виновного к причинению вреда жизни или здоровью людей может характеризоваться только неосторожной формой вины. Умышленное отношение к указанным последствиям должно дополнительно квалифицироваться по соответствующим статьям о преступлениях против жизни и здоровья (например: ст. 139, 147, 149 УК).

От хулиганства следует отграничивать *осквернение сооружений и порчу имущества* (ст. 341 УК). Основным непосредственным объектом данного преступления является общественный порядок. Эта позиция на сегодня является преобладающей. Вместе с тем необходимо конкретизировать, что объектом названного преступления является общественный порядок в узком смысле. Приемлемым является его такое понимание: общественный порядок есть система общественных отношений, сложившихся на основе соблюдения норм права, направленных на поддержание общественного спокойствия и нравственности, взаимного уважения, надлежащего поведения граждан в общественных местах, отношений в сфере социального общения[1].

[1] См.: Курс уголовного права : в 5 т. / Г.Н. Борзенков [и др.] ; под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М. : Зерцало-М, 2002. Т. 1 : Общая часть. Учение о преступлении. 733 с.

Понятие общественного порядка в широком смысле носит неконкретный, расплывчатый характер и не может рассматриваться как объект названного преступления, поскольку в этом случае общественный порядок охватывает собой также общественные отношения, которые складываются вне общественных мест, но нарушение которых попирает общественную нравственность. В таком понимании этот объект является общим для всех деяний, нарушающих нормальное функционирование общества. Нравственность (при осквернении предмета преступления) и собственность (при порче имущества) являются дополнительными непосредственными объектами преступления, предусмотренного ст. 341 УК.

Согласно диспозиции ст. 341 УК под предметом преступления в данном случае понимаются здания или сооружения, имущество, находящееся на общественном транспорте или в иных общественных местах. Следует отметить, что предметом анализируемого преступления являются только те здания или сооружения, которые не относятся к историко-культурным ценностям или культурным ценностям, которым может быть придан статус историко-культурной ценности. Умышленные уничтожение или повреждение (порча) зданий или иных сооружений, относящихся к историко-культурным ценностям, т. е. представляющим собой объекты материальной культуры, в том числе связанные с историческими событиями из жизни народа, обладающих отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами, соответствующих одному из критериев для придания им статуса историко-культурной ценности и зарегистрированных соответствующим образом, должны быть квалифицированы по ст. 344 УК.

Вместе с тем в ряде случаев, при наличии условий, указанных в уголовном законе, посягательство на историко-культурные ценности может быть расценено как осквернение сооружений или порча имущества. Такая квалификация возможна, например, в том случае, если памятник истории был осквернен похабными надписями, изображениями, нечистотами. Названные действия не носят безвозвратных потерь, и преступное посягательство выражается в осквернении указанных предметов. Следует отметить, что в данных случаях общественная опасность содеянного значительно выше, чем при осквернении других сооружений. Учитывая вышеизложенное, целесообразно ввести квалифицированный состав осквернения в случае его совершения в отношении объектов, представляющих духовную, историко-культурную или особую социальную ценность. Кроме того, в качестве квалифицированной формы осквернения или порчи имущества необходимо предусмотреть их совершение лицом, ранее судимым за такое деяние.

В случае с порчей имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах важно учитывать размер ущерба и характер вреда, причиненного виновным, для обеспечения реализации принципов законности, гуманизма, а также единообразного применения уголовного закона. Так, в салонах общественного транспорта часто встречаются надписи на сиденьях (речь идет о тех ситуациях, когда они не являются циничными), при этом очевидно, что в отдельно взятом случае ущерб является незначительным, поскольку сидеть на них все равно можно, и в транспортных организациях этими обстоятельствами, как правило, пренебрегают.

По своему содержанию рассматриваемое преступление имеет ряд признаков, сходных с признаками хулиганства. Вандализм нередко несет в себе и черты грубого нарушения общественного порядка, и явного неуважения к обществу. Очевидно сходство вандализма и с такими признаками хулиганства, как исключительный цинизм и уничтожение либо повреждение чужого имущества. На практике это приводит к тому, что содеянное, как правило, квалифицируется не по ст. 341, а по ст. 339 УК.

Особенности квалификации преступлений против общественной нравственности. Одним из достаточно распространенных преступлений против общественной нравственности является *изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера* (ст. 343 УК).

Порнография представляет собой общественно опасное, социально-психологическое явление, что является главным основанием криминализации незаконного оборота порнографии. Процесс квалификации деяний, связанных с порнографией, имеет множество нюансов, особые сложности тут связаны с появлением новых телекоммуникационных технологий. Например, уголовно-правовой наукой еще не выработано четкого ответа на некоторые вопросы о виртуальной порнографии. Судебная практика по таким делам формируется относительно недавно, что заставляет правоприменителей впервые осмысливать многие явления.

В традиционном понимании состав преступления, предусмотренного ст. 343 УК, сконструирован как формальный. Законодатель не раскрывает понятие «распространение», что вызывает дискуссии относительно его толкования. В литературе по этому вопросу имеются различные позиции. Согласно господствующему подходу распространение порнографических изделий может быть осуществлено одной передачей или единственным актом рекламирования, дарения или продажи одного предмета или изделия порнографического характера. Распространением

признается любая форма передачи, вручения порнографических изделий, материалов другому лицу или лицам, при этом адресатом должно быть неопределенное лицо. Например, в выделенных сетях распространение может осуществляться посредством прямого копирования информации между компьютерными системами, открытия доступа к порнографическому содержимому машинных носителей для компьютерных систем, образующих сеть, и иными возможными способами обмена компьютерной информацией в сети.

Термин «распространение» фактически включает в себя разнообразные действия, в результате которых порнографические предметы как возмездно, так и безвозмездно становятся достоянием других граждан или их содержание опредмеченно доводится до сведения последних[1].

Следует отметить, что в свете данного определения можно пересмотреть и подходы к уголовно-правовой оценке случаев распространения порнографии с помощью BitTorrent-трекеров. Острота этой проблемы квалификации будет нарастать, поскольку в настоящее время данный способ распространения порнографических материалов в сети Интернет является преобладающим.

Механизм работы BitTorrent-трекера заключается в том, что он связывает клиентов (физических лиц, имеющих доступ к сети Интернет со своего компьютера) друг с другом, но напрямую не участвует в обмене раздаваемых файлов. Более того, трекер не имеет никакой информации об этих файлах. Иными словами, распространение файлов осуществляется непосредственно с компьютеров пользователей сети Интернет, при этом их раздача может осуществляться от нескольких пользователей. Понимая этот механизм, нетрудно представить ситуацию: некто Н. скачал с помощью установленной на его компьютере программы – торрент-клиента – видеофильм порнографического содержания, который указанной программой по умолчанию помещается в папку, из которой с помощью BitTorrent-трекера этот файл сразу начинает раздаваться другим пользователям сети, т. е. происходит распространение порнографических материалов. Н. об этом осведомлен, однако он не принимает никаких мер для ограничения данного распространения (не закрывает торрент-клиент, не перемещает файл в другую папку, из которой он не будет доступен для раздачи). Вместе с тем Н. объективно не может знать, происходит ли в настоящее вре-

[1] См.: Джинджолия Р.С. Порнография: уголовно-правовая характеристика. М. : Компания Спутник+, 2005. С. 37.

мя скачивание с его компьютера, кто конкретно из пользователей его осуществляет, более того, его психическое отношение к такому распространению может быть безразличным, поскольку оно происходит «по умолчанию», без его непосредственного участия и с использованием заранее заложенного в компьютерные программы алгоритма. Однако если рассматривать состав преступления, предусмотренного ст. 343 УК, как формальный, нужно помнить, что косвенный умысел при его совершении не допускается. Таким образом, необходимо либо указать на то, что в деянии, совершенном Н., отсутствует состав преступления, либо пересматривать подходы к трактовке понятия «распространение».

Распространение можно трактовать не как процесс, а как результат, т. е. распространение состоялось, когда порнографические предметы стали достоянием других граждан. Иными словами, распространение – это преступный результат деятельности виновного, а в таком случае возможным становится и косвенный умысел относительно распространения порнографических материалов.

Трудности применения уголовно-правовых мер борьбы с порнографией связаны и с наличием оценочных критериев, отсутствием нормативного закрепления понятийного аппарата, а именно таких признаков, как «вульгарный», «циничный», «непристойный».

Анализ судебной и следственной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 343 и 343[1] УК, показывает, что имеет место неоднозначная квалификация таких способов деяния, как распространение, рекламирование и демонстрация порнографических материалов. Данное положение дел может привести к неверной юридической оценке деяния и, как следствие, к вынесению неправосудного приговора и назначению несправедливого наказания. Так, понятие «рекламирование» поглощается распространением и демонстрацией, что порождает предложения о необходимости исключения этого способа из указанных уголовно-правовых норм.

Повышенную ответственность по ч. 2 ст. 343 УК влекут действия с порнографическими материалами или предметами порнографического характера, совершенные лицами, достигшими 18-летнего возраста, в отношении несовершеннолетних (т. е. лиц, не достигших 18-летнего возраста), либо демонстрация несовершеннолетним кино- или видеофильмов порнографического содержания. Указанные действия не требуют дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 169 «Развратные действия» УК, поскольку в данном случае норма, предусмотренная ч. 2

ст. 343 УК, является специальной по отношению к ч. 1 ст. 169 УК. Однако если действия с порнографическими материалами или демонстрация фильмов несовершеннолетним совершены с применением насилия, это влечет дополнительную квалификацию по ч. 2 ст. 169 УК за развратные действия с применением насилия или угрозой его применения.

Посягает на общественную нравственность и такое преступление, как *изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего* (ст. 343[1] УК). В качестве предмета данного преступления выступают материалы порнографического характера с изображением заведомо несовершеннолетнего либо кино- или видеофильмы порнографического содержания с таким изображением (детская порнография).

В содержание субъективной стороны необходимо включать осознание виновным несовершеннолетнего (малолетнего) возраста лиц, изображенных на предметах порнографического характера либо участвующих в видеофильмах порнографического содержания.

Использование несовершеннолетнего (малолетнего) для изготовления порнографических материалов, печатных изданий или иных предметов порнографического характера с его изображением, образующих квалифицированные составы анализируемого преступления (ч. 2 и 3 ст. 343[1] УК), может выражаться в привлечении несовершеннолетнего (малолетнего) к выступлению в качестве натурщика в сценах совершения действий сексуального характера, для демонстрации половых органов и т. п. Вместе с тем данное лицо не обязательно должно выступать в качестве непосредственного участника действий сексуального характера, а, например, играть роль наблюдателя, «подглядывающего» за сценой совершения полового сношения.

Указанные действия не требуют дополнительной квалификации по ст. 168 «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» УК либо ст. 169 «Развратные действия» УК, поскольку в данном случае нормы ч. 2 и 3 ст. 343[1] УК являются специальными. Однако если для понуждения несовершеннолетнего (малолетнего) к вступлению в действия сексуального характера применяются насилие, угроза применения насилия либо используется беспомощное состояние потерпевшего, это влечет дополнительную квалификацию по ч. 2 и 3 ст. 166 «Изнасилование» УК или ст. 167 «Насильственные действия сексуального характера» УК.

3.7. Особенности квалификации преступлений против компьютерной безопасности

Общие положения. Причиной криминализации в уголовном законодательстве противоправных деяний в области использования электронной вычислительной техники и информационных технологий является их высокая общественная опасность. Эта опасность выражается в том, что такие действия могут повлечь за собой нарушение деятельности автоматизированных систем управления и контроля различных объектов (транспорта, здравоохранения, обороны, энергетики и т. д.), способны вызвать тяжкие и необратимые последствия, связанные как с причинением имущественного ущерба, так и физического вреда людям.

В самом названии гл. 31 «Преступления против компьютерной безопасности» УК определен видовой объект названных преступлений – компьютерная безопасность, под которой понимается совокупность общественных отношений, обеспечивающих безопасные условия существования и функционирования компьютерной информации и компьютерного оборудования.

В качестве дополнительного объекта могут выступать жизнь, здоровье человека, его честь и достоинство, законные интересы физических и юридических лиц, общества и государства, собственность, общественная безопасность и т. д.

Одним из основных нормативных правовых актов в области информационных отношений является Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон об информации, информатизации и защите информации). В нем на законодательном уровне раскрыто понятие информации – это сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления. Информация становится компьютерной, если она хранится в компьютерной сети, системе или на машинных носителях. Она неотделима от компьютера и доступ к ней может быть обеспечен только с его использованием.

Наиболее важным для правильной квалификации является факт представления этой информации в виде, предназначенном и пригодном для ее обработки, хранения и передачи с использованием электронных технических средств, список которых ныне уже не ограничивается исключительно компьютерами. Смысловое содержание информации уходит на второй план, так как в машинном виде оно всегда представлено одинаково: в виде, определяемом физической природой материального носителя информации.

Чтобы исключить смешение понятий «объект преступления» и «предмет преступления» применительно к преступлениям против компьютерной безопасности, их разграничение следует провести следующим образом: противоправное воздействие на компьютерную информацию как предмет преступления посягает на объект преступления – информационную безопасность.

Объективная сторона преступлений против компьютерной безопасности, как правило, выражается в преступном действии. Лишь в одном преступлении – нарушении правил эксплуатации компьютерной системы или сети (ст. 355 УК) – возможно и преступное бездействие виновного.

В большинстве случаев преступления данной группы сконструированы по типу материальных, т. е. предусматривают наступление общественно опасных последствий.

В основных составах преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 349, ч. 1 и 3 ст. 350, ч. 2 ст. 352, ч. 3 ст. 354, ч. 2 ст. 355 УК, в качестве последствий указывается на модификацию либо уничтожение, блокирование, приведение в негодное состояние компьютерной информации либо разрушение, блокирование, нарушение работы компьютерной системы, сети или машинного носителя, иной существенный вред, крушение, аварию, катастрофу, несчастные случаи с людьми, отрицательные изменения в окружающей среде или иные тяжкие последствия. Только на причинение существенного вреда указывается в основных составах, предусмотренных ст. 352, 355 УК.

Лишь два состава из рассматриваемых преступлений по законодательной конструкции являются формальными (ч. 1 и 2 ст. 354 УК). Они считаются оконченными уже с момента совершения общественно опасного деяния.

В том случае, если результатом совершения преступлений против компьютерной безопасности является наступление последствий материального характера, встает вопрос их отграничения от преступлений против собственности, таких как хищение имущества путем модификации компьютерной информации (ст. 212 УК) и причинение имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 УК). В том случае, если модификация компьютерной информации производится с целью противоправного завладения имуществом, применяется только ст. 212 УК. Если лицо путем использования компьютерной техники пытается извлечь имущественную выгоду, не связанную с хищением, возможны два варианта квалификации. Очевидно, что преступление, предусмотренное ст. 216 УК, является корыстным, поэтому при доказанности указанного

признака и причинении имущественного ущерба в значительном размере действия виновного следует квалифицировать по ст. 216 УК. Если причиненный ущерб не превышает значительного размера, но наступают последствия в виде существенного вреда нематериального характера (нарушение конституционных прав граждан, значительное ущемление прав и законных интересов органов, организаций и учреждений, создание препятствий их нормальной работе и т. д.), применяется ст. 350 «Уничтожение, блокирование или модификация компьютерной информации» УК. В случае отсутствия описываемых выше признаков состава преступления, при причинении ущерба в незначительном размере посредством извлечения имущественных выгод в действиях лица усматриваются признаки административного правонарушения, предусмотренного ст. 11.2 КоАП.

Оценочное понятие «существенный вред» представляется достаточно сложно определяемым на практике. Данный признак должен устанавливаться с учетом всех обстоятельств дела. Существенным вредом могут быть признаны: причинение материального ущерба в крупном размере (на сумму, в 250 раз и более превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления), нарушение конституционных прав граждан, создание препятствий для нормальной работы государственных органов, учреждений, организаций и т. п.

Для преступлений данной группы характерно и то, что при их совершении компьютерная система может выступать одновременно и в качестве предмета, и в качестве орудия преступления. Так, компьютер может быть таким же техническим средством совершения преступления, как и отмычка, огнестрельное оружие, транспортное средство или иное техническое приспособление. Примером может служить преступление, предусмотренное ст. 349 «Несанкционированный доступ к компьютерной информации» УК, когда компьютерная система (ПЭВМ) используется как орудие совершения преступления для доступа к предмету преступления – информации, хранящейся в ней, что влечет указанные негативные последствия для этой информации.

Субъективная сторона названных преступлений характеризуется как умышленной, так и неосторожной формой вины. Так, преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 349, ст. 355 УК, являются неосторожными, а, например, предусмотренные ч. 1 ст. 350, ч. 1 ст. 352, ч. 1 ст. 354 УК – умышленными. Совершение деяний, указанных в ч. 1 ст. 349 УК, возможно как умышленно, так и по неосторожности. Некоторые квалифицированные составы преступлений против компьютерной безопасности (например, ч. 3 ст. 354 УК) требуют установления сложной вины.

Субъектом преступлений против компьютерной безопасности в большинстве случаев выступает вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Ст. 355 УК предусмотрен специальный субъект – лицо, имеющее доступ к компьютерной системе или сети.

Отдельные вопросы квалификации преступлений, посягающих на компьютерную безопасность. Состав преступления, предусмотренного ст. 349 *«Несанкционированный доступ к компьютерной информации»* УК, является базовым для остальных составов гл. 31 «Преступления против компьютерной безопасности».

Предметом данного преступления является компьютерная информация (т. е. находящаяся в компьютерной сети, системе, на компьютерных носителях либо передаваемая сигналами, распространяемыми по проводам, оптическим волокнам, или радиосигналами).

Деяние осуществляется в форме действия, а именно посредством несанкционированного доступа к компьютерной информации, сопровождающегося нарушением системы защиты. Под доступом к информации согласно Закону об информации, информатизации и защите информации необходимо понимать возможность получения информации и пользования ею. Несанкционированным доступом следует признавать неправомерное получение возможности ознакомиться с информацией или распорядиться ею по своему усмотрению, которое совершается без согласия собственника либо иного уполномоченного лица. Такое возможно в двух альтернативных ситуациях:

– если лицо не имеет права доступа к информации;

– имеет право доступа к информации, однако осуществляет его помимо установленного порядка.

В диспозиции ч. 1 ст. 349 УК указывается на несанкционированный доступ именно к компьютерной информации, а не к носителям, на которых информация содержится. Лицо, имеющее доступ к компьютеру, может не иметь доступа к конкретной хранящейся в нем информации. Вместе с тем несанкционированный доступ в обязательном порядке должен сопровождаться нарушением системы защиты, так как в случае общедоступности информации нивелируется преступность описываемого деяния.

Система защиты информации – комплекс правовых, организационных и технических мер, направленных на обеспечение целостности (неизменности), конфиденциальности, доступности и сохранности информации.

Согласно Закону об информации, информатизации и защите информации обязанность обеспечивать уровень защиты документированной

информации возложена на собственника информационной системы или уполномоченное им лицо. Способами доступа с нарушением системы защиты могут быть: использование чужого имени (пароля), маскировка под законного пользователя, изменение физических адресов технических устройств, модификация программного и информационного обеспечения и др. Важно отметить, что не должно рассматриваться как изменение компьютерной информации использование соответствующего программного обеспечения, модифицирующего данные без изменения их содержания с возможностью восстановления первоначального вида (программы-архиваторы, программы для кодирования и т. п.).

В диспозиции ч. 1 ст. 349 УК содержатся два альтернативных варианта преступного поведения. При первом варианте несанкционированный доступ признается уголовно противоправным только при наличии корыстной заинтересованности, при втором – обязательно наступление общественно опасных последствий (причинение существенного вреда). В связи с этим само по себе ознакомление с информацией в результате несанкционированного доступа к ней, не повлекшее наступления существенного вреда либо при отсутствии корыстной заинтересованности, преступлением против компьютерной безопасности не является. Однако в таких случаях следует обращать внимание на наличие в совершенных действиях лица признаков, образующих состав иного преступления (например, коммерческого шпионажа (ст. 254 УК)).

Действия лица, осуществившего несанкционированный доступ к компьютерной информации из личной заинтересованности, не повлекшие наступления существенного вреда, следует рассматривать с позиции наличия признаков состава правонарушения, предусмотренного ст. 23.4 «Несанкционированный доступ к компьютерной информации» КоАП.

Причинение существенного вреда является оценочным понятием. Указанный вред может иметь как материальный, так и нематериальный характер. В случае его материального характера существенным следует признавать ущерб на сумму, в 250 раз и более превышающую размер базовой величины. В случае нематериального характера существенным вредом охватываются, например, нарушение конституционных прав граждан, значительное ущемление прав и законных интересов органов, организаций и учреждений, создание препятствий в их нормальной работе и т. д. Решение вопроса об отнесении причиненного вреда к существенному необходимо принимать в каждом конкретном случае, с учетом всех обстоятельств дела.

При квалификации необходимо ориентироваться на обстоятельства, в определенной мере соотносимые по степени общественной опасности с такими последствиями, как изменение, уничтожение, блокирование компьютерной информации, вывод из строя компьютерного оборудования. Вместе с тем в случае причинения реального физического вреда компьютерному оборудованию при наличии определенных условий целесообразной является квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 349 и соответствующей статьей УК, устанавливающей ответственность за преступления против собственности.

При квалификации важно установление причинной связи между несанкционированным доступом и наступлением существенного вреда. Не будет преступлением простое совпадение во времени несанкционированного доступа и сбоя в компьютерной системе, который вызван неисправностями технического или программного характера, а не действиями лица, осуществившего несанкционированный доступ.

При наличии существенного вреда в результате совершения указанного преступления момент юридического окончания связан с наступлением соответствующих последствий.

Вместе с тем при совершении преступления из корыстной заинтересованности преступление будет считаться оконченным с момента осуществления несанкционированного доступа к компьютерной информации, сопряженного с нарушением системы защиты. В данном случае законодатель описывает состав преступления как формальный, поскольку он не требует необходимости наступления последствий при наличии корыстной заинтересованности.

Рассматриваемый состав преступления является умышленным (умысел прямой). При совершении названного преступления не исключается соучастие, что требует необходимости использования правил квалификации при соучастии в совершении преступления.

Под корыстной заинтересованностью в данном составе следует понимать стремление виновного извлечь из совершенного преступления – несанкционированного доступа к компьютерной информации – для себя или близких выгоду имущественного характера либо намерение избавиться таким способом от материальных затрат. Только при точном установлении указанного признака состава допустима квалификация по ст. 349 УК при отсутствии предусмотренных неосторожных общественно опасных последствий. Корыстным следует также признавать неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, совершенный лицом по найму, т. е. за вознаграждение.

В ч. 2 ст. 349 УК законодатель криминализировал несанкционированный доступ к компьютерной информации либо самовольное пользование компьютерной системой или сетью, повлекшие по неосторожности крушение, аварию, катастрофу, несчастные случаи с людьми, отрицательные изменения в окружающей среде или иные тяжкие последствия.

Классы, группы, виды и уровни аварий, катастроф и иных чрезвычайных ситуаций определены Инструкцией о порядке классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, утвержденной постановлением Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь от 3 августа 2023 г. № 46.

Под несчастным случаем следует понимать травму, острое профессиональное заболевание (отравление), тепловой удар, ожог, обморожение, утопление, поражение электрическим током или молнией, повреждение вследствие аварии, пожара, стихийного бедствия (землетрясения, оползня, наводнения, урагана и т. д.), контакта с животными, насекомыми и другими представителями флоры и фауны.

Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» дает определение понятию «вред, причиненный окружающей среде», под которым понимается имеющее денежную оценку отрицательное изменение окружающей среды или отдельных компонентов природной среды, природных или природно-антропогенных объектов, выразившееся в их загрязнении, деградации, истощении, повреждении, уничтожении, незаконном изъятии и (или) ином ухудшении их состояния, в результате вредного воздействия на окружающую среду, связанного с нарушением требований в области охраны окружающей среды, иным нарушением законодательства.

Под иными тяжкими последствиями следует понимать такие последствия, которые тождественны по своему качественно-количественному содержанию вышеперечисленным (особо крупный ущерб, дезорганизация функционирования государственных органов и т. п.).

Таким образом, в качестве дополнительного объекта данного преступления в зависимости от конкретных обстоятельств могут выступать жизнь и здоровье, отношения собственности, общественная и экологическая безопасность, порядок управления и т. п. Иными словами, при разграничении двух составов, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 349 УК, следует точно установить степень и характер наступивших в связи с совершением преступного посягательства последствий.

Предметом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 349 УК, выступают:

– компьютерная система – комплекс аппаратных и программных средств, предназначенных для автоматизированного сбора, хранения, обработки, передачи и получения информации, предназначенный для управления объектом любого назначения (гражданского, научного, военного и т. п.) либо принятия решений;

– компьютерная сеть – система связи компьютерных информационных систем, серверов, модемов, маршрутизаторов и другого сетевого оборудования, взаимодействующих посредством различных видов электросвязи, например: проводной, волоконно-оптической, радиосвязи.

Названной нормой запрещены следующие альтернативные деяния:

– несанкционированный доступ к компьютерной информации;

– самовольное пользование компьютерной системой или сетью.

В качестве последствий несанкционированного доступа и самовольного пользования могут выступать крушение, авария, катастрофа, несчастные случаи с людьми, отрицательные изменения в окружающей среде, иные тяжкие последствия.

Самовольное пользование компьютерной системой или сетью означает взаимодействие лица с электронной вычислительной техникой, средствами связи компьютеризованной системы или компьютерной сети без разрешения собственника, владельца, уполномоченного лица или законного пользователя.

Под иными тяжкими последствиями следует понимать причинение ущерба в особо крупном размере, уничтожение информации особой ценности, нарушение графиков движения транспортных средств, подачи энергоносителей, создание политической напряженности в обществе, искажение результатов голосования на референдумах, выборах Президента, депутатов Национального собрания, осложнения в международных отношениях, военные или политические инциденты и т. п.

Состав преступления по ч. 2 ст. 349 УК является материальным, что следует учитывать при квалификации (установлении момента окончания). Между несанкционированным доступом к компьютерной информации либо самовольным пользованием компьютерной системой или сетью и наступлением вследствие этого хотя бы одного из перечисленных в диспозиции ч. 2 ст. 349 УК тяжких последствий должна быть установлена причинная связь.

Уничтожение, блокирование или модификация компьютерной информации (ст. 350 УК).

В диспозиции ч. 1 ст. 350 УК описывается ряд последствий противоправных действий, а также их характеристика в виде причинения существенного вреда:

– уничтожение, блокирование, приведение в непригодное состояние компьютерной информации;

– разрушение, блокирование либо нарушение работы компьютерной системы, сети или машинного носителя;

– модификация компьютерной информации.

Деяния, перечисленные в первом и втором пунктах перечня, могут осуществляться двумя основными способами: аппаратно-программным (замена устройств на несовместимые с указанными ЭВМ, системой, сетью; запись поверх базы данных игровых программ; изменение наименований файлов и т. п.) и физическим (уничтожение компонентов компьютерного оборудования, порча машинных носителей, системного блока компьютера и др.). В настоящее время возможны случаи, когда вредоносное физическое воздействие на компьютерную систему осуществляется путем непосредственного влияния на нее машинных команд с целью выведения ее из строя.

Разрушение машинного носителя – это полное уничтожение либо такое повреждение любого типа машинного носителя, которое исключает получение информации, хранившейся на нем. В то же время из текста уголовного закона не следует, что при разрушении машинного носителя обязательно должна утрачиваться, уничтожаться какая-либо информация.

Физическое повреждение или разрушение компьютерной техники, машинных носителей как предметов, обладающих материальной ценностью, квалифицируется по ст. 218 УК (умышленные уничтожение либо повреждение имущества).

Разрушение компьютерной системы состоит в уничтожении как всех аппаратных средств этой системы, так и отдельных из них, без которых такая компьютерная система не может функционировать.

Как разрушение компьютерной сети следует квалифицировать действия, заключающиеся в уничтожении сервера или коммуникационных линий между сервером и другими компьютерами в сети, но не уничтожение любых отдельных компьютеров в сети.

Под модификацией компьютерной информации понимается противоправное изменение компьютерной информации либо внесение в компьютерную систему заведомо ложной компьютерной информации (примечание к ст. 208 УК).

Не является модификацией в уголовно-правовом смысле использование программ, модифицирующих данные без изменения их содержания с возможностью восстановления первоначального вида.

Состав данного преступления материальный. Предусматриваются следующие характеристики наступивших в связи с совершенными действиями последствий: причинение существенного вреда. Понятие существенного вреда рассмотрено выше в рамках описания ст. 349 УК.

Квалификация деяния по ст. 350 УК возможна только в том случае, если отсутствуют признаки преступления против собственности.

С субъективной стороны преступление, предусмотренное ст. 350 УК, характеризуется только умышленной формой вины, причем умысел может быть как прямым, так и косвенным.

Неправомерное завладение компьютерной информацией (ст. 352 УК).

Объективная сторона данного преступления состоит из следующих альтернативных действий:

– несанкционированное копирование компьютерной информации;

– перехват компьютерной информации, передаваемой с использованием средств компьютерной связи;

– иное неправомерное завладение компьютерной информацией.

Под несанкционированным копированием компьютерной информации понимается процесс изготовления копии данных на машинном или ином носителе без разрешения собственника, владельца, уполномоченных ими лиц или законного пользователя. Исходная копируемая информация при этом изменениям, повреждениям не подвергается, возможность использования ее по назначению не утрачивается.

Перехват информации, передаваемой с использованием средств компьютерной связи, – это неправомерное завладение компьютерной информацией в устройствах, передающих ее в пространстве. Таковым может являться получение информации с помощью специальных программ типа «троянский конь» (что обусловливает квалифицировать содеянное по совокупности со ст. 354 УК), дистанционный съем информации с различных технических устройств за счет их электромагнитных излучений и наводок, незаконное подключение к линиям связи и др.

Иное неправомерное завладение компьютерной информацией состоит в получении возможности реализации в отношении нее полномочий владения, распоряжения или пользования при отсутствии действительного или предполагаемого права на это либо осуществления указанных полномочий помимо установленного порядка, с нарушением установленных правил. При ином неправомерном завладении компьютерной информацией используются способы ее получения, не связанные с копированием: неправомерное подключение к аппаратуре ЭВМ, фотографирование, хищение носителей информации, считывание данных в мас-

сивах других пользователей, а равно остаточной информации в памяти системы после выполнения санкционированных запросов и др.

В качестве последствия любого из перечисленных действий в диспозиции указывается на причинение существенного вреда (данный признак описан выше применительно к ст. 349 УК). Причинение существенного вреда должно находиться с деянием в причинной связи. Поскольку состав данного преступления является материальным, момент его окончания совпадает со временем наступления указанных последствий.

Так, Г., имея единый умысел на неправомерное завладение компьютерной информацией, используя в качестве средства совершения преступления принадлежащий ему мобильный телефон марки Huawei Y6P, имеющий доступ в глобальную компьютерную сеть Интернет, при помощи ставших ему известными средств аутентификации пользователя (пароля и логина) социальной сети В. умышленно осуществил несанкционированный доступ к компьютерной информации, содержащейся на персональной странице под сетевым именем Н. вышеуказанной социальной сети, принадлежащей Б., и путем создания мгновенных снимков экрана мобильного телефона (скриншотов) выполнил несанкционированное копирование фрагментов личной переписки последней с пользователем под сетевым именем М., а также, действуя аналогичным способом и при вышеописанных обстоятельствах, осуществил несанкционированный доступ к компьютерной информации, содержащейся на персональной странице под сетевым именем N. социальной сети I., принадлежащей Б., путем создания мгновенных снимков экрана мобильного телефона (скриншотов) выполнил несанкционированное копирование фрагментов личной переписки последней с пользователем под сетевым именем Д., после чего распространил в социальной сети В. указанные фрагменты переписки, чем причинил Б. существенный вред, выразившийся в нарушении ее конституционных прав на тайну переписки и распространении фрагментов переписки, которые последняя желала сохранить в тайне.

Судом Г. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 352 УК (умышленное несанкционированное копирование компьютерной информации, повлекшее причинение существенного вреда).

Ч. 2 ст. 352 УК предусматривается повышенная ответственность за совершение действий, предусмотренных ч. 1 этой статьи, совершенных повторно либо группой лиц по предварительному сговору. Дополнительно к ранее описываемым обстоятельствам обязательным является

установление факта совершения лицом ранее тождественного преступления либо наличия признаков соучастия в соответствующей организационной форме.

Разработка, использование, распространение либо сбыт вредоносных компьютерных программ или специальных программных или аппаратных средств (ст. 354 УК).

В Соглашении о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28 сентября 2018 г. вредоносная программа определяется как созданная или существующая программа со специально внесенными изменениями, заведомо приводящая к несанкционированному уничтожению, блокированию, модификации либо копированию информации, нарушению работы информационной (компьютерной) системы.

Для признания компьютерной программы вредоносной необходимо доказать наличие совокупности следующих обстоятельств:

– программа способна уничтожать, блокировать, модифицировать либо копировать компьютерную информацию или нейтрализовать средства защиты компьютерной информации;

– программа не предполагает предварительного уведомления собственника, владельца или пользователя (обладателя) компьютерной информации, компьютерного устройства, информационной системы или информационно-телекоммуникационной сети о характере своих действий;

– программа не запрашивает согласия (санкции) у собственника, владельца или пользователя (обладателя) компьютерной информации, компьютерного устройства, информационной системы или информационно-телекоммуникационной сети на реализацию своего назначения (алгоритма).

Предметом преступления, предусмотренного ст. 354 УК, являются компьютерная программа, программное или аппаратное средство, заведомо предназначенные для нарушения системы защиты, несанкционированного доступа к компьютерной системе, сети или машинному носителю, несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации компьютерной информации или неправомерного завладения компьютерной информацией либо нарушения работы компьютерной системы, сети или машинного носителя.

В качестве специальных программных средств могут выступать компьютерные программы различного типа, предназначенные для осу-

ществления неправомерного доступа к защищенной компьютерной системе, сети. Эти программы используются для несанкционированного доступа к компьютерной системе, сети, позволяют несанкционированно обойти средства защиты доступа или запустить программы обработки данных.

Вместе с тем предметом преступления будет являться и легальное (лицензионное) программное обеспечение, приспособленное для совершения конкретных преступлений. Например, лицо использует для незаконного пополнения баланса проездных билетов одну из распространенных компьютерных программ, предназначенных для записи информации на носители, но видоизменяет ее таким образом, чтобы можно было осуществлять выборку по различным критериям (количество поездок, срок действия и т. п.). В данном случае следует говорить о наличии признаков изготовления вредоносной компьютерной программы, поскольку в полученном виде программное обеспечение получило расширенные характеристики, прямо указывающие на ее предназначение для осуществления неправомерной деятельности.

К специальным аппаратным средствам относятся различные технические устройства, приборы, с помощью которых злоумышленник может несанкционированно подключиться к компьютерной аппаратуре и средствам связи компьютерных систем, сетей, минуя их средства защиты.

Объективная сторона преступления выражается в альтернативных действиях с предметом преступления: разработке, использовании, распространении, сбыте.

Под разработкой компьютерной программы либо программного средства понимается написание их алгоритма (последовательности логических команд) и его последующее преобразование в машиночитаемый язык (написание ее текста на языке программирования).

Так, Е., имея умысел на разработку компьютерной программы, заведомо предназначенной для нарушения системы защиты, несанкционированного доступа к компьютерной системе, сети или машинному носителю, блокирования, модификации компьютерной информации, нарушения работы компьютерной системы, сети или машинного носителя, посредством среды разработки I., путем написания последовательных логических команд для дальнейшего преобразования текста в машиночитаемую форму с последующим введением его в компьютерную информационную систему осуществил разработку вредоносной компьютерной программы O. для операционной системы A., которая

имеет функционал, направленный на поиск и подключение (сопряжение) по Bluetooth-соединению к устройствам, чей MAC-адрес Bluetooth-адаптера содержит определенные символы, получение сведений о подключенных устройствах, передачу команд на подключенные устройства, а также имеет возможность передачи ряда параметров на интернет-адрес с последующим возвратом команд на подключенное устройство, оптимизировав его до программ, заведомо предназначенных для нарушения системы защиты плат, установленных в электросамокатах марки N. Таким образом Е. разблокировал электросамокаты и изменял отображение их местоположения в приложениях B., Y., умышленно, противоправно изменяя компьютерную информацию операционных систем указанных электросамокатов и нарушая их работу.

Судом Е. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 354 УК.

Под изготовлением специальных аппаратных средств понимается их окончательное создание в виде, пригодном к использованию по назначению.

Как заведомое использование предмета данного преступления расцениваются любые действия по его применению в соответствии с его предназначением.

Распространением предмета преступления признается его передача любым способом неопределенному кругу лиц как за плату, так и бесплатно, как в постоянное владение, так и временно. Например, размещение вредоносной программы (ссылки, файла метаданных с расширением .torrent и т. п.) на форумах, в социальных сетях, чатах и т. д., где указанный предмет преступления условно приобретает свойство общедоступности (относительной свободной доступности).

Сбыт специальных компьютерных программ, программных или аппаратных средств – это как возмездная, так и безвозмездная их передача определенным лицам, которая может быть осуществлена посредством продажи, дарения, обмена, уплаты долга, дачи взаймы и иным способом. Названный способ характерен для преступлений в сфере незаконного оборота тех либо иных предметов в рамках охраняемых уголовным законом сфер и раскрывался ранее, в частности при рассмотрении преступлений против общественной безопасности и здоровья населения.

Любое из перечисленных в диспозиции ст. 354 УК действий образует оконченное преступление независимо от наступления вредных последствий, так как законодателем криминализированы сами действия в отношении предмета преступления. С субъективной стороны преступление

может быть совершено только с прямым умыслом. Если изготовление, использование или распространение вредоносных программ выступают в качестве способа совершения иного умышленного преступления, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений.

Следует отметить, что в современных условиях создание вредоносного программного обеспечения не обязательно предполагает, что лицо имеет профессиональные навыки программирования. Созданием также будет являться получение вредоносного программного продукта в результате использования так называемых конструкторов вирусов или нейросетей, чат-ботов с искусственным интеллектом (ChatGPT и др.).

Не будет образовывать состава преступления использование лицом вредоносной программы на принадлежащих ему компьютерных устройствах либо с согласия собственника компьютерного устройства, не преследующее цели неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации и не повлекшее несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств ее защиты (например: в образовательных целях, в ходе тестирования компьютерных систем для проверки уязвимости средств защиты компьютерной информации, к которым у данного лица имеется правомерный доступ), равно как и создание подобных программ для указанных целей. В связи с этим в тех случаях, когда вредоносная программа не создает угрозы для безопасности цифровой информации, действия лица целесообразно оценивать в рамках критериев малозначительности.

Нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети (ст. 355 УК). Диспозиция ч. 1 ст. 355 УК выражается в умышленном нарушении правил эксплуатации компьютерной системы или сети лицом, имеющим доступ к этим системе или сети, повлекшее по неосторожности причинение существенного вреда.

Нарушение установленных правил эксплуатации компьютерной системы или сети может быть совершено как действием, так и бездействием. При совершении названного преступления действием ненадлежащим образом исполняются указанные правила либо прямо нарушаются установленные в этих правилах запреты. Бездействием является невыполнение таких правил вовсе.

Данное преступление является оконченным с момента наступления указанного в диспозиции последствия – причинения существенного вреда (материальный состав). Под существенным вредом понимается уничтожение, блокирование, модификация компьютерной информации,

нарушение работы компьютерного оборудования или иной существенный вред. Этот вред может быть причинен как собственнику, владельцу или пользователю, так и третьим лицам (например: причинение ущерба клиентам банков, вреда здоровью пациентам, когда их обслуживание проводится под контролем компьютерных систем).

Преступление характеризуется неосторожной формой вины. Деяние (нарушение правил эксплуатации) совершается только умышленно, однако отношение к последствиям может быть только неосторожным. Само же по себе нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети в отрыве от последствий не признается преступлением. Соответственно, в целом преступление является неосторожным.

Если отношение виновного лица к последствиям было умышленным, содеянное должно быть расценено как умышленное преступление, предусмотренное ст. 350 УК.

Для квалификации важное значение имеет установление признаков субъекта данного преступления, так как он является специальным – это лицо, достигшее 16-летнего возраста, имеющее доступ к компьютерной системе или сети (т. е. законный пользователь). В случае совершения указанного общественно опасного деяния общим субъектом, его действия при наличии соответствующих признаков следует квалифицировать либо по ст. 349, либо по ст. 350 УК. Основное отличие между ст. 349 и 355 УК заключается в том, был или не был санкционирован доступ, влекущий предусмотренные последствия. Так, в случае с преступлением, предусмотренным ст. 355 УК, доступ является правомерным, однако лицом, имеющим право работать на компьютере, умышленно нарушаются технические правила эксплуатации.

3.8. Особенности квалификации отдельных преступлений против порядка управления

Общие положения. Посягательства на порядок управления противодействуют нормальной управленческой деятельности государственных органов, вносят элементы дезорганизации в их работу, могут привести к ослаблению их авторитета, а также к нарушению прав и законных интересов граждан. По этой причине при выполнении должностными лицами своих обязанностей они обеспечиваются соответствующей уголовно-правовой охраной. Устанавливая уголовную ответственность за посягательства на порядок управления, законодатель тем самым стремится обеспечить властным отношениям, складывающимся между го-

сударственными органами (их представителями) и гражданами, режим наибольшего благоприятствования.

Порядок управления – это регламентированная Конституцией Республики Беларусь, другими законами и подзаконными актами правомерная управленческая деятельность государственных органов и их представителей, направленная на соблюдение порядка в стране. Иными словами, это совокупность установленных правовых норм, направленных на регулирование деятельности государственных органов и их представителей. Термин «порядок» означает систему правил, по которым что-нибудь совершается. Что же касается термина «управление» («управлять»), под ним понимают целенаправленную деятельность государственных органов по организации, упорядочению и эффективному функционированию всех структур государства, направленную на решение стоящих перед ними задач. Следовательно, преступления против порядка управления – это общественно опасные посягательства, направленные на сложившиеся в обществе отношения, обеспечивающие установленный государством порядок в сфере управленческой деятельности.

В правоприменительной практике могут возникать вопросы разграничения преступлений против порядка управления и иных преступлений, препятствующих нормальному функционированию государственных органов и их представителей. Наибольшее сходство в этом смысле представляют преступления против интересов службы (гл. 35 УК). В то же время следует учитывать, что механизм причинения вреда общественным отношениям при совершении преступлений против интересов службы и против порядка управления существенно различается. Так, если в результате совершения преступлений против интересов службы вред причиняется отношениям управления, складывающимся между должностными лицами и органами, которые они представляют, применительно к гл. 33 УК вред причиняется общественным отношениям, складывающимся между государственными органами (их представителями) и гражданами.

Важное значение имеет научно обоснованная систематизация и классификация общественно опасных посягательств против порядка управления, поскольку это является необходимой предпосылкой, обеспечивающей правильность правоприменительной деятельности. Классификация преступлений против порядка управления может осуществляться по различным основаниям: особенностям объективной стороны, особенностям сфер управления, на которые осуществляется посягательство, и др. Однако наиболее предпочтительной представляется классификация с учетом непосредственного объекта посягательства и характера уголовной противоправности деяний.

Для точной квалификации преступлений данной группы необходимо обращать особое внимание на такой обязательный признак состава преступления, как потерпевший, например: сотрудник органов внутренних дел (ст. 362, 363 УК и др.), лицо, охраняющее общественный порядок (ст. 363 УК), должностное лицо, выполняющее служебные обязанности (ст. 366 УК), иное лицо, выполняющее общественный долг (ст. 366 УК), Президент Республики Беларусь (ст. 367, 368 УК), представитель власти (ст. 369 УК). В отдельных статьях законодатель указывает на предмет преступлений, который представляет собой обязательный признак состава преступления. В качестве такового могут выступать: Государственный герб Республики Беларусь и Государственный флаг Республики Беларусь (ст. 370 УК), официальные документы, штампы, печати (ст. 377, 379, 380 УК), личные документы (ст. 378 УК), идентификационный номер транспортного средства (ст. 381 УК) и др.

Установление признаков, характеризующих объективную сторону преступлений против порядка управления, как правило, трудностей не представляет. Чаще всего указанные преступления характеризуются активной формой преступного поведения. Лишь некоторые из преступлений, предусмотренных гл. 33 УК, могут быть совершены не только в форме действия, но и в форме преступного бездействия (ст. 362, 371^2–375 УК). В большинстве своем преступления против порядка управления по конструкции объективной стороны являются формальными и считаются оконченными с момента совершения соответствующего деяния. Общественно опасные последствия являются конструктивным признаком объективной стороны лишь отдельных основных составов преступлений (ст. 362, 369^3, 372, 378 УК). Обязательным признаком объективной стороны преступления может являться место его совершения – Государственная граница Республики Беларусь (ст. 371 УК).

С субъективной стороны преступления против порядка управления характеризуются только одной формой вины. Так, за убийство сотрудника органов внутренних дел (ст. 362 УК) можно привлечь к уголовной ответственности только при наличии у лица умысла, а за разглашение государственной тайны по неосторожности (ст. 374 УК) – только при наличии неосторожной вины. В то же время мотивы совершения преступлений против порядка управления могут быть различными, например: месть за выполнение сотрудником органов внутренних дел обязанностей по охране общественного порядка (ст. 362 УК), корысть или иные лич-

ные побуждения при хищении, уничтожении, повреждении либо сокрытии документов, штампов, печатей, хищении бланков особой важности (ст. 377 УК). Мотив совершения преступления должен устанавливаться всякий раз, поскольку это может влиять на квалификацию.

В трех статьях гл. 33 УК (ст. 369^2, ч. 1 ст. 371, ч. 1 ст. 387 УК) в качестве необходимого условия привлечения к уголовной ответственности предусмотрена административная преюдиция. Это обстоятельство подлежит обязательному учету при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по указанным статьям. Преступления с признаками административной преюдиции могут совершаться только умышленно.

В трех статьях гл. 33 УК законодатель предусмотрел примечание (ст. 369^3, 371, 372 УК). Два из них (ст. 369^3 и 372 УК) уточняют размер ущерба, третье детализирует действие ст. 371 УК в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших в Республику Беларусь с нарушением правил пересечения Государственной границы Республики Беларусь и ходатайствующих о предоставлении статуса беженца.

Особенности квалификации преступлений, посягающих на установленный порядок управленческой деятельности государственных органов и их представителей, а также авторитет государственной власти. В соответствии со ст. 2 Закона об органах внутренних дел Республики Беларусь охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности являются одной из основных задач органов внутренних дел. К обязанностям по охране общественного порядка, возлагаемым на сотрудников органов внутренних дел, относятся: несение ими постовой или патрульной службы на улицах и в общественных местах, поддержание порядка во время проведения демонстраций, митингов, зрелищ, спортивных соревнований и других массовых мероприятий, при ликвидации последствий аварий, общественных или стихийных бедствий, предотвращение или пресечение противоправных посягательств.

Обеспечение охраны общественного порядка непосредственно возложено на сотрудников милиции общественной безопасности (ст. 16 Закона об органах внутренних дел Республики Беларусь). Сотрудники иных подразделений органов внутренних дел могут быть признаны потерпевшими по ст. 362 УК только в том случае, если они были привлечены к выполнению обязанностей по охране общественного порядка либо в силу закона должны были обеспечивать общественный порядок (ст. 22, 23, 25 Закона об органах внутренних дел Республики Беларусь).

Ст. 23 Закона об органах внутренних дел Республики Беларусь требует от каждого сотрудника на всей территории Республики Беларусь независимо от занимаемой должности, места нахождения и времени в случае обращения к нему должностных лиц и других граждан с заявлением или сообщением о событиях, угрожающих личной или общественной безопасности, либо в случае непосредственного выявления таковых принять возможные меры по пресечению преступления, административного правонарушения, установлению и задержанию лиц, совершивших преступление, административное правонарушение, выявлению очевидцев преступления, административного правонарушения, охране места происшествия.

Понятие «в связи с выполнением обязанностей» охватывает различные ситуации. Так, убийство может совершаться не только непосредственно в момент несения потерпевшим службы по охране общественного порядка, но и спустя определенное время после выполнения сотрудником органов внутренних дел таких обязанностей.

Преступление, которое квалифицируется по ст. 362 УК, следует отграничивать от других преступлений, ответственность за которые предусмотрена УК. Так, убийство сотрудника органов внутренних дел при выполнении им обязанностей, не связанных с охраной общественного порядка, а также убийство иных лиц (например, дружинника) в связи с выполнением обязанностей по охране общественного порядка необходимо квалифицировать по п. 10 ч. 2 ст. 139 УК. Аналогичным образом следует квалифицировать действия виновного, когда он не знал, что лишает жизни именно сотрудника органов внутренних дел (темное время суток, гражданская форма одежды и др.). Причинение сотруднику органов внутренних дел смерти по неосторожности, а также убийство, совершенное на почве личных неприязненных взаимоотношений, квалифицируются на общих основаниях по статьям, предусматривающим ответственность за преступления против человека. Убийство сотрудника органов внутренних дел в связи с выполнением им обязанностей по охране общественного порядка, совершенное несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет, необходимо квалифицировать по п. 10 ч. 2 ст. 139 УК.

В случае одновременного убийства с единым умыслом сотрудника органов внутренних дел в связи с выполнением им обязанностей по охране общественного порядка и частного лица, содеянное необходимо квалифицировать по п. 1 ч. 2 ст. 139 УК.

Ст. 362 УК не применяется в том случае, если убийство сотрудника органов внутренних дел произошло вследствие его незаконной деятель-

ности, проявившейся в процессе охраны общественного порядка. В таком случае умышленное лишение жизни сотрудника органов внутренних дел должно квалифицироваться по ст. 139 УК.

Убийство сотрудника органов внутренних дел в связи с его деятельностью в качестве государственного деятеля, в том числе и за принятие решений в сфере охраны общественного порядка, совершенное из мести за такую деятельность либо при наличии целей, указанных в ч. 2 ст. 359 УК, необходимо квалифицировать как акт терроризма.

Если в результате совершения преступления смерть ошибочно причиняется частному лицу, а не сотруднику органов внутренних дел в связи с выполнением им обязанностей по охране общественного порядка, содеянное должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 14 и ст. 362 УК.

Причинение телесных повреждений, а также угрозу убийством при отсутствии умысла на лишение жизни сотрудника органов внутренних дел необходимо квалифицировать по статьям, предусматривающим ответственность за другие преступления против порядка управления или за преступления против человека.

Сопротивление сотруднику органов внутренних дел или иному лицу при выполнении ими обязанностей по охране общественного порядка заключается в препятствовании их правомерной деятельности по охране общественного порядка, а также в причинении вреда здоровью и нарушении их телесной неприкосновенности. Из диспозиции ст. 363 УК прямо вытекает, что уголовная ответственность за сопротивление сотруднику органов внутренних дел или иному лицу наступает только «при выполнении ими обязанностей» по охране общественного порядка. Тем самым четко обозначено время, в течение которого может быть совершено данное преступление. По этому признаку названное преступление существенно отличается от преступления, предусмотренного ст. 362 УК, в которой речь идет об убийстве сотрудника «в связи с выполнением им обязанностей» по охране общественного порядка. Потерпевшими применительно к ст. 363 УК являются сотрудники органов внутренних дел или иные лица, выполняющие обязанности по охране общественного порядка. К иным лицам, выполняющим обязанности по охране общественного порядка, следует относить сотрудников различных правоохранительных органов, военнослужащих Министерства внутренних дел Республики Беларусь, дружинников, внештатных сотрудников милиции, работников организаций, осуществляющих охранную деятельность, и др.

Ненасильственное сопротивление сотруднику органов внутренних дел или иному лицу при выполнении ими обязанностей по охране об-

щественного порядка, не связанное с физическим воздействием на них, может заключаться в противодействии мерам пресечения к правонарушителю (лицо вырывается при задержании, упирается при доставлении в органы власти или при посадке в автомобиль, пристегивает себя различными приспособлениями к ограждениям или другим гражданам, удерживается за забор или дерево, противодействует применению физической силы или специальных средств и т. п.). Ненасильственное сопротивление отличается от неповиновения (ст. 24.3 «Неповиновение законному распоряжению или требованию должностного лица при исполнении им служебных полномочий» КоАП) по характеру совершаемых действий. При неповиновении виновное лицо отказывается от исполнения законных требований указанных лиц (отказывается выполнять указания, убегает, садится (ложится) на землю и др.).

Сопротивление, сопряженное с применением насилия или угрозой его применения, может выражаться в использовании физической силы путем нанесения ударов сотруднику органов внутренних дел или иному лицу при выполнении ими обязанностей по охране общественного порядка, удушении, таскании за волосы и т. д. Причинение легких или менее тяжких телесных повреждений охватывается ч. 2 ст. 363 УК, и дополнительной квалификации по статьям, предусматривающим ответственность за преступления против человека, не требуется. Однако если результатом насильственного сопротивления явились умышленное причинение тяжкого телесного повреждения или смерть, содеянное необходимо квалифицировать по п. 5 ч. 2 ст. 147 или ст. 362 УК.

Насилие либо угроза его применения обязательно должны иметь место в процессе оказания сопротивления сотруднику органов внутренних дел или иному лицу при выполнении ими обязанностей по охране общественного порядка. Если насилие либо угроза его применения будут применены к сотруднику органов внутренних дел не при выполнении им обязанностей по охране общественного порядка, а в целях, например, воспрепятствования его законной деятельности, содеянное необходимо квалифицировать по ст. 364 УК. Угроза может осуществляться путем высказывания намерения виновного о реальном применении насилия любой степени тяжести, при этом дополнительная квалификация по ст. 186 УК не требуется. Если сопротивление оказывается частному лицу, выполняющему общественный долг по охране общественного порядка по собственной инициативе, содеянное должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 366 УК.

Принуждение сотрудника органов внутренних дел или иного лица, выполняющего обязанности по охране общественного порядка, путем

применения насилия или угрозы его применения к выполнению явно незаконных действий рассматривается как насильственное воздействие на указанных лиц для того, чтобы заставить их вопреки своей воле прекратить осуществление законной деятельности либо совершить явно незаконные действия, противоречие которых закону очевидно для принуждающего. Насилие и иные принудительные способы воздействия на лиц, выполняющих обязанности по охране общественного порядка, выступают лишь видами принуждения (физическое принуждение или психическое принуждение в форме угрозы применения насилия). Если при такого рода принуждении действия виновного заключались в требовании в отношении сотрудника органов внутренних дел совершить преступление, содеянное в зависимости от вида насильственного воздействия должно квалифицироваться по ст. 288 УК.

Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие действия, предусмотренные ст. 363 УК, могут быть привлечены к ответственности, если совершенное деяние образует самостоятельный состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 27 УК.

Совершение хулиганских действий, связанных с сопротивлением сотруднику органов внутренних дел или иному лицу при выполнении ими обязанностей по охране общественного порядка, пресекающим нарушение общественного порядка, охватывается диспозицией ч. 2 ст. 339 УК и дополнительной квалификации по ст. 363 УК не требует.

Случаи насильственного воздействия в отношении сотрудника органов внутренних дел не при выполнении им обязанностей по охране общественного порядка, а равно в отношении его близких должны квалифицироваться по ст. 364 УК.

Если в отношении сотрудника органов внутренних дел виновным совершен ряд непрерывных и взаимосвязанных действий, каждое из которых образует самостоятельное преступление против порядка управления, содеянное необходимо квалифицировать по статье, предусматривающей ответственность за наиболее тяжкое преступление. По совокупности преступлений содеянное надлежит квалифицировать в тех случаях, если действия виновным совершены в разное время по вновь возникшему умыслу.

Уголовная ответственность за клевету в отношении Президента Республики Беларусь предусмотрена ст. 367 УК. Общественная опасность данного преступления выражается в причинении ущерба авторитету государства путем распространения заведомо ложных, позорящих Президента Республики Беларусь измышлений. Распространяемые сведения

должны быть ложными (не соответствующими действительности) и позорящими (унижающими честь и достоинство Президента Республики Беларусь). Они могут содержаться в публичном выступлении (на митинге, собрании, лекции и т. д.), в печатном произведении (т. е. произведении, изготовленном полиграфическим способом), как оригинальном, так и размноженном при помощи различных технических средств (книга, брошюра, листовка, плакат и др.), в публично демонстрирующемся произведении (фильме, аудиозаписи и др.), в средствах массовой информации (в выступлениях по телевидению и радио, газетах, журналах и др.), а также в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет. Автором ложных сведений не всегда является лицо, их распространяющее.

В ст. 367 УК сформулирована специальная норма по отношению к преступлению, предусмотренному ст. 188 УК. Различие необходимо проводить по непосредственному объекту (в ст. 367 УК – это авторитет Президента Республики Беларусь, в ст. 188 УК – честь и достоинство человека), по потерпевшему (в ст. 367 УК – Президент Республики Беларусь, в ст. 188 УК – любой человек). Кроме того, клевета в отношении Президента Республики Беларусь относится к делам публичного обвинения, а уголовная ответственность по ст. 188 УК наступает по требованию потерпевшего (п. 15 ч. 1 ст. 33 УК).

В случае возникновения конкуренции норм ст. 367 и 400 УК, она разрешается с учетом положений ч. 2 ст. 42 УК.

При распространении информации оскорбительного характера в отношении Президента Республики Беларусь ответственность наступает по ст. 368 УК. В этом случае информация оскорбительного характера адресована непосредственно потерпевшему. Она может содержать как ложные, так и подлинные сведения и всегда выражается в неприличной форме. Вопрос о неприличной по форме оценке деятельности Президента Республики Беларусь решается на основе принятых в обществе правил приличия.

Публичное оскорбление Президента Республики Беларусь является квалифицированным, когда оно совершено лицом, ранее судимым за оскорбление или клевету (ст. 188, 189, 367–369, 391, 444 УК), при условии, что судимость не снята или не погашена в установленном законом порядке или соединена с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Необходимо учитывать, что в ст. 369 УК указана общая норма по отношению к преступлению, предусмотренному ст. 391 УК. В случае

возникновения конкуренции этих норм ее следует разрешать с учетом положений ч. 2 ст. 42 УК. Если оскорбление представителю власти наносится из хулиганских побуждений в процессе совершения действий, предусмотренных ч. 1 ст. 339 УК, содеянное необходимо квалифицировать как хулиганство (ст. 339 УК). Норма, сформулированная в ст. 368 УК, является также специальной по отношению к оскорблению представителя власти (ст. 369 УК). В случае распространения заведомо ложных сведений о политическом, экономическом, социальном, военном или международном положении Республики Беларусь, правовом положении граждан в Республике Беларусь, дискредитирующих Республику Беларусь или ее органы власти, иностранному государству, иностранной или международной организации, ответственность наступает по ст. 369^1 УК.

Особенности квалификации преступлений, посягающих на установленный порядок пересечения Государственной границы Республики Беларусь, правил пребывания, а также транзитного перемещения через территорию Республики Беларусь. Общественная опасность незаконного пересечения Государственной границы Республики Беларусь (ст. 371 УК) обусловлена тем, что она является основной составляющей незаконной миграции, выступает существенным криминогенным фактором, влияющим на рост преступности, порождает угрозы ухудшения санитарно-эпидемиологической ситуации в стране. Действия по совершению данного преступления заключаются в пересечении Государственной границы Республики Беларусь вне пунктов пропуска и пограничного контроля либо в пунктах пропуска без соответствующих документов, разрешения или по недействительным документам, в неустановленное время, совершенном в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение. Попытка пересечь Государственную границу Республики Беларусь является покушением на преступление и должна квалифицироваться по ч. 1 ст. 14 и соответствующей части ст. 371 УК. Если режим охраны на границе не установлен, ее пересечение без соответствующих документов или разрешения не образует уголовную противоправность. Незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь должностным лицом с использованием своих служебных полномочий охватывается ч. 2 ст. 371 УК и дополнительной квалификации по ст. 424 УК не требует.

Если лицо осуществляет организацию либо руководство или содействие деятельности по незаконному въезду в Республику Беларусь, пре-

быванию в Республике Беларусь, транзиту через территорию Республики Беларусь или выезду из Республики Беларусь иностранных граждан или лиц без гражданства, в случае, когда сам факт осуществления незаконной миграции является преступлением, предусмотренным ст. 371 либо 371^2 УК, совокупность преступлений отсутствует, содеянное квалифицируется по ст. 371^1 УК. Следует учитывать, что квалификация деяния по ст. 371^1 УК возможна лишь в случае, когда действия виновного характеризуются планомерностью и направленностью на систематическую организацию либо руководство или содействие беспрепятственному осуществлению незаконной миграции.

Особенности квалификации преступлений, посягающих на установленный порядок обращения охраняемых сведений, нормального функционирования линий связи, а также средств, предназначенных для негласного получения информации. Для установления предмета преступления, предусмотренного ст. 374, 375 и 376 УК, необходимо обратиться к Закону Республики Беларусь от 19 июля 2010 г. № 170-З «О государственных секретах» и Указу Президента Республики Беларусь от 25 февраля 2011 г. № 68 «О некоторых вопросах в сфере государственных секретов». Предмет преступления имеет важное значение для точной квалификации рассматриваемых преступлений. Так, отграничение преступления, предусмотренного ст. 374 УК, от преступлений, предусмотренных ст. 177, 178, 226^1, 254, 255, 375 УК, проводится по предмету преступления.

Для правильной квалификации деяния лица, виновного в совершении указанных преступлений, важное значение имеет установление направленности его умысла. Так, при конкуренции преступления, предусмотренного ст. 374 УК, с иными преступлениями (измена государству (ст. 356 УК), шпионаж (ст. 358 УК)) необходимо выяснить, имел ли виновный умысел на передачу сведений, составляющих государственную тайну, иностранному государству, иностранной организации или их представителю в ущерб интересам Республики Беларусь либо преследовал цель разгласить иностранному государству, иностранной организации или их представителям государственную тайну для использования ее в ущерб интересам Республики Беларусь.

Если в результате разглашения сведений, составляющих государственную тайну, либо утраты документов или компьютерной информации, содержащих сведения, составляющие такую тайну, или предметов, сведения о которых составляют такую тайну, наступили тяжкие последствия (причинение материального вреда, срыв важнейших государ-

ственных мероприятий и др.), содеянное необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 374 УК.

Особенности квалификации преступлений, посягающих на установленный порядок обращения документов, штампов, печатей, бланков и средств идентификации. При уяснении понятия «документ» в ст. 377 УК необходимо исходить прежде всего из понимания его в правовом аспекте. В Указе Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 609 «О Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь и о внесении изменений и дополнения в Указ Президента Республики Беларусь от 30 октября 1998 г. № 524» дается разъяснение, что под официальными документами понимаются документы, изданные государственными органами в пределах их компетенции с соблюдением установленных правил.

В ст. 377 УК официальный документ имеет более широкую трактовку, чем в приведенном выше указе. Официальным необходимо признавать документ, исходящий от органов государственной власти или управления, органов управления юридических лиц или от физического лица, надлежащим образом оформленный (с соблюдением соответствующих реквизитов) и удостоверенный в установленном порядке, что придает этому документу публичный характер. В отличие от официального документа, рассматриваемого в ст. 380 УК и констатирующего юридически значимые факты, ст. 377 УК охватываются и те документы, которые не предоставляют каких-либо прав и не освобождают от каких-либо обязанностей.

Официальные документы, исходящие от физических лиц, могут признаваться в качестве предмета данного преступления в двух случаях:

– если документ связан с публично удостоверяющей процедурой его создания, придающей ему официальный характер (например, выданный нотариусом или в установленном порядке должностным лицом);

– в случае принятия организацией в установленном порядке от частного лица документа для его разрешения по существу (например, заявление в правоохранительные органы о совершенном правонарушении).

В связи с развитием информационных технологий широкое распространение получил электронный документооборот. Электронный документ – это документ в электронном виде с реквизитами, позволяющими установить его целостность и подлинность (Закон Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи»). Подлинный электронный документ приравнивается к документу на бумажном носителе и имеет одинаковую с ним

юридическую силу. Электронные документы могут применяться во всех сферах деятельности, где используются технические, программные, программно-аппаратные средства, необходимые для создания, обработки, хранения, передачи и приема информации в электронном виде. Требования к электронному документу установлены ст. 16 указанного закона: он должен создаваться, обрабатываться, храниться, передаваться и приниматься с помощью технических, программных и программно-аппаратных средств; иметь структуру, установленную законом; быть представляемым в форме, доступной и понятной для восприятия человеком.

Официальные документы, штампы, печати, бланки особой важности – материальные носители, содержащие особо важные сведения, незаконные действия с которыми могут причинить существенный вред государству в целом либо отдельным его органам. В ст. 377 УК термин «особая важность» имеет оценочный характер и в каждом конкретном случае его необходимо толковать дифференцированно.

Уголовная ответственность за похищение обычных, не являющихся бланками особой важности не предусмотрена ст. 377 УК. Хищение указанных в диспозиции статьи предметов преступления, сопряженное с насилием, должно квалифицироваться по ст. 377 УК и соответствующей статье о преступлениях против жизни и здоровья. В случае совершения предусмотренных ст. 377 УК действий должностным лицом с использованием служебных полномочий ответственность должна наступать за соответствующее преступление против интересов службы и по ст. 377 УК.

При хищении у гражданина паспорта или другого важного личного документа либо в случае умышленного уничтожения чужого паспорта или другого важного личного документа (ст. 378 УК) содеянное следует квалифицировать с учетом положений ч. 2 ст. 42 УК. Если при совершении хищения имущества гражданина (например, чемодана с вещами) были похищены паспорт или другой важный личный документ и виновное лицо не знало, что в похищаемых вещах находятся такие документы, ответственность по ст. 378 УК не наступает. В случае когда виновное лицо знало о наличии документов в похищаемых вещах, ответственность будет наступать по совокупности преступлений: за хищение документов (ст. 378 УК) и хищение имущества (ст. 205 УК). Хищение паспорта или другого важного личного документа (ст. 378 УК) влечет уголовную ответственность при наличии выраженного в установленном уголовно-процессуальным законом порядке требования лица, пострадавшего от преступления, или его законного представителя либо

представителя юридического лица привлечь виновного к уголовной ответственности (п. 31 ч. 1 ст. 33 УК).

Умышленное уничтожение чужого паспорта или другого важного личного документа в процессе совершения хулиганских действий охватывается этим преступлением (ст. 339 УК) и дополнительной квалификации по ст. 378 УК не требует.

При приобретении лицом с целью дальнейшего использования заведомо поддельного официального документа содеянное может расцениваться как приготовление к иному преступлению. Если виновный незаконно приобрел либо сбыл официальный документ, который в действительности оказался поддельным, его действия необходимо квалифицировать как покушение на незаконные приобретение либо сбыт официальных документов (ч. 1 ст. 14 и ст. 379 УК).

Если виновный осуществляет подделку предметов, указанных в диспозиции ст. 380 УК, с целью совершения иного преступления, содеянное влечет ответственность по совокупности преступлений: ст. 380 УК и приготовление к задуманному преступлению. Если подделка является конструктивным признаком другого готовящегося преступления, данные действия совокупности не образуют и ответственность наступает только за приготовление к преступлению (например, ч. 1 ст. 13 и ст. 209 УК).

Использование заведомо подложного документа для облегчения совершения или сокрытия другого преступления следует квалифицировать по совокупности: ст. 380 и статья Особенной части УК, предусматривающая ответственность за совершенное преступление. Квалификации по ст. 380 УК также не требуется, если использование заведомо подложного документа является конструктивным признаком другого, более тяжкого преступления (например, ч. 2 ст. 435 УК). Если лицо само изготовило и использовало фиктивный документ для совершения хищения отдельных видов имущества (например, мошенничества или хищения путем злоупотребления служебными полномочиями), его действия не требуют дополнительной квалификации по ст. 380 УК.

Если виновный использовал поддельный документ (например, водительское удостоверение), изготовленный другим лицом по его просьбе, данные действия необходимо квалифицировать как использование заведомо подложного документа и подстрекательство другого лица к подделке такого документа. Ответственность лица, изготовившего поддельный документ, наступает по ст. 380 УК.

Сбыт поддельных официальных документов, штампов, печатей, бланков иным лицам для совершения ими преступлений следует квалифицировать по совокупности преступлений: ст. 380 УК и пособничество совершаемому преступлению.

Внесение должностным лицом или иным уполномоченным лицом заведомо ложных сведений и записей в официальные документы либо подделка документов (если имеется корыстная или иная личная заинтересованность) необходимо квалифицировать как служебный подлог (ст. 427 УК). Фальсификация процессуальных документов при наличии соответствующих признаков влечет уголовную ответственность за преступление против правосудия (ст. 395 УК).

Совершение действий, предусмотренных ст. 221, 222, 227, 261^1 УК, надлежит квалифицировать с учетом положений ч. 2 ст. 42 УК.

Особенности квалификации преступлений, посягающих на установленный порядок получения иностранной безвозмездной помощи и взаимодействия с международными организациями. Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 369^2 УК, заключается в нарушении установленного порядка получения и использования иностранной безвозмездной помощи.

Предоставление иностранной помощи регламентируется Декретом Президента Республики Беларусь от 25 мая 2020 г. № 3 «Об иностранной безвозмездной помощи» и совместным постановлением Совета Министров Республики Беларусь и Управления делами Президента Республики Беларусь от 27 августа 2020 г. № 502/4 «О мерах по реализации Декрета Президента Республики Беларусь от 25 мая 2020 г. № 3 „Об иностранной безвозмездной помощи“».

В п. 2 Декрета Президента Республики Беларусь от 25 мая 2020 г. № 3 «Об иностранной безвозмездной помощи» указано, что получение и (или) использование безвозмездной помощи запрещается для следующих целей:

– осуществления террористической и иной экстремистской деятельности, других деяний, запрещенных законодательством, а равно причиняющих вред национальной безопасности, государственным и (или) общественным интересам или создающих угрозу причинения такого вреда;

– финансирования политических партий, союзов (ассоциаций) политических партий;

– подготовки или проведения выборов, референдумов, отзыва депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутатов местного Совета депутатов, организации либо

проведения собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирования, забастовок, изготовления или распространения агитационных материалов;

– организации мероприятий, направленных на проведение политической и агитационно-массовой работы среди населения.

Получение, а равно хранение, перемещение иностранной безвозмездной помощи для финансирования экстремистской деятельности (ст. 361^2 УК) или финансирования террористической деятельности (ст. 290^1 УК) необходимо квалифицировать по совокупности преступлений. В случае возникновения конкуренции иных норм УК (ст. 132, 290^1, 293, 342, 361^2, 361^3 УК и др.) и действий, связанных с получением, хранением или перемещением безвозмездной помощи, осуществляемой для совершения других деяний, запрещенных законодательством Республики Беларусь, содеянное следует квалифицировать с учетом положений ч. 2 ст. 42 УК.

Особенности квалификации преступлений, посягающих на установленный порядок осуществления своего права и исполнения обязанностей. Порядок проведения массовых мероприятий регулируется Законом Республики Беларусь от 30 декабря 1997 г. № 114-З «О массовых мероприятиях». Массовое мероприятие – собрание, митинг, уличное шествие, демонстрация, пикетирование и др. Ответственность по ст. 369^3 УК наступает при условии отсутствия признаков преступлений, предусмотренных ст. 293 и 342 УК.

Общественная опасность принуждения к выполнению договорных обязательств (ст. 384 УК) заключается в нарушении установленного действующим законодательством порядка исполнения обязательств. Обязательства могут возникать из договора, вследствие причинения вреда, неосновательного обогащения и из иных оснований, содержащихся в действующем законодательстве (ч. 2 ст. 288 Гражданского кодекса Республики Беларусь).

Сведения, способные причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких, – это такие сведения личного или иного характера, которые лицо желает сохранить в тайне (информация об усыновлении детей, коммерческая тайна и др.). Определяются в каждом конкретном случае индивидуально, исходя из обстоятельств дела.

Лицо, в отношении которого совершаются противоправные действия, чаще всего является должником (обязано вернуть долг, выполнить определенную работу или оказать услугу, передать имущество и т. п.).

Возможна ситуация, когда виновное лицо принуждает потерпевшего к воздержанию от определенных действий.

Указанные в диспозиции ст. 384 УК способы принуждения являются альтернативными. Однако в процессе принуждения к выполнению договорных обстоятельств возможно одновременное применение разных способов. Совершение различных действий в рамках одного преступления необходимо отличать от повторного совершения преступления (ч. 2 ст. 384 УК), когда различные способы принуждения к выполнению обязательств не охватываются единым умыслом.

Противоправно принуждая потерпевшего к выполнению обязательств, виновное лицо нарушает установленный законом порядок осуществления своего действительного или оспариваемого права. По данному признаку рассматриваемое преступление отличается от общественно опасных действий, предусмотренных ст. 185 УК.

Уголовная ответственность за принуждение к выполнению обязательств наступает при отсутствии признаков вымогательства. При вымогательстве виновное лицо стремится изменить отношения собственности, принуждает потерпевшего отказаться от имущества, преследуя корыстную цель (обогащение) за счет завладения чужим имуществом.

Лицо, не имеющее права в силу гражданско-правового обязательства требовать от должника исполнения обязательств, не может быть субъектом названного преступления.

Принуждение к выполнению обязательств с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья (ч. 2 ст. 384 УК), или с применением насилия, опасного для жизни или здоровья (ч. 3 ст. 384 УК), влечет повышенную уголовную ответственность. Если в процессе принуждения к выполнению обязательств причиняется насилие, выражающееся в умышленном причинении потерпевшему тяжкого телесного повреждения (ч. 2 или 3 ст. 147 УК) или же повлекшее причинение смерти (ст. 139 УК), уголовная ответственность наступает по совокупности преступлений (ч. 2 ст. 384 и ч. 2 или 3 ст. 147 либо ст. 139 УК). Причинение смерти либо тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения по неосторожности при принуждении к выполнению обязательств следует квалифицировать по совокупности преступлений (ч. 1 ст. 384 и соответственно ст. 144, 155 УК).

В случае принуждения к выполнению обязательств, совершенного группой лиц либо организованной группой, также наступает повышенная уголовная ответственность в рамках ч. 2 ст. 384 УК.

Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения под угрозой применения насилия над потерпевшим или его близкими либо уничтожения или повреждения их имущества надлежит квалифицировать по ст. 246 УК.

3.9. Особенности квалификации ряда преступлений против правосудия

Общие положения. В соответствии с Кодексом Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей правосудие – это деятельность судов, связанная с рассмотрением дел посредством гражданского, уголовного и иных форм судопроизводства, предусмотренных законом. В теории права и законодательстве правосудие нередко трактуется шире и подразумевает всю сферу юстиции, включая процессуальную и исполнительную деятельность. В уголовном праве в рамках преступлений против правосудия термин «правосудие» охватывает как досудебную (дознание и предварительное следствие), так и судебную процессуальную деятельность, а также деятельность государственных органов и учреждений по исполнению судебных решений.

В некоторых преступлениях против правосудия обязательным признаком является предмет преступления, например: в составе фальсификации доказательств предметом преступления выступают доказательства по гражданскому, хозяйственному (ч. 1 ст. 395 УК) или уголовному делу (ч. 2 ст. 395 УК); предметом умышленного разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении защищаемого лица, являются сведения о мерах безопасности, применяемых в отношении такого лица (ст. 408 УК), и др.

Большинство преступлений против правосудия совершаются путем активных действий. Вместе с тем некоторые преступления могут быть совершены только путем бездействия (недонесение о преступлении, уклонение от отбывания некоторых видов наказаний, несоблюдение требований превентивного надзора). Некоторые преступления могут быть совершены как путем действия, так и бездействия, например: отказ либо уклонение свидетеля или потерпевшего от дачи показаний либо эксперта или переводчика от исполнения возложенных на них обязанностей (ст. 402 УК), уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы или ареста (ст. 414 УК) и др.

Обязательными признаками объективной стороны ряда преступлений данной группы выступают: способ совершения преступления (шантаж, применение насилия, издевательство над потерпевшим (ст. 394 УК)), место совершения преступления (исправительное учреждение, исполняющее наказание в виде лишения свободы (ст. 411 УК)), время совершения преступления (в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения (ст. 421 УК)).

Подавляющее большинство преступлений против правосудия по конструкции объективной стороны являются формальными, вследствие чего они считаются оконченными с момента совершения деяния. В то же время некоторые составы преступлений имеют формально-материальную конструкцию: привлечение в качестве обвиняемого заведомо невиновного (ч. 3 ст. 393 УК), заведомо незаконные задержание или заключение под стражу (ч. 2 ст. 397 УК), незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту (ст. 409 УК), воспрепятствование конфискации имущества (ст. 420 УК).

Все преступления данной группы совершаются умышленно.

В ряде составов преступлений (ст. 393, 397, 400 УК и др.) обязательно наличие признака заведомости, который означает достоверное знание лицом какого-то обстоятельства, имеющего уголовно-правовое значение.

Для некоторых преступлений обязательным признаком субъективной стороны являются цель либо мотив, например: с целью воспрепятствования всестороннему, полному и объективному рассмотрению или расследованию дела либо с целью добиться вынесения незаконного судебного приговора, решения, иного судебного акта или незаконного постановления органа уголовного преследования при производстве по уголовному делу (ст. 390 УК), в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа (ст. 396 УК). При квалификации деяний, связанных с уклонением осужденного от отбывания наказания в виде лишения свободы или ареста (ст. 414 УК), необходимо наличие у осужденного специальной цели: уклониться от отбывания назначенного ему наказания. Игнорирование этой цели приводит к ошибкам в квалификации таких преступлений.

Преступления данной группы могут совершаться как общим субъектом (ст. 388, 389, 391, 396, 400, 403–406 УК), так и специальным: должностным лицом (ст. 390, 423 УК); судьей, народным заседателем, прокурором, следователем, лицом, производящим дознание (ст. 392–395, 397–399 УК); участником процесса, не являющимся должностным лицом, либо лицом, причастным к процессу (ст. 401, 402, 407–409 УК); осужденным и лицом, имеющим судимость (ст. 410, 411, 413, 414, 421, 422 УК).

В двух статьях гл. 34 «Преступления против правосудия» УК законодатель предусмотрел примечания. Так, в примечании к ст. 402 УК указано, что лицо не подлежит уголовной ответственности при отказе или уклонении от дачи показаний против самого себя, членов своей семьи, близких родственников. Примечанием к ст. 406 УК закреплено положение, согласно которому не подлежат уголовной ответственности за недонесение о преступлении члены семьи и близкие родственники лица, совершившего преступление, священнослужитель, узнавший о преступлении на исповеди, а также защитник, узнавший о преступлении во время исполнения своих профессиональных обязанностей.

Преступления против правосудия классифицируют по различным основаниям. По непосредственному объекту преступления против правосудия разделяются на следующие группы:

– преступления против независимости правосудия (ст. 388–391 УК);

– преступления против порядка отправления правосудия (ст. 392–409 УК);

– преступления против порядка отбывания или исполнения назначенного судом наказания, конфискации имущества (ст. 410, 411, 413, 414, 420 УК);

– преступления против порядка осуществления превентивного надзора (ст. 421, 422 УК);

– преступления должностных лиц против порядка исполнения судебных актов (ст. 423, 423[1] УК).

Особенности квалификации отдельных преступлений против независимости правосудия и против порядка отправления правосудия. При применении ст. 390 *«Вмешательство в разрешение судебных дел или производство предварительного расследования»* УК следует иметь в виду, что если способом воздействия является передача материального вознаграждения либо предоставление бесплатно услуг материального характера, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений (ст. 390 и 431 УК).

В том случае, если должностное лицо воздействует на судью или заседателя, используя не свои полномочия, а лишь потенциальное влияние, авторитет, связи, содеянное необходимо квалифицировать как подстрекательство к вынесению заведомо неправосудного судебного акта по ч. 5 ст. 16 и ст. 392 УК. Если действия виновного оказались неудачными, содеянное должно квалифицироваться как приготовление к вынесению заведомо неправосудного судебного акта по ст. 13 и 392 УК.

При применении ст. 393 *«Привлечение в качестве обвиняемого заведомо невиновного»* УК нужно учитывать, что незаконное привлечение лица в качестве обвиняемого предполагает вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявление обвинения. В случае вынесения незаконного постановления о привлечении в качестве обвиняемого без предъявления обвинения содеянное необходимо квалифицировать как покушение на привлечение в качестве обвиняемого заведомо невиновного (ч. 1 ст. 14 и ст. 393 УК).

Если виновное лицо на основании незаконного постановления совершает иные следственные или процессуальные действия (незаконное отстранение от должности, проведение незаконного обыска и т. п.), такие деяния требуют дополнительной квалификации.

Исключается ответственность по ст. 393 УК, если незаконное привлечение в качестве обвиняемого произошло в результате небрежного отношения лица, осуществляющего предварительное расследование, к исполнению своих служебных обязанностей либо неверной оценки собранных по делу доказательств. При наличии признаков, указанных в ст. 428 УК, содеянное образует служебную халатность.

Если привлечение в качестве обвиняемого заведомо невиновного произошло в результате самооговора, ответственность по ст. 393 УК также исключается.

При применении ст. 394 *«Принуждение к даче показаний»* УК следует принимать во внимание, что в случае умышленного причинения потерпевшему тяжких телесных повреждений или смерти содеянное требует дополнительной квалификации соответственно по ст. 147 или 139 УК.

В связи с тем, что ст. 394 УК криминализировано только принуждение эксперта к даче заключения, принуждение эксперта к даче объяснений в ходе его допроса не подпадает под признаки данного преступления и должно квалифицироваться по ст. 426 УК.

Принуждение к даче показаний следует отличать от иных преступлений против правосудия. Различие проводится по признакам субъекта преступления. Субъектом данного преступления может быть только лицо, производящее дознание, предварительное следствие или осуществляющее правосудие. Если принуждение осуществляет обычный гражданин, его действия квалифицируются по ст. 404 УК.

При применении ст. 396 *«Инсценировка получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа»* УК следует иметь в виду, что возбуждение у должностного лица или соответствующего

работника решимости получить незаконное вознаграждение с целью дальнейшего изобличения этого лица или шантажа (провокация) должно рассматриваться как подстрекательство к получению взятки, либо принятию незаконного вознаграждения, либо коммерческому подкупу.

Если при проведении оперативного эксперимента провокационные действия осуществляются должностными лицами правоохранительных органов, содеянное требует дополнительной квалификации по ст. 426 УК.

Если в результате инсценировки получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа наступили тяжкие последствия, которые не охватываются составом ст. 396 УК, содеянное следует квалифицировать по ч. 3 ст. 395 УК, так как состав инсценировки соотносится с составом фальсификации доказательств как специальный и общий.

При применении ст. 397 *«Заведомо незаконные задержание или заключение под стражу»* УК необходимо учитывать, что если деяния, предусмотренные ст. 397 УК, совершает должностное лицо, которое не является субъектом этого преступления, содеянное необходимо квалифицировать как превышение власти или служебных полномочий (ст. 426 УК). Подобным образом следует квалифицировать и деяния должностного лица, выразившиеся в заведомо незаконном административном задержании или аресте. Частное лицо за подобные деяния, которые выражаются в водворении потерпевшего в изолированное помещение, связывании и ином ограничении или лишении личной свободы, привлекается к ответственности по ст. 183 УК.

При применении ст. 398 *«Производство заведомо незаконного обыска»* УК следует иметь в виду, что субъектом данного преступления является лицо, производящее дознание, или следователь. Прокурор может быть привлечен к уголовной ответственности по указанной статье, если он лично производил заведомо незаконный обыск. Если действие прокурора или его заместителя было выражено лишь в санкционировании обыска при отсутствии для этого законного основания, содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений: как соучастие в производстве заведомо незаконного обыска и злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК). Производство незаконного обыска иным должностным лицом при исполнении должностных полномочий влечет ответственность по ст. 426 УК.

Проведение незаконного осмотра или незаконной выемки в жилище или ином законном владении граждан необходимо квалифицировать как

нарушение неприкосновенности жилища и иных законных владений граждан, совершенное должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 2 ст. 202 УК), а в местах, которые не относятся к законным владениям граждан, – по ст. 426 либо 455 УК.

При применении ст. 399 *«Незаконное освобождение от уголовной ответственности»* УК нужно учитывать, что лицо, вынесшее незаконное процессуальное решение, при наличии иной личной заинтересованности дополнительно привлекается к ответственности по ст. 424 УК, а если эти действия совершены с целью получения материальных ценностей или выгод имущественного характера – по ст. 430 УК за получение взятки.

Если при незаконном освобождении от уголовной ответственности совершены иные должностные злоупотребления (принуждение свидетеля к отказу от дачи показаний, фальсификация доказательств и т. д.), содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений.

При применении ст. 405 *«Укрывательство преступлений»* УК следует иметь в виду, что если заранее не обещанное укрывательство осуществляет должностное лицо с использованием своего служебного положения, содеянное требует дополнительной квалификации по ст. 424 УК.

Сокрытие потерпевшего в целях создания препятствия для своевременного выявления тяжкого или особо тяжкого преступления при наличии признаков, предусмотренных ст. 183 УК, может квалифицироваться как незаконное лишение свободы. В некоторых случаях подобное деяние необходимо дополнительно квалифицировать и по ст. 405 УК как укрывательство следов преступления (например, удержание потерпевшего до момента, пока заживут следы насильственного на него воздействия).

Укрывательство огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного охотничьего), боеприпасов, взрывчатых веществ либо наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров (похищенных при квалифицирующих обстоятельствах или изготовленных, переработанных или приобретенных при наличии цели сбыта), либо ядовитых и сильнодействующих веществ (добытых группой лиц или повторно), либо радиоактивных материалов (добытых путем хищения) требует дополнительной квалификации за незаконное хранение указанных средств или веществ соответственно по ст. 295, 322, 328, 333 УК.

Укрывательство предметов, добытых преступным путем, следует отличать от заранее не обещанных приобретения, хранения либо сбыта материальных ценностей, приобретенных преступным путем. При совершении действий, ответственность за которые предусмотре-

на ст. 236 УК, виновное лицо вовсе не обязательно должно сознавать характер и обстоятельства совершения преступления, в результате которого были приобретены материальные ценности. Достаточно, чтобы лицо понимало, что предметом сделки является имущество, которое его обладатель получил в результате уголовно-противоправного поведения. Главным отличительным признаком при этом является цель совершения преступления. Если при приобретении, хранении либо сбыте материальных ценностей, полученных в результате совершения преступления, лицо не преследует цели сокрытия этого имущества от органов правосудия, содеянное должно квалифицироваться по ст. 236 УК[1].

При применении ст. 406 *«Недонесение о преступлении»* УК следует иметь в виду, что недонесение о готовящемся либо о совершенном преступлении независимо от степени его тяжести, совершенное должностным лицом, при наличии признаков, указанных в ст. 425 УК, квалифицируется как бездействие должностного лица.

При применении ст. 407 *«Разглашение данных дознания, предварительного следствия или закрытого судебного заседания»* УК следует учитывать, что разглашение сведений об интимных сторонах жизни участников процесса или других данных, составляющих личную или семейную тайну, совершенное до окончания рассмотрения дела судом, если одновременно оглашаются сведения, влияющие на исход дела, квалифицируется по совокупности преступлений (ст. 203[1] (при наличии признаков этого преступления) и 407 УК).

При применении ст. 408 *«Умышленное разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении защищаемого лица»* УК необходимо принимать во внимание, что если разглашение сведений о мерах безопасности было совершено должностным лицом, которому данные сведения были доверены или стали известны по службе, за обусловленное вознаграждение, содеянное необходимо дополнительно квалифицировать как получение взятки (ст. 430 УК).

Разглашение таких сведений иным лицом, если оно было в установленном законом порядке предупреждено о недопустимости их разглашения, обусловленное подкупом со стороны заинтересованных лиц, не исключает ответственности по ст. 433 УК.

[1] См.: Марчук В.В. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Особенная часть. Раздел XIII. Преступления против государства и порядка осуществления власти и управления. Глава 34. Преступления против правосудия (статьи 388–423) (по состоянию на 15.01.2016) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».

Особенности квалификации отдельных преступлений против порядка отбывания или исполнения назначенного судом наказания, конфискации имущества. При применении ст. 410 *«Действия, дезорганизующие работу исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома»* УК следует иметь в виду, что если при совершении данного преступления было причинено легкое или менее тяжкое телесное повреждение, содеянное не требует дополнительной квалификации за преступление против жизни и здоровья. В судебной практике правовая оценка умышленного причинения тяжкого телесного повреждения определяется на основе сопоставления санкций соответствующих частей ст. 147 и ч. 1 или 2 ст. 410 УК.

Убийство представителя администрации исправительного учреждения или арестного дома либо убийство осужденного из мести за исполнение им общественной обязанности в результате его терроризирования требует дополнительной квалификации по п. 10 ч. 2 ст. 139 УК.

Необходимо также учитывать, что субъектом создания организованной преступной группы является только лицо, совершившее организационные действия по формированию организованной группы. Участники организованной группы не несут ответственности за создание организованной преступной группы. Если осужденный или иное лицо вошли в состав организованной преступной группы в качестве ее участников, их поведение следует оценивать как приготовление к действиям, дезорганизующим работу исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома, в форме терроризирования осужденных или нападения на представителей администрации либо как приготовление к преступлениям против жизни или здоровья. Действия участника организованной преступной группы, терроризировавшего осужденных или осуществлявшего нападение на представителей администрации, следует квалифицировать со ссылкой на ст. 18 УК[1].

Если в ходе выполнения действий, дезорганизующих работу исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома, совершаются иные преступления, они квалифицируются дополнительно.

[1] См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. комментарий / Т.П. Афонченко [и др.] ; под ред. В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. С. 880–881.

При применении ст. 413 *«Побег из исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, арестного дома или из-под стражи»* УК следует принимать во внимание, что побег, совершенный лицом в случае явно незаконного заключения его под стражу либо осуждения при отсутствии его вины, исключает уголовную ответственность по ст. 413 УК.

Если побег совершен одним осужденным или лицом, содержащимся под стражей, при содействии одного или нескольких осужденных, он не может быть квалифицирован по ч. 2 ст. 413 УК как совершенный группой лиц. Действия лиц, которые оказывали содействие в побеге, следует квалифицировать как пособничество в побеге (ч. 6 ст. 16, ч. 1 ст. 413 УК). Пресечение действий указанных лиц на стадии их сговора к побегу образует приготовление к совершению данного преступления.

Если насилие при побеге повлекло причинение тяжких телесных повреждений, содеянное требует дополнительной квалификации по ст. 147 УК, при этом причинение такого повреждения сотруднику администрации или осужденному, пытающемуся предотвратить побег, квалифицируется по п. 5 ч. 2 ст. 147 УК. Если тяжкое телесное повреждение причиняется иным лицам, содеянное необходимо квалифицировать по ч. 1 ст. 147 УК. Если в результате применения насилия при побеге была умышленно причинена смерть потерпевшему, содеянное требует дополнительной квалификации по п. 8 ч. 2 ст. 139 УК.

Если при побеге осуществлен захват заложников, содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений (ч. 2 ст. 413 и соответствующая часть ст. 291 УК).

При применении ст. 414 *«Уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы или ареста»* УК следует иметь в виду, что уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы или ареста при отсутствии условий, указанных в данной статье, должно квалифицироваться как побег (ст. 413 УК).

Особенности квалификации преступлений против порядка осуществления превентивного надзора. При применении ст. 421 *«Несоблюдение требований превентивного надзора»* УК необходимо учитывать, что совершение поднадзорным осужденным административного правонарушения или преступления не должно являться основанием для привлечения его к ответственности по ст. 25.11 КоАП либо ст. 421 УК. Вместе с тем при наличии условий, предусмотренных ч. 12 ст. 80 УК, превентивный надзор может быть продлен судом в пределах срока судимости. В случае осуждения лица за совершение преступления к наказанию в виде лишения свободы превентивный надзор прекращается (п. 4 ч. 11 ст. 80 УК), а при осуждении к наказанию в виде ограничения свободы или ареста он приостанавливается (ч. 9 ст. 80 УК).

При применении ст. 422 *«Уклонение от превентивного надзора»* УК следует принимать во внимание, что уклонение от превентивного надзора в иных формах, не указанных в диспозиции этой статьи (например, неявка в орган внутренних дел для регистрации), не может влечь ответственности по данной статье, а является административным правонарушением либо преступлением, ответственность за которое предусмотрена ст. 421 УК.

Если лицо, за которым был установлен превентивный надзор, не прибыло к избранному им месту жительства в связи с задержанием за совершение нового преступления, совокупность преступлений (ст. 422 УК и статья, по которой квалифицируется совершение нового преступления) исключается.

В случае выезда поднадзорного за пределы Республики Беларусь и при наличии признаков, предусмотренных ст. 371 УК, имеет место идеальная совокупность преступлений, а при их отсутствии виновное лицо подлежит административной ответственности по ст. 24.18 КоАП.

Особенности квалификации преступлений должностных лиц против порядка исполнения судебных актов. При применении ст. 423 *«Неисполнение приговора, решения или иного судебного акта»* УК следует учитывать, что если неисполнение соответствующего судебного акта сопровождалось служебным подлогом, а равно получением взятки, должностное лицо должно дополнительно нести ответственность за соответствующее преступление против интересов службы.

К уголовной ответственности по данной статье может быть привлечено только то должностное лицо, в круг служебных полномочий которого входит обязанность совершать действия, обеспечивающие исполнение приговора, решения или иного судебного акта. Субъектом воспрепятствования исполнению судебного постановления может быть и иное должностное лицо, умышленные деяния которого обусловили невозможность исполнить судебные акты, указанные в диспозиции названной статьи. Действия лиц, которые, не обладая признаками специального субъекта, непосредственно принимали участие в деяниях должностного лица, обусловивших неисполнение судебного акта либо воспрепятствование его исполнению, необходимо квалифицировать как

действия организаторов, подстрекателей или пособников по соответствующей части ст. 16 и ст. 423 УК.

При применении ст. 423[1] *«Неисполнение решения о признании организации, деятельности индивидуального предпринимателя экстремистскими, о прекращении деятельности представительства иностранной или международной организации и (или) приостановлении их деятельности»* УК следует принимать во внимание, что названная норма является специальной по отношению к ст. 423 УК, поэтому идеальная совокупность данных преступлений исключается, квалификация содеянного осуществляется по специальной норме.

3.10. Особенности квалификации некоторых преступлений против интересов службы

Общие положения. В современных условиях развития государства преступления против интересов службы представляют угрозу национальной безопасности, оказывают дестабилизирующее влияние на все сферы деятельности общества, значительно тормозят социально-экономические преобразования. Большинство преступлений, закрепленных гл. 35 «Преступления против интересов службы» УК, относятся к коррупционным. Вследствие этого правильная юридическая оценка преступлений против интересов службы непосредственно влияет на эффективность противодействия коррупции в Республике Беларусь.

В следственной и судебной практике нередко допускаются ошибки, обусловленные сложностью юридической оценки данной группы преступлений. Отдельные разъяснения о применении уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления против интересов службы, изложены в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве (статьи 430, 431 и 432 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» (далее – Постановление от 26 июня 2003 г. № 6), а также в Постановлении от 16 декабря 2004 г. № 12.

Преступления против интересов службы могут совершаться в органах или организациях независимо от формы их собственности. Под интересами службы понимается нормальное функционирование органа или организации, основанное на четком соблюдении и выполнении обязанностей, возлагаемых на служащего в соответствии с занимаемой им должностью и предназначением самой службы.

Важное значение для квалификации преступлений против интересов службы имеет правильное понимание понятия «должностное лицо». Так, к должностным лицам в соответствии с ч. 4 ст. 4 УК относятся:

– представители власти, т. е. депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутаты местных Советов депутатов, а также государственные служащие, имеющие право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе. К представителям власти могут быть отнесены работники органов внутренних дел, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, судебные исполнители, военнослужащие пограничной службы (при непосредственном выполнении обязанностей по охране Государственной границы), сотрудники государственных органов, осуществляющие контрольные и надзорные функции, и т. д.;

– представители общественности, т. е. лица, не находящиеся на государственной службе, но наделенные в установленном порядке полномочиями представителя власти при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, а также по отправлению правосудия. К представителям общественности относятся члены добровольной дружины, внештатные сотрудники правоохранительных органов, участники объединений граждан, содействующих правоохранительным органам в охране правопорядка, народные заседатели и т. д.;

– лица, выполняющие организационно-распорядительные обязанности, которые в силу занимаемой должности наделены полномочиями по осуществлению руководства коллективом, включая деятельность по подбору, расстановке кадров, по организации труда подчиненных, обеспечению трудовой дисциплины и т. п. К данной группе должностных лиц относятся руководители министерств и ведомств, учреждений, организаций, предприятий и их заместители, руководители структурных подразделений (начальники цехов, заведующие кафедрами, лабораториями и т. п.) и их заместители, руководители участков работ (мастера, прорабы, бригадиры). Должностные лица указанной категории имеют в подчинении других лиц;

– лица, занимающие должности, связанные с выполнением административно-хозяйственных обязанностей, которые постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняют обязанности, связанные с управлением или распоряжением имуществом, а также осуществляют

организацию учета и контроля за отпуском и реализацией материальных ценностей. К данной категории можно отнести заведующего складом, магазином, базой, главного бухгалтера, контролера, ревизора и др. Наличие подчиненных при осуществлении указанных обязанностей необязательно;

– лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий, т. е. работники, совершающие такие действия, в результате которых наступают или могут наступить юридически значимые последствия в виде возникновения, изменения или прекращения правоотношений, субъектами которых являются иные лица. Совершение юридически значимых действий для должностных лиц данной категории может являться как непосредственной профессиональной обязанностью (например, нотариусы), так и выполняться по специальному полномочию наряду с иными профессиональными обязанностями;

– должностные лица иностранных государств, т. е. лица, наделенные в иностранных государствах в соответствии с законодательством этих государств полномочиями, которые аналогичны полномочиям, перечисленным в п. 1–3 ч. 4 ст. 4 УК. К данной категории должностных лиц относятся также третейские судьи и присяжные заседатели, а равно должностные лица международных организаций, члены международных парламентских собраний, судьи и должностные лица международных судов.

В ч. 5 ст. 4 УК содержится исчерпывающий перечень должностных лиц, занимающих ответственное положение. Указанный признак является квалифицирующим для некоторых составов преступлений против интересов службы. Перечень должностных лиц, занимающих государственные должности, закреплен ч. 2 примечаний к ст. 90 УК.

Значительную сложность при квалификации преступлений против интересов службы представляет установление признаков объективной стороны. Большинство статей гл. 35 «Преступления против интересов службы» УК имеют бланкетные диспозиции, поэтому при установлении признаков объективной стороны конкретного преступления необходимо обращаться к нормативным правовым актам, регламентирующим деятельность должностных лиц.

Отдельные правила квалификации преступлений против интересов службы закреплены непосредственно ч. 1 примечаний к гл. 35 УК. Так, если должностное лицо использовало свои властные или иные служебные полномочия для совершения преступления, не названного в гл. 35 УК, оно несет ответственность по совокупности преступлений. Совершение такого преступления признается существенным вредом, предусмотренным статьями указанной главы. Правило о совокупности преступлений не применяется, если совершение должностным лицом преступления предусмотрено в качестве признака иного преступления.

Особенности квалификации преступлений против интересов службы, совершаемых только должностными лицами. Преступления, предусмотренные ст. 424–426, 428–430 УК, совершаются специальным субъектом – должностным лицом. К субъекту преступления, предусмотренному ст. 429 УК, предъявляется дополнительное требование: должностное лицо должно находиться на государственной службе.

Норма, предусматривающая уголовную ответственность за *злоупотребление властью или служебными полномочиями* (ст. 424 УК), является общей по отношению к нормам, предусмотренным ст. 425–430 УК. Идеальная совокупность злоупотребления властью или служебными полномочиями и других преступлений против интересов службы исключается. Реальная совокупность возникает, например, в том случае, когда должностное лицо получает взятку за действия по службе, которые сами по себе образуют состав злоупотребления властью или служебными полномочиями.

Под злоупотреблением властью или служебными полномочиями понимаются такие умышленные действия должностного лица по службе, которые соответствуют его служебным полномочиям, т. е. связаны с осуществлением предоставленных ему прав и обязанностей, но совершены вопреки интересам службы из корыстной или иной личной заинтересованности.

При разграничении злоупотребления властью или служебными полномочиями и превышения служебных полномочий следует учитывать, что при злоупотреблении должностное лицо действует в пределах своей компетенции, но вопреки интересам службы. При превышении власти или служебных полномочий действия лица изначально являются противоправными и явно выходят за пределы полномочий.

По конструкции объективной стороны состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 424 УК, является материальным и предполагает наступление одного из альтернативных последствий в виде ущерба в крупном размере, существенного вреда правам и законным интересам

граждан, существенного вреда государственным или общественным интересам. Если размер ущерба можно отнести к количественным последствиям, существенный вред в большинстве случаев представляет собой их качественную характеристику, идентификация которой в процессе правоприменения представляет определенную сложность.

В соответствии с п. 20 Постановления от 16 декабря 2004 г. № 12 при решении вопроса о том, является ли вред, причиненный правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам, существенным, судам нужно учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного физического или морального вреда и т. п. Существенный вред может выражаться в нарушении конституционных прав и свобод граждан, в подрыве авторитета органов власти, государственных, общественных и других организаций, в нарушении общественного порядка.

В ч. 3 ст. 424, а также ч. 3 ст. 425, ч. 3 ст. 426, ч. 2 ст. 428 УК в качестве одного из общественно опасных последствий указываются тяжкие последствия. Действия должностного лица должны быть квалифицированы по признаку «наступление тяжких последствий» при условии, что деяния, совершенные виновным, повлекли за собой:

– крупные аварии, катастрофы;

– длительную дезорганизацию работы транспорта или производственного процесса, работы учреждения, предприятия, организации;

– нанесение имущественного ущерба в особо крупных размерах (за исключением служебной халатности);

– причинение по неосторожности смерти или тяжких телесных повреждений хотя бы одному человеку;

– самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т. п.

Обязательным признаком субъективной стороны злоупотребления властью или служебными полномочиями являются альтернативные последствия – корыстная или иная личная заинтересованность. Преступление, совершенное по другим мотивам, не может быть квалифицировано по ст. 424 УК даже в том случае, когда наступили общественно опасные последствия в виде ущерба в крупном размере либо существенного вреда правам и законным интересам граждан, либо государственным или общественным интересам.

Факт использования лицом своих служебных полномочий должен быть подтвержден посредством указания на конкретные совершенные

либо не совершенные должностным лицом деяния, которые соответствуют определенным служебным полномочиям, закрепленным в должностной инструкции либо ином документе. Использование должностным лицом влияния предоставленной ему власти либо своего служебного положения не может быть квалифицировано как злоупотребление властью или служебными полномочиями.

Уголовно наказуемым *бездействием должностного лица* (ст. 425 УК) признается умышленное вопреки интересам службы неисполнение должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действий, которые оно должно было и могло совершить в силу возложенных на него служебных обязанностей, сопряженное с попустительством преступлению либо повлекшее невыполнение показателей, достижение которых являлось условием оказания государственной поддержки, либо причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам.

Норма, предусматривающая уголовную ответственность за бездействие должностного лица, является общей по отношению к некоторым специальным нормам, расположенным в иных главах Особенной части УК (например: к неоказанию капитаном судна помощи терпящим бедствие (ст. 160 УК), невозвращению из-за границы денежных средств, совершенному должностным лицом (ст. 225 УК), и т. д.).

Состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 425 УК, по конструкции объективной стороны относится к формально-материальным. Факт бездействия должностного лица, сопряженного с попустительством преступлению, признается преступлением независимо от наступления общественно опасных последствий.

В целях установления конструктивных признаков объективной стороны бездействия должностного лица необходимо установить:

– объем и содержание служебных обязанностей должностного лица;

– факт ознакомления должностного лица со своими обязанностями;

– конкретную обязанность (обязанности), не исполненную вопреки интересам службы, и действие (действия), которое не совершило должностное лицо;

– наличие объективной необходимости совершения этого действия в конкретной обстановке;

– наличие у должностного лица реальной возможности реализовать свои служебные обязанности;

– наличие условия, порождающего обязанность действовать, если исполнение должностным лицом конкретной обязанности было связано с таким условием;

– наличие одного из юридических фактов, с которыми уголовный закон связывает наступление уголовной ответственности за бездействие должностного лица (совершено попустительство преступлению; не выполнены показатели, достижение которых являлось условием оказания государственной поддержки; причинен ущерб в крупном размере или существенный вред правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам).

Под попустительством преступлению в соответствии с частью второй п. 13 Постановления от 16 декабря 2004 г. № 12 понимается умышленное невоспрепятствование должностным лицом готовящемуся или совершаемому преступлению при условии, что данное должностное лицо в соответствии со своими полномочиями обязано было и могло его предотвратить или пресечь. Оконченным преступление в указанной форме признается с момента невоспрепятствования его совершению. Заранее обещанное со стороны должностного лица попустительство совершению преступления квалифицируется по совокупности как бездействие должностного лица и соучастие (в виде пособничества) в совершении соответствующего преступления.

Порядок оказания государственной поддержки осуществляется в соответствии с Указами Президента Республики Беларусь от 23 марта 2016 г. № 106 «О государственных программах и оказании государственной финансовой поддержки» и от 25 июля 2016 г. № 289 «О порядке формирования, финансирования, выполнения и оценки эффективности реализации государственных программ». Бездействие должностного лица, повлекшее невыполнение показателей, достижение которых являлось условием оказания государственной поддержки, выражается в умышленном вопреки интересам службы несовершении необходимых действий по службе распорядительного, экономического, организационного характера, повлекшем срыв выполнения установленных целевых показателей, для достижения которых была оказана государственная поддержка. Момент окончания данного преступления определяется истечением последнего дня срока (периода), установленного для достижения предусмотренного уровня прогнозируемого показателя.

Обязательными признаками преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 425 УК, являются альтернативные мотивы: корыстная или иная личная заинтересованность. Бездействие должностного лица, совершенное по иным мотивам даже при наступлении общественно опасных последствий, не влечет уголовной ответственности.

При отграничении бездействия должностного лица от злоупотребления властью или служебными полномочиями следует учитывать не только объективную сторону, но и особенности психологической конструкции вины. При бездействии должностное лицо воздерживается от совершения определенного действия намеренно, сознавая при этом необходимость и возможность исполнения служебной обязанности.

Бездействие должностного лица необходимо также отграничивать от *служебной халатности* (ст. 428 УК). Служебная халатность может быть совершена только по неосторожности, в то время как субъективная сторона бездействия должностного лица характеризуется умышленной виной к факту несовершения действий, предписанных ему по службе. При бездействии должностное лицо осознанно вопреки интересам службы не исполняет возложенные на него обязанности с сознательным допущением или желанием причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, в то время как при служебной халатности должностное лицо проявляет небрежность по отношению к интересам службы, не исполняя или ненадлежаще исполняя возложенные на него служебные обязанности.

Превышение власти или служебных полномочий (ст. 426 УК) выражается в умышленном совершении должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе, т. е. относящихся к полномочиям другого должностного лица, в том числе вышестоящего по службе, либо действий, которые могли быть совершены самим должностным лицом только при наличии особых обстоятельств, либо действий, которые никто ни при каких обстоятельствах не вправе совершать.

При квалификации необходимо первоначально определить компетенцию должностного лица, затем установить, что совершенное им деяние явно выходило за пределы предоставленных полномочий. При решении вопроса, является ли выход за пределы прав и полномочий явным, следует учитывать, что данный факт является очевидным, бесспорным прежде всего для самого должностного лица. В случае если указанный вопрос не является однозначным и должностное лицо превысило свою власть или служебные полномочия по причине нечеткого определения круга служебных полномочий либо нечеткого

распределения полномочий между вышестоящими и нижестоящими должностными лицами, деяние не может быть квалифицировано как превышение власти или служебных полномочий. При наличии соответствующих обязательных признаков названное деяние может быть квалифицировано как злоупотребление властью или служебными полномочиями.

По конструкции объективной стороны основной состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 426 УК, является материальным и предполагает обязательное наличие общественно опасных последствий. Умышленное совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе, сопряженное с насилием, мучением или оскорблением потерпевшего либо применением оружия или специальных средств, предусмотренное ч. 3 ст. 426 УК, является формальным составом и наступления последствий, указанных в ч. 1 ст. 426 УК, не требует.

Насилие применительно к ч. 3 ст. 426 УК может выражаться в причинении физической боли, побоев, телесных повреждений, а также в реальной угрозе таких действий. Если в результате превышения власти или служебных полномочий причинено умышленное тяжкое телесное повреждение или совершено убийство, содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений: как превышение власти или служебных полномочий и соответствующие преступления против жизни и здоровья (ч. 1–3 ст. 147 или ч. 1 и 2 ст. 139 УК). Исходя из этого, умышленное нанесение телесных повреждений иной тяжести, истязание, причинение телесных повреждений или смерти по неосторожности охватываются ч. 3 ст. 426 УК.

Под оружием и специальными средствами следует понимать такие виды оружия и специальных средств, которые указаны в соответствующих нормативных правовых актах (например: Законе об оружии, Законе об органах внутренних дел Республики Беларусь).

При квалификации деяния по ч. 3 ст. 426 УК необходимо учитывать, что насилие, мучение, оскорбление потерпевшего либо применение оружия или специальных средств должны быть совершены должностным лицом на основе и при исполнении им своих служебных полномочий, но не вне службы.

Субъективная сторона превышения власти или служебных полномочий характеризуется умышленной формой вины. Данное преступление остается умышленным в том числе при неосторожной форме вины по отношению к причинению телесных повреждений либо смерти. При

квалификации деяния по ст. 426 УК наличия корыстной или иной личной заинтересованности не требуется.

Получение взятки (ст. 430 УК) в отличие от дачи взятки и посредничества во взяточничестве может быть совершено только должностным лицом.

Получение взятки – это принятие должностным лицом для себя или для близких материальных ценностей либо приобретение выгод имущественного характера, предоставляемых исключительно в связи с занимаемым им должностным положением, за покровительство или попустительство по службе, благоприятное решение вопросов, входящих в его компетенцию, либо за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку или представляемых им лиц какого-либо действия, которое это лицо должно было или могло совершить с использованием своих служебных полномочий.

Предметом данного преступления является взятка, которая имеет одинаковое содержание также для дачи взятки (ст. 431 УК) и посредничества во взяточничестве (ст. 432 УК). Взяткой могут признаваться материальные ценности (деньги, ценные бумаги, вещи и т. п.) либо выгоды имущественного характера независимо от их стоимости, предоставляемые должностному лицу исключительно в связи с занимаемым должностным положением (различного вида услуги, оказываемые безвозмездно либо на льготных основаниях, но подлежащие оплате, производство строительных, ремонтных, иных работ и т. п.).

Получение услуг нематериального характера (помощь при поступлении в учреждение высшего образования, на работу, положительный отзыв о книге, диссертации и т. д.) не может быть квалифицировано как получение взятки. При наличии соответствующих обязательных признаков такие действия могут быть расценены как злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК), использование заведомо подложного документа (ст. 380 УК). Если в качестве взятки передается имущество, нарушение порядка обращения которого является преступлением (драгоценные металлы, оружие, наркотические средства и т. д.), содеянное квалифицируется по совокупности преступлений.

Взятка считается принятой должностным лицом, если она получена:

– должностным лицом лично;

– с согласия должностного лица его родными или близкими;

– по указанию должностного лица иными лицами.

Получение взятки признается оконченным с момента принятия долж-

ностным лицом хотя бы части вознаграждения, независимо от того, было ли им выполнено обусловленное взяткой действие (бездействие) в интересах дающего, был ли причинен ущерб чьим-либо интересам. В случаях когда обусловленная взятка не была получена по причинам, не зависящим от воли взяткополучателя, содеянное образует покушение на получение взятки. По ст. 14 и соответствующей части ст. 430 УК подлежат квалификации действия должностного лица, которое получило в качестве взятки фальшивые денежные знаки, будучи уверенным в их подлинности.

Получение взятки совершается исключительно в связи с занимаемым лицом должностным положением. Принятие ценностей не является получением взятки, когда действия должностного лица не были связаны с его полномочиями по службе. Действия должностного лица, получившего взятку, а затем передавшего часть полученного в качестве вознаграждения соответствующему должностному лицу (без предварительной договоренности с ним о получении взятки) в целях принятия решения в интересах дающего взятку, следует квалифицировать по совокупности преступлений: как получение и дача взятки.

Если должностное лицо получает материальное вознаграждение якобы за совершение соответствующих действий (бездействие) по службе, которые оно заведомо не может осуществить из-за отсутствия надлежащих полномочий, при наличии умысла на завладение указанным вознаграждением такие действия (бездействие) следует квалифицировать как мошенничество. Таким же образом квалифицируются действия лица, которое получает от взяткодателя деньги или иные ценности якобы для передачи должностному лицу в качестве взятки и, не намереваясь это сделать, присваивает их.

Безвозмездное получение материальных ценностей юридическим лицом не образует получения взятки, за исключением случаев, когда ценности предназначены для незаконного вознаграждения должностного лица, даже если эти средства будут получены им при проведении протокольных и иных официальных мероприятий с соблюдением установленного законом порядка.

При квалификации получения взятки по признаку повторности необходимо учитывать положения, закрепленные ч. 4 примечаний к гл. 35 УК: преступления, предусмотренные ст. 430–432 УК, признаются совершенными повторно, если им предшествовало совершение любого из перечисленных преступлений.

Получение и дача взятки находятся в соотношении необходимого соучастия, при котором получение взятки автоматически предполагает

дачу взятки и наоборот. В то же время для наступления уголовной ответственности за получение взятки совсем не обязательно, чтобы взяткодатель также был привлечен к уголовной ответственности, поскольку он может быть освобожден от нее, например, в связи с вымогательством взятки.

Особенности квалификации преступлений против интересов службы, совершаемых общим субъектом. *Дача взятки* (ст. 431 УК) и *посредничество во взяточничестве* (ст. 432 УК) неразрывно связаны с получением взятки и в совокупности объединены более общим понятием «взяточничество». Понятие «дача взятки» в уголовном законе отсутствует. Для уяснения признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 431 УК, необходимо обращаться к ч. 1 ст. 430 УК.

Дача взятки – это предоставление должностному лицу или его близким материальных ценностей либо выгод имущественного характера исключительно в связи с занимаемым им должностным положением за покровительство или попустительство по службе, благоприятное решение вопросов, входящих в его компетенцию, либо за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку или представляемых им лиц какого-либо действия, которое это лицо должно было или могло совершить с использованием своих служебных полномочий. Не имеет значения, в своих интересах либо в интересах других лиц действовал взяткодатель. Цели и мотивы, в том числе положительные (ложно понятые интересы службы, учет интересов организации и т. д.), на квалификацию не влияют.

Если взятка передается в интересах юридических лиц, независимо от форм собственности, и иных организаций, содеянное следует квалифицировать по ст. 431 УК, а при наличии оснований – по совокупности с другими преступлениями.

Как взяткодатели несут уголовную ответственность должностные лица, предложившие своим подчиненным добиваться путем дачи взятки другому должностному лицу желаемого действия или бездействия.

Если лицо считает, что взятка передана должностному лицу, а на самом деле это лицо таковым не является либо в силу своих служебных полномочий не может совершить ожидаемые взяткодателем действия по службе, содеянное следует квалифицировать как покушение на дачу взятки.

Если лицо вручило взятку посреднику для последующей передачи должностному лицу, а он, не намереваясь передавать, присвоил ее, дей-

ствия «мнимого посредника» квалифицируются как мошенничество (ст. 209 УК). В случае если подобный посредник склонил лицо к даче взятки, его действия квалифицируются по совокупности преступлений: как мошенничество и как подстрекательство к даче взятки.

Систематическая передача ценностей и оказание услуг имущественного характера должностному лицу за общее покровительство или попустительство по службе не могут квалифицироваться как дача или получение взятки повторно, если эти действия охватывались единым умыслом взяткодателя и взяткополучателя и имели характер продолжаемого преступления.

В следственной и судебной практике встречаются случаи, когда лицо, не являющееся в соответствии с ч. 4 ст. 4 УК должностным, в силу определенных обстоятельств ошибочно принимается кем-либо за должностное лицо (например, находится в кабинете руководителя либо является его однофамильцем) либо самостоятельно путем обмана выдает себя за должностное лицо. Лицо, которое дало незаконное вознаграждение данному лицу, несет уголовную ответственность за покушение на дачу взятки.

Посредником во взяточничестве является лицо, которое, действуя по поручению взяткодателя или взяткополучателя, непосредственно передает предмет взятки, при этом не имеет значения, получил ли он от указанных лиц вознаграждение за свою услугу.

Следует отграничивать посредничество во взяточничестве, которое является самостоятельным преступлением, от соучастия в даче и получении взятки. Если лицо организовало дачу или получение взятки, либо подстрекало к совершению указанных действий, либо иным образом способствовало даче или получению взятки, содеянное квалифицируется как соучастие в даче или получении взятки. Вопрос о квалификации действий соучастника должен решаться в каждом конкретном случае с учетом направленности умысла лица, исходя из того, в чьих интересах и по чьей инициативе (взяткодателя или взяткополучателя) он действует. Дополнительной квалификации по ст. 432 УК не требуется.

Если посредником в качестве взятки передается заведомо похищенное имущество, его действия следует квалифицировать по совокупности преступлений: как посредничество во взяточничестве и соучастие в хищении в виде пособничества, если посредник заранее обещал взяткодателю передать в качестве взятки имущество, которое будет похи-

щено. Если подобного обещания не было, но посредник знал, что передаваемое в качестве взятки имущество было похищено взяткодателем, действия посредника должны квалифицироваться по совокупности преступлений: как посредничество во взяточничестве и приобретение либо сбыт материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем (ст. 236 УК).

Специальные основания освобождения от уголовной ответственности взяткодателя и лица, совершившего посредничество во взяточничестве, предусмотрены примечаниями к ст. 431 и 432 УК.

Особенности квалификации иных преступлений против интересов службы. *Служебный подлог* (ст. 427 УК) может быть совершен как должностным лицом, так и иным уполномоченным лицом, которое в силу своих служебных обязанностей либо по специальному поручению должностного лица непосредственно осуществляет подготовку или выдачу официального документа.

Служебный подлог – это внесение должностным или иным уполномоченным лицом заведомо ложных сведений и записей в официальные документы, либо подделка документов, либо составление и выдача заведомо ложных документов, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности, при отсутствии признаков более тяжкого преступления.

Предметом служебного подлога являются официальные документы, которые надлежаще составлены, и содержащие необходимые реквизиты электронные документы либо письменные акты, удостоверяющие факты и события, имеющие юридическое значение.

Объективная сторона служебного подлога выражается в совершении альтернативных действий: внесении ложных сведений и записей в официальные документы, подделке документов, составлении и выдаче заведомо ложных документов. Служебный подлог считается оконченным с момента совершения одного из перечисленных действий независимо от дальнейшего использования документа и наступления каких-либо общественно опасных последствий.

Служебный подлог нередко сочетается с совершением иного преступления. Для правильной квалификации содеянного необходимо установить, кто является исполнителем преступления, связанного с использованием подложных документов: само должностное лицо, совершившее служебный подлог, или иное лицо, получившее от должностного лица заведомо подложный документ.

Если подложный документ используется для совершения преступления самим должностным лицом, содеянное квалифицируется:

– по совокупности преступлений, если служебный подлог не является обязательным признаком состава иного преступления, а также в случае, когда служебный подлог используется не в качестве способа совершения другого преступления, а с целью сокрытия ранее совершенного преступления;

– только по статье, предусматривающей ответственность за иное преступление, способ осуществления которого объективно включает в себя совершение служебного подлога.

Идеальная совокупность служебного подлога и злоупотребления властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК) либо их превышения (ст. 426 УК) исключается.

Служебный подлог, совершенный за взятку, квалифицируется по совокупности. Получение взятки при этом не может признаваться существенным вредом в виде подрыва авторитета государственной или иной организации и не дает оснований для квалификации такого подлога как злоупотребления властью или служебными полномочиями по ч. 2 ст. 424 УК.

Идеальная совокупность хищения имущества путем злоупотребления служебными полномочиями и служебного подлога, совершенного для осуществления этого хищения, также исключается. Использование при хищении заведомо подложных документов квалифицируется только по ст. 210 УК. Служебный подлог выступает в указанном случае в качестве способа совершения хищения, поэтому дополнительной квалификации по ст. 427 УК не требуется.

Служебный подлог квалифицируется по ст. 427 УК при отсутствии признаков более тяжкого преступления. Более тяжким преступлением против интересов службы может выступать только злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК). В связи с этим совершенный должностным лицом служебный подлог, повлекший последствия, указанные в ч. 2 или 3 ст. 424 УК, квалифицируется соответственно по ч. 2 или 3 ст. 424 УК.

Уголовная ответственность за *незаконное вознаграждение*, которое может выражаться как в его принятии, так и предоставлении, предусмотрена ст. 433 УК. Субъектом получения незаконного вознаграждения в отличие от получения взятки является работник государственного органа либо иной государственной организации, не являющийся должностным лицом.

Незаконное вознаграждение необходимо отграничивать от коммерческого подкупа (ст. 252 УК). Разграничение указанных преступлений производится по субъекту: специальным субъектом коммерческого подкупа является работник индивидуального предпринимателя или юридического лица, не являющийся должностным лицом. Кроме того, коммерческий подкуп совершается за действие (бездействие) в интересах дающего, связанное с выполняемой этим лицом работой или оказываемой услугой и заведомо способное причинить вред интересам собственника или его клиентов. Способность причинения вреда в число обязательных признаков незаконного вознаграждения не входит.

Учебное издание

МАРЧУК Василий Васильевич,
МАШТАЛЕР Юрий Федорович,
ДРОЗД Александра Николаевна и др.

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Учебник

Редактор *Н.С. Дылюк*
Технический редактор *А.В. Мозалевская*
Корректор *М.С. Прушак*

Подписано в печать 23.07.2024. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 17,20. Уч.-изд. л. 17,21.
Тираж 370 экз. Заказ 133.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6А, 220005, Минск.